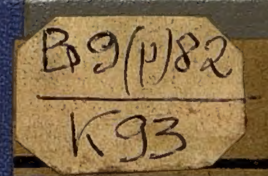

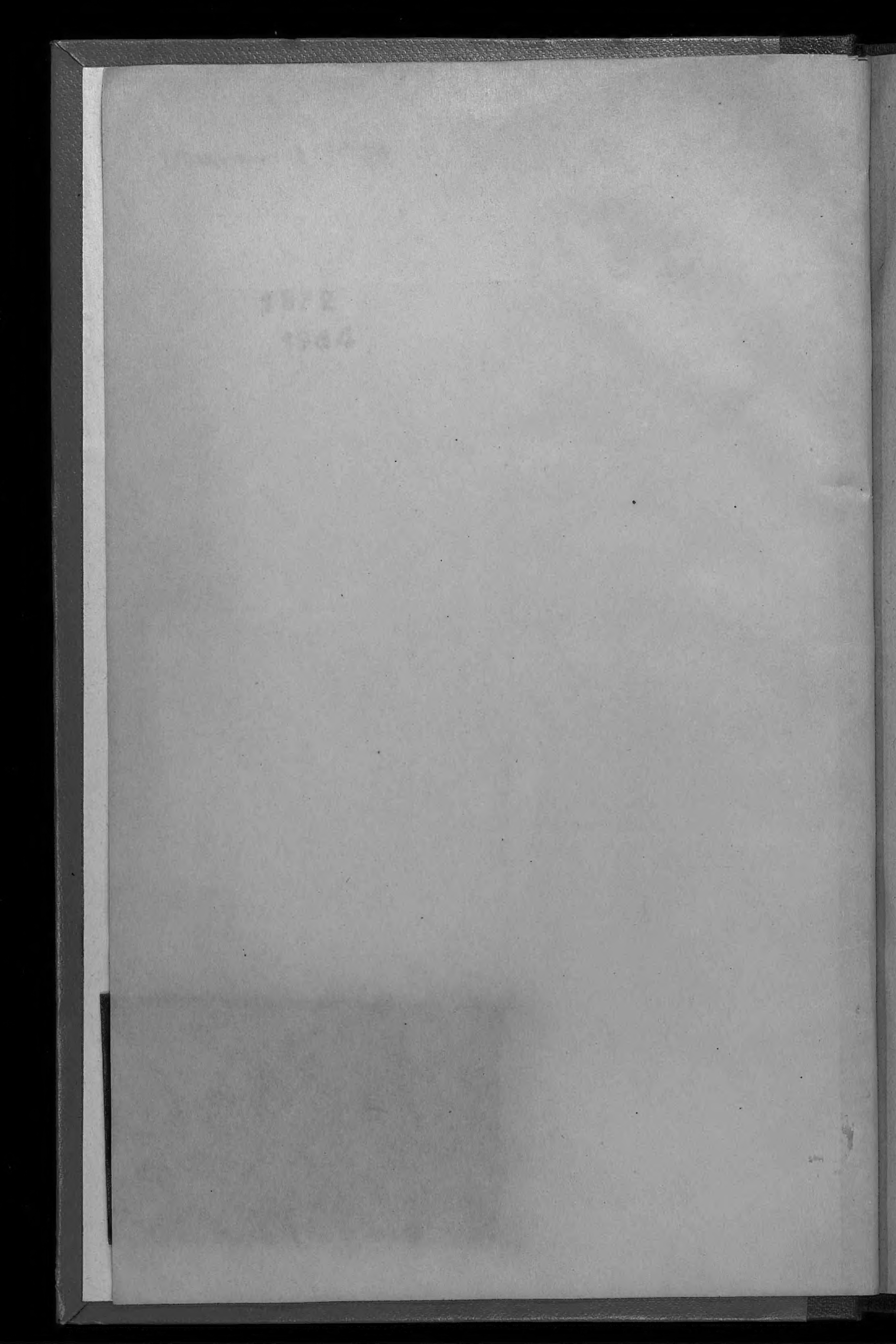
ЦЕНТРАРХИВ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

ИЗ ДНЕВНИКОВ
А. Н. КУРОПАТКИНА
и Н. П. ЛИНЕВИЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД 1925

ЦЕНТРАРХИВ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

ИЗ ДНЕВНИКОВ А. Н. КУРОПАТКИНА и Н. П. ЛИНЕВИЧА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД. 1925

Гиз № 10275. Ленинградский Гублит № 11763. 12½ л. Отп. 5000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящим сборником Центрархив начинает издательство документов по истории первой империалистической войны, какую вела царская Россия. Русско-японская война 1904—1905 г.г., правда, не может быть целиком отнесена к типу войн империалистических: в ее подготовке сильно звучат чисто-феодальные мотивы, в образе «торгово-экономических» интересов семьи «Романовых», на ней отразились и интересы русского торгового капитала, от которого задача эксплоатации Сибири к востоку от Енисея повелительно требовала найти свободный во всякое время года выход на Тихий океан. Но когда мы читаем в одной из записок главного виновника этой войны, Безобразова: «В военно-политическом отношении Дальний Восток находится еще в том периоде, когда требуется интенсивная борьба для утверждения там нашей государственности. Борьба эта имеет конечной целью создание на Дальнем Востоке нашей гегемонии, без которой нам не совладать ни с желтокожей расой, ни с враждебным для нас влиянием наших европейских соперников», — на нас смотрит уже не торговый, а монополистический капитализм. Участие банкового капитала в дальне-восточной авантюре начала XX века пока остается невыясненным. Но уже тот факт, что самое движение на Дальний Восток в 1895 году началось под эгидой этого самого банкового капитала (образование русско-китайского, позже русско-азиатского банка, при участии крупнейших банковых учреждений Парижа), достаточно выразителен. Русско-японская война не была еще настоящей империалистической войной, в роде войны 1914 года, но она в ряду войн принадлежит к тому же переходному типу, как Парижская Коммуна или наша революция 1905 года принадлежат к переходному типу революций, стоящих между буржуазными и социалистическими.

Сборник распадается на три части. Первую составляет записка А. Н. Куропаткина о возникновении войны, записка, интересная, глав-

ным образом, как весьма ценное дополнение — и поправка — к соответствующим главам «Воспоминаний» Витте (главы IX, X, XIII, XVII и XVIII первого тома). Только читая снабженную обильными ссылками на документы записку Куропаткина, вы начинаете видеть, до чего «субъективны», мягко выражаясь, записки родоначальника российского империализма, — на каковое звание Витте безусловно имеет право. Не скрывая своей прикосновенности к первому акту трагедии — захвату Порт-Артура (но и то лишь потому, что дело было уже решено упрямым Николаем II и все равно было бы выполнено, только хуже...), Витте решительно отрицает свое участие в ее финале, авантюре собственно-безобразовской. Он боролся с этой авантюрой, сколько мог, он, в самом худшем случае, играл чисто пассивную роль (весна 1903 года) — но он не приложил к ней руки. А предательский журнал знаменитого совещания 7/20 мая 1903 г., цитируемый Куропаткиным, констатирует, что «министр финансов... после объяснений со ст.-секретарем Безобразовым, по существу дела не состоит с ним в разногласии». Николай председательствовал на совещании, все это слышал, — как мог он понять это, если не как сдачу Витте перед «неопровержимыми» доводами Безобразова. Вместо героя, павшего (хотя бы бюрократически, в смысле потери места) на своем посту, который он защищал до последней минуты, перед нами недостаточно ловкий придворный, начавший угождать, да слишком поздно...

Интересно, далее, то новое, что сообщает Куропаткин о роли Плеве. До сих пор отношение этого Бирона XX столетия к войне освещалось только под узко-политическим углом зрения: «нам нужна маленькая победоносная война, чтобы предупредить революцию». На самом деле Плеве может претендовать на звание второго, после Витте, предшественника русского империализма и так как Плеве индивидуально был к этому как нельзя менее подготовлен, то влияние общих тенденций эпохи сказывается здесь с особенной ясностью. На упоминавшемся совещании он заявлял: «что, дабы включить Манчжурию в сферу нашего политико-торгового влияния, необходимо: 1) осторожное ведение наших предприятий и 2) недопущение в Манчжурию иностранцев».

Значение этого выступления Плеве автор записки резюмирует настолько хорошо, что остается лишь привести его слова. Не допускать иностранцев и в Манчжурию. Это мнение, поддержанное Плеве, имело огромные практические результаты, ибо мы, нарушая права европейцев в Манчжурии, вытекавшие из договоров с Китаем, ставили против себя Англию, Америку, Германию и Японию. Это послу-

жило к тому, что Японию не только стали поддерживать, но науськивать на Россию, и, что всего важнее, дали ей деньги. Без этих денег Япония не могла начать с нами войну. Оставив в покое право европейцев, мы могли бы избежать войны. Теперь, с новым курсом, против нас был весь мир».

Само собою разумеется, что и к записке А. Н. Куропаткина нужно подходить критически — и она, как мемуары Витте, носит апологетический характер. Из напечатанного в «Красном Архиве» (т. II) «дневника» того же автора, писавшего тогда без заранее намеченного плана, день за днем, видно, что и его сопротивление безобразовской авантюре не отличалось ни стойкостью, ни последовательностью. Но из сопоставления двух версий получается достаточно полная картина, позволяющая судить, что именно было.

Вторая часть сборника, дневник Н. П. Линевича, представляет меньший интерес. Автор гораздо менее крупный, рядовой фронтовик, притом порядочно уже одряхлевший, Линевич имеет значение, главным образом, потому, что он бесхитростно, и даже не все понимая, изо дня в день описывал разложение командовавшейся им осенью 1905 года манчжурской армии. Все время старик себя утешает, что ничего особенно важного нет, что «всех переловили и арестовали», но на другой же день опять приходится ловить и арестовывать, и чем дальше, тем больше. И все это кончается трогательной записью 9 января (ст. ст.) 1906 г.: «Сегодня получил телеграмму от Редигера (военного министра) о том, что я допустил преступное бездействие и чтобы я по болезненному своему состоянию избрал бы себе преемника для замещения меня». Плохо попасть в революцию на исходе седьмого десятка, особенно, когда за плечами ничего, кроме фронтового опыта, нет. Личная мягкость стяжала Линевичу репутацию «либерала», — но в «дневнике» никакого сознательного либерализма и даже никакой вообще политической сознательности не видно. Но история революционного движения в манчжурской армии так мало известна, что записи лица, очень близко стоявшего к месту действия, представляют несомненный интерес и вполне заслуживают опубликования. Дневник, впрочем, печатается нами не целиком, а в наиболее интересных выборках. Зато к документам исключительного интереса возвращает нас т р е т ь я часть сборника. Тут перед нами в подлиннике вся безобразовская авантюра, во всей ее интимности — ибо записки и письма как самого Безобразова, так и Абазы, ни для чьих глаз, кроме Николая II, не предназначались. Обе эти фигуры перед нами во весь рост. Безобразов просится в специаль-

ный этюд на тему: «дикий помещик и империализм». Во всей роскоши своего теоретического оборудования стоит он перед нами в такой, например, тираде: «Для экономического общего благополучия Дальнего Востока требуется: а) сперва создание и обеспечение за собой известных ценностей и вообще прав на определенное состояние; b) затем помещение этих ценностей для создания полезностей в благонадежные частные руки и соблюдения благоприятных условий для эксплоатации правильных дел; эти ценности должны считаться государственным достоянием; орудия же действия, для обращения ценностей в полезности, должны функционировать в качестве арендаторов этого добра, верных фискальных плательщиков, но пользующихся действительной защитой своей личности и собственности. При этих условиях только могут удовлетвориться элементы всякой собственности, а именно — право владеть, пользоваться и распоряжаться своим добром. При этом создается порядок индивидуализации труда и капитала вместо принципа государственного социализма, который сознательно или бессознательно во всем проводился С. Ю. Витте».

И этот человек вершил судьбы русской политики на Дальнем Востоке. Но характерно, что даже Безобразов под конец стал понимать, что достигнуть каких-нибудь реальных результатов можно только «при умелом привлечении к делу иностранных капиталов». Привлечение иностранцев к кооперативному с нами на Дальнем Востоке труду с условием, чтобы они в выгодах своих и в занимаемом положении не выходили из второстепенной роли, возможно только при правильной организации нашего положения на Дальнем Востоке и умелой постановке финансовых вопросов.

Естественно, однако, что «дикому помещику» «иностранцы» рисовались в образе чего-то в роде немецких камердинеров или французских гувернеров доброго старого времени. И он набрасывает такой, например, план «кооперации» с американцами в Корее: «В настоящее время есть случай, который, вероятно, больше не повторится. Именно, корейское правительство ищет заключить заем под обеспечение всех своих рудных богатств. Если через генерала Вогака поручить устроить этот заем американцу Гюнту, имеющему крупные золотопромышленные дела в Корее, при чем условиться, чтобы американская эскадра пришла одновременно и совместно с нашей для поддержания прав этой концессии, то этим путем создалась бы та отрезвляющая для японцев обстановка, без которой они долго еще будут опьянены перспективой своих империалистических затей».

«Следует принять во внимание, что, начиная при таких условиях деловую связь с Америкой, мы пойдем навстречу американским капиталам, которые ищут только удобного для себя помещения».

«Если делу с Гюнтом мы сумеем придать вид хорошей для американцев приманки, то американский капитал войдет в наши дела со скромными требованиями, как вообще искательная часть является в дом именитого хозяина. Если же это привлечение сделать при менее внушительной обстановке, то запрос и вообще требовательность пропорционально возрастут».

Увы! Американские капиталисты вовсе не искали союза с Безобразовым — союз с японцами им показался выгоднее. И «именитому хозяину» пришлось спешно убираться, по добру, по здорову, подобрав полы...

М. Покровский.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Материалы, вошедшие в состав настоящего сборника, извлечены частью из фонда ген. Линевича (дневник Линевича и его письма), частью из документов архива Зимнего дворца, хранящихся в Госуд. Архиве Р. С. Ф. С. Р. (письма Балашева, Абазы и Безобразова). «Пролог манчжурской трагедии» представляет собой обработку А. Н. Куропаткиным части своих дневников начала 900-х годов.

Материалы подготовлены к печати и снабжены примечаниями А. М. Зайончковским.

I

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

ИЗ ДНЕВНИКА
А. Н. КУРОПАТКИНА

Пролог манчжурской трагедии.

ГЛАВА I.

Военное ведомство все время боролось против авантюр на Дальнем Востоке. Уже с проложения железной дороги по Манчжурии началась особая тревога, что Азия нас ослабит в приготовлениях на Западе.

Духовской энергично отстаивал, чтобы дорога проводилась, согласно с волею Александра III, по нашим владениям, но всесильный Витте настоял на своем, и мы вонзили железную полосу в живое тело Китая на протяжении 1.200 верст.

Этого насилия, допущенного подкупленным Сергеем Витте подлым Лихунчаном, Китай никогда не простит России. Китай всегда будет добиваться, чтобы магистраль, проходящая по Манчжурии, была китайскою, но не русскою. Прогорев в планах на транзитное, мировое значение этой магистрали, Витте, действительно, был противником дальнейшего—увы!—естественного развития начатой им же авантюры. Он боролся против занятия Порт-Артура. К сожалению, в 1897 году, когда решался вопрос о занятии Порт-Артура, бывший военный министр Ванновский не поддержал Витте, а высказался вместе с шутом графом Муравьевым за занятие этого пункта. И тем не менее вопрос о Порт-Артуре был решен отрицательно. Но вдруг граф Муравьев келейно обработал это дело и, как великий успех своего правления, поднес государю Порт-Артур. Государь не устоял и без нового обсуждения сего важного вопроса приказал занять Порт-Артур. Этим мы кровно, незаслуженно оскорбили японцев, насмеялись над ними, ибо, вырвав у них из рук Порт-Артур, доставшийся им путем победы, сами захватили его в свои руки. Война стала неизбежною, но мы этого не сознавали и в должной мере не готовились к ней. Все думали, что вопрос о войне и мире всецело в наших руках.

Как только Порт-Артур был занят, Витте, умыв руки в факте занятия его, тем не менее, с жадностью эксплоатировал этот новый роковой для России шаг с целью развития и упрочения своего первого, трещавшего по всем швам предприятия—Восточно - Китайской железной дороги. Быстро стала сооружаться южная ветвь от Харбина к Мукдену и далее к Порт-Артуру, заводились океанские пароходы Восточной компании, заводились канонерки на реках. Заложен, без

соглашения с Алексеевым и мною Дальний, так ослабивший Порт-Артур. Увеличилась пограничная стража и проч.

1900 год показал, как относится население к нашим затеям в Манчжурии. Только благодаря относительно быстрому занятию Пекина удалось быстро погасить восстание и в Манчжурии. Но урок прошел даром. После манчжурских начались авантюры корейские, еще более опасные, ибо таковые непосредственно задевали интересы Японии в Корее. Тут Витте, Ламсдорф и я дружно работали против Безобразова, Абазы и Балашева и победили бы их, если бы не двуличная роль Алексеева, поддерживавшего эти предприятия, потому что им сочувствовал государь.

Мое отношение к манчжурскому вопросу все время было вполне определенное. Я был сторонник проведения железной дороги по русским владениям до Владивостока, но когда решался этот вопрос, я управлял Закаспийскою областью, и моего мнения не требовалось. Когда северная магистраль была проведена, я признавал необходимым прочно обеспечить связь по этой магистрали, поставив на ней достаточную военную силу; иначе прочной связи не будет. Равно я признавал необходимым иметь в северной Манчжурии наш правительственный надзор, дабы железная дорога не послужила нам во вред путем колонизации пустынной северной Манчжурии густым китайским населением.

Уже в письме к министру иностранных дел, от 3 декабря 1900 г., № 1123 (дело № 50 об установлении порядка управления Манчжурией), высказал мнение, что в предстоящих переговорах с Китаем буду убежденным противником присоединения Манчжурии к России.

В 1901 году на запрос Ламсдорфа: какие задачи мы должны преследовать в Манчжурии, я ответил длинным письмом [1]), в котором подробно разбирал значение для России северной и южной Манчжурии и доказывал, что нам отнюдь не надо захватывать в той или другой форме южную Манчжурию, ибо это приведет нас к войне с Китаем и Япониею. Напротив того, северная Манчжурия, пустынная и прилегающая к России, после проведения магистрали естественно должна войти в сферу особого влияния России и быть ею особо охраняема, дабы жертвы, принесенные Россиею на Дальнем Востоке, не оказались ей во вред. В том же письме указывал, что Порт-Артур не усиливает, а ослабляет наше положение. Затем последовало правительственное сообщение о том, что мы не хотим территориальных захватов в Китае, а потом и договор 1902 года (26 марта), с обозначением сроков эвакуации.

Первый срок, назначенный для очищения от наших войск местности от Шанхай-Гуаня до Ляохе, несмотря на противодействие Алексеева, а именно 26 сентября 1902 года, был выполнен.

Вторым сроком (через 6 месяцев) было назначено 26 марта 1903 г., когда было обещано вывести войска из Мукденской и Гиринской провинций.

---

[1]) Находится в деле № 44: «Материалы к составлению записки о желательности присоединения к России северной Манчжурии». Дело это отправлено в Петербург с Новочеркасским полком. *Прим. авт.*

Третий срок очищения Цицикарской провинции был отнесен на 26 сентября 1903 года.

Опять началась у меня борьба с Алексеевым за выполнение второй части договора. Все было приготовлено к очищению Мукденской провинции (Инкоу и Мукдена в том числе). Помещения для уводимых войск были приисканы, планы перевозки составлены, и очищение началось. Но в начале января 1903 года прибыл на Дальний Восток Безобразов с особыми полномочиями. Алексеев нашел в нем поддержку, и очищение войск было приостановлено. Мало того, уже очищенный нашими войсками Мукден был вновь занят. Для поддержания лесного предприятия на Ялу вновь двинут отряд в Фынхуанчен, и, наконец, наши войска (охотничьи команды) выдвинулись к реке Ялу и заняли Шахецзы. Лесное предприятие на Ялу получило как бы значение правительственного предприятия, во главе которого стоял сам государь, а в денежном отношении участвовала и государыня Мария Федоровна. Подполковник ген. штаба Мадритов поставлен во главе этого предприятия. У него работало несколько офицеров, в том числе Бодиско.

К этому времени относятся посещение меня адмиралом Абазой и предъявление им совершенно невероятных требований, как бы от лица государя, например, послать в Корею несколько сот переодетых в штатское платье солдат; везти за ними ружья. Тогда же Абаза с невероятным цинизмом указывал мне, что «они» будут нанимать на свою службу хунхузов и при помощи их будут устранять тех европейцев, которые будут мешать их затеям в Манчжурии и Корее. Тогда же возник и серьезно рассматривался проект Безобразова об образовании из северной Кореи стратегического заслона и о введении туда отряда из 5.000 человек с артиллерией и т. п.

Испуганные всеми этими затеями, Витте и Ламсдорф нашли во мне энергичную поддержку. Каждый из нас поочереди докладывал государю, что такая деятельность Безобразова и К° доведет нас до войны с Японией. Государь решил послать меня на Дальний Восток, дабы ознакомиться на месте с положением дел.

Для обсуждения записки Безобразова о придании предприятию на Ялу «стратегического» характера, 26 марта 1903 г. было собрано под председательством государя совещание, в котором участвовали вел. кн. Алексей Александрович, министры: внутренних дел, иностранных дел, финансов, военный и адмирал Абаза.

После очень оживленного заседания, где я говорил с полною откровенностью, государь решил, «что война с Японией весьма нежелательна и что нам необходимо стараться водворить спокойствие в Манчжурии». Поэтому лесное общество на Ялу должно быть основано «на чисто коммерческих началах». Военные чины должны быть устранены от участия.

В это время, на основании мнения Алексеева, признавалось, что флот наш не может быть разбит японским. Поэтому исчисление сухопутных сил, потребных для борьбы с Японией, ставилось в зависимость от мнения Алексеева, что высадка возможна только в средней и южной Корее и что японцы не могут увозить все войска с материка. При этих условиях я считал, что при своевременном сборе достаточно иметь 300 т. штыков, дабы удержать за нами Манчжурию.

Государь 5-го апреля утвердил журнал, и я должен был везти его к Алексееву, как масличную ветвь.

В то же время государь предоставил мне, по соглашению с Алексеевым, исполнить очищение Мукденской провинции от наших войск.

Перед отъездом я несколько раз виделся с японским посланником Курино и обедал у него. Свидетельствую, что он был настроен самым миролюбивым образом и верил в возможность соглашения. Курино добивался, чтобы я побывал в Японии, сносился по этому вопросу с своим правительством, откуда последовало и приглашение меня. Государь согласился на это. Все, казалось, шло благополучно, и государь стал, повидимому, твердо на сторону Витте, Ламсдорфа и мою в манчжурском и корейском вопросах.

Уехал я на Дальний Восток с полной надеждой предотвратить войну с Японией, положив конец затеям Алексеева и Безобразова.

Но не то случилось. Вскоре после моего отъезда государь в первых числах мая 1903 года снова попал под влияние Безобразовских идей. Что говорил Безобразов государю в одном из долгих приемов, неизвестно, но в один из этих дней Безобразов вышел из кабинета государя статс-секретарем и с портретом государя с собственноручной надписью: «Благодарный Николай».

Тогда же государь решил и вопрос о «новом курсе», наместничестве, бряцании оружием и пр. Тогда же была предрешена и война с Японией, ибо «новый курс» неизбежно тянул нас в эту пучину.

Еще не доехав до Владивостока, я получил в Харбине депешу от государя о том, что он принял новые решения по делам Дальнего Востока, что поэтому журнал 26-го марта изменен. Мне указывалось не делать никаких распоряжений по эвакуации Манчжурии. Второй депешей мне предписывалось задержаться во Владивостоке до приезда ген.-м. Вогака, который приставлялся ко мне нянькой и шпионом во время поездки моей в Японию. Я терял время. Поехал на Сахалин и Николаевск, куда не предполагал ехать.

Во Владивостоке я получил приказание государя обсудить в Порт-Артуре по возвращении из Японии, вместе с Алексеевым и Безобразовым, вопросы военные и политические, касающиеся Дальнего Востока. Уже закончив свое посольство в Японии, я получил невероятную депешу Гессе. По повелению государя, мне предлагалось задержаться в Японии или съездить в Сеул, чтобы дать время ранее меня приехать в Порт-Артур Безобразову [1]). Мало того, в депеше ко мне ген.-ад. Гессе значилось, что не мне, а Безобразову поручено вместе со мной и Алексеевым обсудить вопросы Дальнего Востока военного, политического и экономического характера. Я покорился, но решил (и привел это в исполнение), что не могу обсуждать вместе с Безобразовым вопросов военных и не могу мешаться в вопросы экономического характера.

Как я уже говорил, государь телеграфировал мне о том, чтобы не приводить в исполнение и не передавать Алексееву журнал совещания 26 марта 1903 года, ибо в нем сделаны большие поправки.

---

[1]) В представленном царю Безобразовым перечне расходов из сумм, бесконтрольно отпускаемых в его распоряжение на одну поездку в Порт-Артур, значится 10.480 руб. (Госуд. Арх.) *Ред.*

По приезде моем из Японии в Порт-Артур Безобразов передал мне засвидетельствованную им копию с журнала «особого совещания 7 мая 1903 г.». В этом совещании участвовали Ламсдорф, Витте, Плеве, Абаза, Безобразов, Вогак, Сахаров. Был ли кто еще, — неизвестно.

Витте и Ламсдорф сдали. Были очень нерешительны. Поклонились новым светилам — Безобразову и Вогаку, которые и доминировали. Сахаров играл ничтожную роль. Все пункты заключения совещания 26 марта 1903 года были подвергнуты пересмотру и значительно изменены. В основание новых решений положены были мнения, высказанные в записке ген.-м. Вогака, разбиравшего значение договора 26 марта 1902 г. и доказывавшего вред его для России. Суть записки заключала в себе «новый курс», а именно признавалось, что политика уступок приведет к войне. Надо эту политику окончить. Надо стать сильнее в Манчжурии, и тогда нас будут бояться и войны не будет. Вогак высказал мнение в записке, занесенное и в журнал совещания 7 мая, что в настоящее время, после огромных жертв, понесенных Россиею, положение ее в манчжурском вопросе хуже, чем было до 1900 года.

Государь высказал в совещании следующие слова, записанные в журнал:

«По поводу изложенного обмена мнений государю императору угодно было указать, что, как выяснилось на Дальнем Востоке, уступки всегда влекут за собою новые уступки».

В журнале особого совещания 7 мая 1903 года значится:

«В заключение заседания, по повелению его императорского величества, статс-секретарем Безобразовым были прочитаны копии телеграмм, посланных государем императором генерал-адъютантам Куропаткину и Алексееву. В этих телеграммах предлагается главному начальнику Квантунской области, приняв безотлагательно меры к недопущению проникновения в Манчжурию иностранного влияния, выяснить вместе с военным министром необходимые мероприятия для постановки нашей боевой готовности на Дальнем Востоке в соответствии с нашими политико-экономическими задачами; а совместно с статс-секретарем Безобразовым установить сущность наших политико-экономических задач в Манчжурии и на берегах Тихого океана, составить план их целесообразной постановки».

Депеши эти были неожиданностью для Ламсдорфа и Витте. Составлял их Безобразов. И государь принял «новый курс», не посоветовавшись со своими министрами, вопреки их мнений, доверившись шайке из Безобразова, Абазы и Вогака, поддержанной Плеве.

«Недопущение проникновения в Манчжурию иностранного влияния» составляло нарушение прав других держав, и это нарушение, которое поставило нас одинокими в Азии, клалось в основу наших действий на Дальнем Востоке помимо министра иностранных дел.

«Установление сущности наших политико-экономических задач в Манчжурии» возлагалось на невежественного фантазера Безобразова помимо министра финансов.

Случайно военный министр был в это время на Дальнем Востоке, иначе, по аналогии, и дела военные были бы решены в Порт-Артуре Алексеевым и Безобразовым без военного министра. Но неожиданно

принятый «новый курс» настолько грозил быстрыми осложнениями с Японией, Китаем и иностранными державами, что, очевидно, постановка нашей готовности на Дальнем Востоке с новыми политико-экономическими задачами не могла быть выполнена в несколько месяцев, оставшихся в нашем распоряжении до начала военных действий. Мы все время готовились выполнять договор 26 марта 1902 г., готовились выводить и частью уже вывели свои войска из Манчжурии, а по новому курсу мы должны были, напротив того, не только не очищать Манчжурии от войск, но, по представленной Безобразовым записке, собрать в ней в мирное время армию. Очевидно, повторяю, в несколько месяцев, при неоконченной железной дороге, при двух, потом трех воинских поездах в сутки (при Байкале, составлявшем пробку) выполнить это было невозможно.

Тревогу мы пробили. По этой тревоге противник бросился на нас, но «в ружье» встать мы не успели.

Смелость, с какой мы приняли «новый курс», зная нашу боевую неготовность в военно-сухопутном отношении, объясняется преувеличенным мнением о силе нашего флота на Дальнем Востоке. Флот этот считался сильнее японского, и потому, повидимому, не предполагалось, чтобы Япония могла и посмела объявить нам войну.

Примешав к программе требование о принятии безотлагательно мер «по недопущению проникновения в Манчжурию иностранного влияния», мы ставили против себя не только Китай и Японию, но Америку и Европу, и все это с неготовой железной дорогой и все это при отсутствии русских экономических интересов в Манчжурии, настолько существенных, чтобы из-за них стоило рисковать войною со всем светом.

Так своеобразно по новому курсу мы смотрели на наши интересы в Манчжурии. По правительственным сообщениям, когда нас никто в 1900 году не тянул за язык, мы щедро рассыпались перед всем светом в заявлениях о своем бескорыстии; в 1902 году без настоятельной необходимости заключили с Китаем довольно тяжелый для выполнения договор. Этим договором мы обещались возвратить Манчжурию Китаю, а в 1903 году, журналом 7 мая, не только нарушали права Китая, но хотели нарушить права по отношению к Китаю всех иностранцев (японцев, американцев, англичан, немцев).

Относительно удержания за нами южной Манчжурии приведено мнение Безобразова в связи с мнением его о концессии на Ялу. В журнале значатся следующие строки:

«В связи с вопросом о концессии по эксплоатации лесов по реке Ялу, в среде совещания был возбужден вопрос о значении этого предприятия с общегосударственной точки зрения. Ялуцзянская концессия не может быть признана делом частного общества. По заявлению министра финансов, политический и стратегический характер предприятия уже разгадан в Китае и Японии [1], — этим самым дело связано с риском. Очевидно, что без известного риска нельзя вести наступательной политики, но необходимо взвесить, таково ли внешнее и особенно

---

[1]) В примечании к журналу ст.-с. Витте указал: и в других странах. *Прим. авт.*

внутреннее положение России, чтобы ныне на такой риск следовало отваживаться».

К этим строкам следует знаменательное пророческое примечание Витте: «Громадные затраты, произведенные и непрерывно производимые на Востоке, служат одною из существенных причин экономических затруднений в населении Европейской России, а эти затруднения, в свою очередь, имеют, вместе с другими причинами, влияние на внутреннее положение страны. Поэтому, по убеждению министра финансов, необходимо стремиться к сокращению производимых на Дальнем Востоке расходов и не предпринимать таких новых мер, которые способны вызвать новые расходы казны. В случае же какой-либо войны на Дальнем Востоке или же из-за Дальнего Востока, она будет иметь самые бедственные последствия».

(Припомним, что сам Витте и был главный творец наших трат на Дальнем Востоке, а несвоевременным заключением мира в Портсмуте он увеличил бедственные последствия войны.)

Продолжаем цитировать журнал 7 мая:

«В разъяснение возбужденного ст.-с. Витте вопроса, ст.-с. Безобразов заявил, что элемент риска необходимо учесть, не придавая ему однако решающего значения. Нельзя забывать, что Манчжурия до тех пор не будет обеспечена, пока район Ялу не будет занят Россиею».

Между тем покуда, по мнению ст.-с. Безобразова, «не может быть особого риска в наших безусловно законных действиях на Ялу, где мы занимаемся исключительно рубкою леса. К тому же трудно положить предел риску, так как если мы уйдем с Ялу, то риск пойдет за нами по пятам».

«По поводу изложенного обмена мнений государю императору угодно было указать, что, как выяснилось на Дальнем Востоке, уступки всегда влекут за собою новые уступки».

Отсюда видно, что государь был на стороне Безобразова и Вогака. Эти авантюристы низкой пробы успели внушить ему какую-то теорию уступок, успели внушить, что мы уже сделали на Востоке какие-то уступки, которые вызывали необходимость новых уступок. В действительности никаких мы уступок не делали. Мы только не знали, чего хотим добиваться, и то давали непрошенные у нас обещания, то отказывались от них. Эта неопределенность нашей политики, зависимость ее от разных Безобразовых, Вогаков, Абаза и проч., в сущности проходимцев, не любивших Россию и с сомнительной преданностью государю, и составляла главную опасность нашего положения в 1903 году на Дальнем Востоке. Никто не знал, что принесет завтра. Так жить нельзя. Такая неопределенность расстраивала, так сказать, нервы японцам до того, что они решили, что самая опасная операция легче перенесется страною, чем наши изменчивые затеи на Дальнем Востоке. Поэтому, когда японцы увидели, что мы перешли в наступление (и в сторону Кореи), они перешли в контр-атаку и побили нас.

Относительно хода дела на Ялу в журнале имеются следующие перлы:

«Ст.-секретарь Безобразов указал на все значение фактически проявленной в настоящее время практической многомиллионной дея-

тельности на берегах р. Ялу, основанной на удачном соглашении русских частных интересов с интересами вольных обществ, живущих в лесах правого берега этой реки. Кроме того, относительно китайского правительства русское лесное дело обставлено правом бессрочных порубочных билетов, выданных в вполне законном порядке».

Какое это было удачное соглашение русских частных интересов с интересами вольных обществ, подробно изложено в газете «Владивосток», 1905 г., в №№ 14—21. Кроме того, о Безобразовских безобразиях помещено в №№ 12, 25 и 27 той же газеты.

Из этих мер «по удачному соглашению» в № 16 газеты «Владивосток» указывается следующая:

«Решенные на «тайном совете» Балашевым и Мадритовым меры заключались в следующем: установить «блокаду» устья реки (Ялу) и конфисковать сплавляемый лес, платя сплавщикам его только за сруб его по 25 коп. за куб. фут. Для этой цели послужили катера (казенные), которые ходили на разведки вверх по реке и там уже ловили нарушителей прав концессии».

В действительности вместо уплаты по 25 коп. за куб, которые выводились в расход, лес отбирался силою без оплаты.

В № 17 газеты «Владивосток» значится:

«Конфискация сплавляемого леса производилась возмутительнейшим образом, если не сказать больше — разбойническим...»

Сопротивлявшихся топили. Были схватки с потерями с двух сторон. Охранная стража состояла из записных пьяниц. Было и нападение на поселок.

Что же послужило последним толчком для государя, чтобы принять «новый курс» в делах Дальнего Востока?

Несомненно, что, кроме докладов и записок Безобразова, еще две записки: одна—адмирала Абазы, другая—ген.-м. Вогака. Копии с этих двух записок были переданы мне на крейсере «Аскольд», по пути в Японию, ген.-м. Вогаком, уже свиты ген.-майором. Это звание он получил за свою записку, — за то, что раскрыл государю глаза. Потом оказалось, что он рыл только вместе с Безобразовым и Абазою яму, в которую мы и свалились. Обе эти записки составляют как бы приложение к журналу совещания 7 мая. Главными приложениями к сему журналу служат, также: 1) памятная записка, составленная Безобразовым с участием Вогака и Абазы, и 2) отчет об особом совещании 7 мая, составленный 7 мая тою же компаниею. Оба эти документа были переданы мне также ген.-м. Вогаком на крейсере «Аскольд».

Приведем главнейшие основания этих документов, решивших вопрос о «новом курсе» и о войне с Япониею.

В записке ген.-м. Вогака, представленной им государю в апреле 1903 г., излагалось, что очищение от наших войск Манчжурии вредно для нас. В записке значится:

«В 1900 году, когда мы ввели свои войска в Манчжурию, Китай и другие державы признали это началом фактического занятия нами трех провинций». «Для всех казалось ясным, что только Россия, территория которой подверглась нападению китайцев, имеет право объявить Китаю войну и воспользоваться всеми последствиями этого.

Однако, Россия войны не объявила, а объяснила ввод своих войск в Манчжурию решением помочь китайскому правительству в борьбе с восстанием, которое тем же правительством было организовано и им же руководилось. Принцип дружбы восторжествовал, несмотря на то, что смуты 1900 года обнаружили враждебное настроение к нам Китая и его неблагодарность за прошлое.

Естественным и логичным следствием такой постановки дела были сделанные Россиею правительственные сообщения о нежелании территориальных захватов. Сообщения эти дали Китаю и державам первую надежду на то, что Россия колеблется в своем решении завладеть Манчжуриею, и вызвали с их стороны возобновление оппозиционной нашим планам деятельности, результатом которой явился договор 26 марта 1902 г.

«Уступка, нами сделанная, Китаем правильно оценена не была; равным образом и другие державы не объяснили ее дружбою к Китаю, в которую никто и никогда серьезно не верил. Эта уступка была объяснена слабостью России, проистекающей от ее боевой неготовности на Дальнем Востоке, в связи с внутренними и финансовыми затруднениями, испытываемыми империею. Объяснение это казалось тем основательнее, что подписание договора 26 марта последовало после протеста Японии, которому приписан был характер серьезной дипломатической победы.

Китай и державы приняли это к сведению и руководству и коренным образом изменили свое отношение к манчжурскому вопросу, став на путь активной политики, с тем, чтобы воспользоваться положением, которое создалось бы для России по очищении Манчжурии».

Далее в записке Вогака излагаются следующие мысли:

«Тотчас после договора 26 марта 1902 г. китайское правительство возвратилось к прежнему плану колонизации Манчжурии, дабы противодействовать распространению влияния России.

Вместе с сим китайское правительство стало уклоняться от заключения с нами каких бы то ни было договоров».

Ухода наших войск из Манчжурии ждали и некоторые державы, с тем, чтобы начать проникать в Манчжурию.

После вывода войск мы вне полосы отчуждения железной дороги окажемся в совершенно одинаковом положении с другими державами».

Но особенно уход наших войск из Манчжурии будет выгоден Японии. Базируясь, с одной стороны, на Корею, а с другой—на северный Китай, Япония будет упорно проникать в глубь края, борясь против нашего влияния. Китай будет помогать японцам.

«Проникновение иностранцев в Манчжурию, при пользовании излюбленным принципом открытых дверей, будет иметь не только политическое, но и огромное коммерческое значение. Мы не в состоянии будем конкурировать с иностранцами, которые скоро убьют все зародыши нашей торговли и промышленности, которые появились в Манчжурии. Железная дорога и Русско-Китайский банк будут служить иностранным интересам, а деятельность их будет ограничена конкуренциею железной дороги Шанхай-Гуань-Инкоу-Синминтин, находившейся в руках англичан.

Открытие доступа иностранцам в Манчжурию уничтожит наше исключительное влияние. Чтобы восстановить его, потребуются столь большие жертвы, что они могут не отвечать достигнутым результатам. Но последствия очищения Манчжурии нашими войсками будут важны и в военном отношении. Уходя из Манчжурии, мы оставим за собою край с населением, в огромном большинстве враждебно настроенным против русских. Это важно в виду «близости Манчжурии к нашей государственной границе» и в виду нахождения на ней особо важной железной дороги. Край пополнится ненадежным людом, легко поддающимся восстаниям.

Вследствие этого, начиная войну, мы должны будем вступить в страну, совершенно не подготовленную в смысле театра военных действий. Японцам помогут китайцы. Операции могут быть развиты в тыл Порт-Артуру.

Наш уход оставляет за противником полную свободу действий. Мы не можем подкрепить Порт-Артур. Потеря Порт-Артура нанесет жестокий, трудно поправимый удар престижу России.

Все это вместе взятое дает право заключить, что в случае войны мы принуждены будем сосредоточить для борьбы с Япониею, а может быть, и с другими очень значительные силы и принести для достижения результатов огромные жертвы деньгами, людьми и временем, что не может не отозваться крайне тяжело на Западе, где у нас не мало нерешенных вопросов, за решение которых могут приняться, пользуясь тем, что внимание наше отвлечено на Дальний Восток.

Таковы будут последствия, если мы выполним договор с Китаем 1902 года, т.-е. очистим Манчжурию от наших войск. Мы хуже стоим в 1903 году, чем стояли в 1900 году.

Очерченное выше военное положение будет принуждать нас итти на дальнейшие уступки, которые в связи с невозможностью для нас встретить экономическое вторжение однородным оружием грозят повлечь за собою потерю для нас Манчжурии надолго, если не навсегда.

Но так как ни достоинство России, ни огромные ее жертвы, принесенные для создания нашего положения на Дальнем Востоке, не могут допустить этого, то легко может настать день, в который Россия вынуждена будет прекратить свою уступчивость и дать противникам вооруженный отпор ранее, чем ее вооруженные силы, развиваемые нормально, позволят ей сделать это без сильного напряжения и без ущерба для положения на Западе. Подобная война, даже при блестящем ее исходе, нежелательна; при меньших же успехах, при которых результаты не окажутся в соответствии с потребованным напряжением, она может оказаться бедственною. Вследствие этого предотвращение войны на Дальнем Востоке является для России вопросом первостепенной важности».

Поставив столь важную и правильную цель, как предотвращение войны, ген.-м. Вогак предлагает и средства для сего (как раз войну вызвавшие), а именно: первым средством для достижения этого надо признать «прекращение политики уступок, которая опасна именно потому, что может привести нас к войне тогда, когда мы этого менее всего желаем».

«Необходимо дать понять Китаю и державам, что, очищая Манчжурию, согласно договора 26 марта 1902 года, Россия не намерена

однако уступать там кому-либо своего места и что мы готовы поддержать это решение с оружием в руках. Но готовность эта должна быть действительною и к установлению таковой должно направить все наши усилия. Неизбежные при этом жертвы сторицею окупятся результатами, в ряду которых на первое место надо поставить возможность избежать нежелательной войны, на которую никто не решится, раз достаточная боевая готовность России на Дальнем Востоке станет для всех очевидною».

В этой записке искусно подобранным набором слов совершенно затемняется сущность.

О каких это уступках говорится, которые мы, якобы, все делаем и которые приведут нас к войне?

Мы забрались в Манчжурию в 1896 году, подкупив Лихунчана. Мы в 1897 году забрались в Порт-Артур, жестоко оскорбив этим японцев. Мы в 1900 году добрались до Пекина и Шанхай-Гуаня. Мы в 1900 году пообещали ничего не брать. Никто нас к этому не вынуждал. Нас поблагодарили и признали такое действие актом великой мудрости, ибо считали, что если Россия возьмет кусок Китая, то и все другие державы начнут разбирать Китай по кускам, а это было России невыгодно: 400-миллионный народ, разбираемый по кускам, захотел бы, очевидно, кусаться, и нам первым пришлось бы больно.

При таком принципиальном взгляде, принятом министром иностранных дел, без всякого соглашения, даже обмена мыслей с военным министром, договор 1902 года явился естественным развитием и осуществлением обещаний, данных в 1900 году. Мы сами назначили сроки для вывода войск из Манчжурии и начали эти сроки приводить в исполнение при деятельном стремлении к сему (дружном для всей южной Манчжурии) трех министерств. Никаких уступок никому мы не делали. И все пошло бы гладко, без авантюр Безобразовской компании и двуличия Алексеева. Эта компания спохватилась, что выполнение договора не соответствует их видам: экономическим — концессия на Ялу, уголь и проч. в Манчжурии, политическим—скушать Манчжурию, военным—образовать огромный военный район — наместничество.

И вот мы начали сами задерживать всеми мерами выполнение договора, нами заключенного. Уступки делали не мы, а китайцам приходилось делать уступки нам.

Таким образом, красивая фраза «о прекращении политики уступок» есть только фраза, пущенная в ход, чтобы скрыть за нею неприглядную действительность. А эта действительность заключалась в том, что мы стали раскаиваться в данных нами обещаниях и стали измышлять способы нарушить договор 26 марта 1902 г., прикрывшись громкими фразами в роде «прекращение политики уступок».

Мы под влиянием Безобразовской компании (не мы, а государь, конечно) решились:

1) Удержать за собою Манчжурию, не выводя из нее войск, а еще усиливая их.

2) Не пустить туда иностранцев.

3) Под видом защиты наших военных интересов в Манчжурии запустить лапу в Корею. Эти три задачи и составили «новый курс».

Очевидно, Китай, Япония, иностранцы не могли остаться равнодушными к такому нарушению их интересов и нарушению нами дого-

вора, и так как японцы были всего более задеты новым курсом, то немудрено, что Англия и Америка быстро предложили Японии деньги и всякую помощь, чтобы начать войну с Россиею, если она не откажется от нового курса.

Безобразовцы сознавали опасность, поэтому средством для достижения поставленных выше целей они поставили:

1) Невывод войск из Манчжурии.

2) Быстрое подкрепление этих войск из России.

3) Образование наместничества (государства в государстве).

Сосредоточение еще в мирное время в южной Манчжурии около 70.000 русских войск (записка Безобразова).

Часть этой программы можно было выполнить. Мы заняли своими войсками вновь Мукден, Инкоу. Выставили отряд в Фынхуанчен, выдвинули части войск к Ялу. Двинули из Европейской России две бригады 31-й и 35-й дивизий под предлогом проверки провозной способности дороги. Но это была демонстрация, никого не обманувшая. Эти бригады шли к тому же в мирном составе.

Но между решением принять «новый курс» и объявлением войны прошло полгода. Очевидно, в это время подготовить Манчжурию к войне с Япониею мы не могли. Шум мы сделали, но при неготовой железной дороге собрать в мирное время армию в Манчжурии, которая бы устрашила японцев и помешала бы объявлять нам войну, не могли.

Японцам надо было пользоваться временем. Пропусти они год, мы при «новом курсе» стали бы много сильнее, чем в 1903 году. В особенности это справедливо по отношению к железной дороге.

Попробовав нас повернуть с «нового курса» на старый, попробовав удовольствоваться малым — Кореею, — японцы, не получив даже вежливого, своевременного ответа на свои в сущности скромные предложения, объявили нам войну.

Записка, разосланная Безобразовым перед заседанием 7 мая членам совещания, составляет второй (за запискою Вогака) документ, послуживший к переходу на новый курс. Она носит заглавие: «Памятная записка».

Главные мысли этой памятной записки следующие:

Обострившаяся оппозиция некоторых держав заставила нас признать, что наши политико-экономические интересы значительно обогнали «шедшее своим чередом» развитие наших вооруженных сил на берегах Тихого океана. Это обстоятельство делало положение недостаточно обеспеченным и вынудило нас либо подогнать наши силы на высоту наших интересов, либо соответственно урезать последние, с тем, чтобы, по достаточном развитии вооруженных сил, вновь начать политико-экономическое наступление.

Недостаток денежных средств, незаконченность обороны западной границы и внутреннее состояние империи побудили нас принять второй из этих путей. Начался ряд уступок не только в Манчжурии, но и в Китае, и в Корее, сначала мелких, а затем и более крупных, завершившихся договором 26 марта 1902 года.

Эта политика уступок, повидимому, достигая поставленной цели, т.-е. предотвращая нежелательную при данных условиях войну, очень скоро привела однако к чувствительному понижению престижа России

которым в сущности мы только и держались на Дальнем Востоке. Наши противники, правильно определив причину нашей уступчивости, не преминули этим воспользоваться и удвоили свою энергию в оппозиции; они перешли в наступление по всему фронту, вооружились принципом «открытых дверей» и правом наиболее благоприятствующей державы.

Оставаясь при прежнем направлении, мы принуждены и будем принуждены впредь продолжать уступки, бросая наши позиции, которые немедленно будут заниматься противником, следующим за нами по пятам.

Очень естественно, что может и должен настать день, в который достоинство России и ее жизненные интересы не позволят нам продолжать отступление. Придется остановиться и дать отпор, иначе говоря, — принять или объявить войну. Несомненно, что война эта потребует больших усилий, потому что нам будет предстоять иметь дело с противником, уже обосновавшимся на материке. Весьма вероятно, что потребованное от нас напряжение не окупится достигнутыми результатами, так как, отнюдь не сомневаясь в конечном успехе действий наших войск и нашего флота, мы не имеем никаких оснований рассчитывать на победу экономическую, без которой наши военные успехи окажутся безрезультатными.

Таким образом, политика уступок, в которой видели возможность избежать столь нежелательной войны, должна привести к совершенно обратному: она грозит нам войною, войною трудною и притом, вероятно, безрезультатною.

Между тем политика эта, так сказать, санкционирована журнальным постановлением 26 марта 1903 года. Полученные уже по утверждении этого журнала сведения послужили поводом для соответствующего дополнения состоявшихся постановлений и вместе с тем дали основания для некоторых новых предначертаний в делах Дальнего Востока.

Исходя из того соображения, что продолжение политики уступок грозит нам тем, что теперь менее всего желательно, а именно войною, признано необходимым принять меры для уничтожения причины, вызвавшей эту политику, т. е. для установления равновесия между нашими интересами на Дальнем Востоке и нашею силою там путем соответствующего развития наших вооруженных сил. Это решение было принято с уверенностью в том, что оппозиционная работа наших противников была вызвана именно нашею слабостью и что с созданием очевидной невозможности для кого-либо из них одержать серьезный успех в начале кампании, вероятность войны будет уничтожена.

Вместе с тем, в виду обнаруженной затруднительности управлять делами Дальнего Востока из Петербурга, а также с целью установления там полного единства в действиях по всем ведомствам, признано соответственным все высшее управление на Дальнем Востоке (Приамурье, Квантун, Манчжурия) объединить в одном ответственном лице под непосредственным руководством его императорского величества.

Как следствие этого является необходимым сформирование при его величестве особой канцелярии для ведения переписки по делам Дальнего Востока.

Кроме того, намечено образование под председательством государя императора особого комитета из министров по тем же делам.

Наконец, исходя из того, что единственно вероятным активным противником нашим на Дальнем Востоке может явиться Япония, признано полезным, в виду поездки туда генерал-адъютанта Куропаткина, сделать попытку выяснить истинное настроение Японии, а также, в мере возможности, дать государственным людям этой империи желательные разъяснения, руководствуясь приложенною программой.

Эта задача должна быть выполнена исключительно путем частных бесед, никак не придавая делу официального характера».

Эта «памятная записка», составляющая программу действий, была передана мне ген.-м. Вогаком 26 мая 1903 г. на крейсере «Аскольд».

Основания этой записки были утверждены ранее заседания 7 мая, но самая записка составлена и разослана членам совещания, вероятно, одновременно с журналом заседания 7 мая.

Документ этот имеет весьма важное значение. В нем признается:

1) Что мы, по журналу 26 марта 1903 года, подписанному тремя министрами, следуем по пути «политики уступок».

2) Что политика уступок приведет нас к войне.

3) Что наши экономические интересы переросли на Дальнем Востоке наши вооруженные силы для защиты этих интересов.

4) Что войны надо избежать.

5) Что даже победоносная война не даст нам победы экономической.

6) Что, дабы избежать войны, надо увеличить на Дальнем Востоке наши военные силы, приведя их в соответствие с нашими задачами, тогда нас никто не тронет.

7) Надо создать наместничество.

Тут что ни пункт, то подтасовка.

Прежде всего, никакой «политики уступок» не существовало. Мы дали обещание в 1900 году и в течение последующего времени все оттягивали выполнение этого обещания. Договор 26 марта 1902 года есть естественный результат правительственного сообщения 1900 г. о том, что мы никакой территории Китая занимать не будем.

Поэтому прекращение политики уступок надо понимать проще: мы просто решили не исполнять договора 1902 года.

Экономических интересов в Манчжурии и в Корее сколько-нибудь серьезных, из-за которых стоило начинать войну, мы не имели. Безобразов разумел, вероятно, свои предприятия. Мы просто без конца тратили деньги на затеи Витте и на Квантун и этим ослабляли себя в России и на Западе. И вот, чтобы помочь нам, выдумывают еще более усиленную трату денег.

Срок между 7 мая и началом военных действий оказался недостаточным, чтобы «новый курс» выдержал боевое испытание, к которому приводил.

Третьим документом была записка адмирала Абазы, представленная им в совещании 7 мая (и тоже переданная мне г.-м. Вогаком 26 мая на крейсере «Аскольд»). Эта записка не обладает недостатками, свойственными всем работам этого деятеля: незнанием дела и нахальством. Многие мысли вполне правильны, но выводы не верны. Записка рассчитана на возражение министру финансов, считавшему предприятие на Ялу рискованным. Абаза доказывает, что прекращение предприятия представляет еще больший риск, что если мы прекратим лесное дело на

Ялу, то японцы возьмут его в свои руки и завладеют бассейном Ялу. Это верно. Займут сильное положение, примыкающее к нашей границе в Тумень-улы и находящееся на фланге железной дороги по южной Манчжурии.

Манчжурия подпадет под влияние японцев и иностранцев. Железная дорога будет проходить по враждебной нам территории.

Порт-Артур и Квантун будут изображать остров, окруженный неприязненными влияниями, и при малейших осложнениях заставят Россию либо вовсе от них отказаться, либо употребить слишком большие усилия, чтобы их отстоять.

(И это мысли верные. Вот почему я и предлагал вовсе отдать Порт-Артур и южную Манчжурию.)

Экономически мы потеряем возможность пользоваться богатствами Манчжурии и Кореи, ибо удалить оттуда водворившуюся промышленную деятельность иностранцев будет невозможно.

Наша железная дорога будет служить иностранцам.

Престиж России будет навсегда потерян на Востоке, ибо увидят, что в деле лесной концессии на Ялу Россия испугалась Японии.

Всем этим мы, действительно, рискуем, если придержимся политики уступок и бездействия. Конечно, это самый легкий способ выйти из затруднения, ибо нет ничего легче, как ничего не делать и во всем уступать.

Фактическое положение наше на Ялу даст нам возможность устроить и оставить за собой необходимый «заслон» от японцев, находящихся в южной Корее. Во-вторых, водворением своего влияния в южной Манчжурии помешать водворению там иностранцев. Этим мы облегчим защиту железной дороги и Квантуна. Последний явится не отрезанным островом, а продолжением бассейна Ялу, от Тумень-улы до моря, находящегося в русских руках.

«Единственный риск состоит в том, что Япония будет нам угрожать войною, желая не допустить нас на Ялу, и сама там водворится.

Сомнительно однако, чтобы безденежная Япония рискнула довести угрозу до дела. Кажется очевидным, что для нее риск гораздо больше, чем для нас. Кажется также, что для того, чтобы избегнуть даже риска угрозы войны, достаточно будет усилить квантунские войска и железнодорожную охрану. Япония тогда увидит, что она встретит количество войск, равное тому, которое она сама может в первый период войны высадить на берег. Этого будет достаточно, чтобы помешать Японии серьезно угрожать нам. Потребный на такое усиление расход едва ли превысит стоимость содержания увеличенных войск в Приморской области, которое, как выше было сказано, будет необходимо, если Япония водворится во всей Корее».

Если же мы политикой уступок дадим Японии водвориться на Ялу и в Манчжурии, то она скоро заберет в свои руки Корею и Манчжурию, а кроме того без трудности соединится с Китаем против нас. Это едва ли соответствует нашей задаче завоевать себе путь к открытому морю, и можно предвидеть, что мы вынуждены будем в недалеком будущем объявить Японии войну, дабы помешать ей, в союзе с Китаем, закрыть нам доступ к морю. Иначе сказать, политика уступок приведет к войне.

Записка Абазы интересна в особенности тем, что она совершенно правильно понимает опасность положения нашего предприятия на Ялу. Он признает, что надо продолжать твердо на Ялу то, что мы начали, но что Япония из-за Ялу будет угрожать нам войной, хотя, по мнению Абазы, сомнительно, чтобы Япония, по безденежью, довела свою угрозу до дела. Абаза прямо ставит нам на Ялу военно-политическую задачу—образование заслона.

Значение захвата Ялу японцами у Абазы преувеличено, а именно утверждение японцев на Ялу, по мнению Абазы, поведет к тому, что Япония заберет в свои руки Манчжурию, и мы тогда будем вынуждены к войне с нею.

Наконец, заслуживает внимания расчет, который делает Абаза, необходимых для нас сил, чтобы японцы не вздумали серьезно угрожать нам. Для этого, по мнению Абазы, необходимо усилить квантунские войска и железнодорожную охрану в такой степени, чтобы японцы встретили там наши войска, равные тем, которые Япония сама в первый период войны может высадить на берег. Принимая, что в первый период Япония могла высадить 10 дивизий, следовало, значит, и нам иметь на Квантуне и по охране дороги 120 батальонов еще в мирное время. Имели мы на Квантуне около 30 батальонов. Значит, надо быстро, без войны, доставить на Дальний Восток на Квантун и в южную Манчжурию еще 90 батальонов. Сделать это с мая по декабрь было невозможно. Но многое было сделано.

Суждения, помещенные в журнале особого совещания 7 мая, весьма интересны. Этот журнал имеет историческое значение, ибо это был первый акт, ознаменовавший принятие нового курса. Журнал составлен Безобразовым. Он удостоверял и подпись государя на подлиннике. Он мне эту копию и передал в Порт-Артуре. Все пункты, изложенные в журнале 26 марта, подверглись критике и опровергнуты. Сопротивление Витте и Ламсдорфа было недостаточно, а Сахаров, преувеличив стратегическое значение бассейна Ялу, как бы подкрепил безобразовцев, хотя и советовал не рисковать.

Вот, между прочим, какие имеются суждения о заседании 7 мая, помещенные в «Отчете об особом совещании 7 мая под высочайшим государя императора председательством». Отчет этот передан мне г.-м. Вогаком 27 мая 1903 г. на крейсере «Аскольд».

При открытии заседания Безобразов доложил исторический очерк возникновения ялуцзянского предприятия. Ему положила начало экспедиция 1895 года, снаряженная для исследования северной Кореи. «Экспедиция эта выяснила, между прочим, слабую населенность этой части Кореи и возможность занятия ее нами, почему государю императору благоугодно было признать необходимым обосноваться там. Результатом этого решения явилась концессия Бриннера, которая однако не вызвала никаких активных действий, так как мы ограничились выжидательным положением. Несколько месяцев тому назад государь изволил признать соответственным проявить нашу деятельность, что и повлекло за собою командировку отставн. ст. сов. Безобразова, которому приказано было принять меры для начала рубки леса, чтобы не утратить права на концессию».

В этих строках содержатся весьма важные разоблачения. По газетным известиям («Владивосток», 1905 г., № 14—21, и газета «Наша Жизнь», № 357, 1906 г.) видно, что владивостокский купец Бриннер еще в 1896 году получил концессию на рубку леса по левому (корейскому) берегу р. Ялу. Таким образом, еще до занятия Порт-Артура последовало высочайшее указание «обосноваться» в северной Корее, т.-е. захватить то, что плохо (как тогда это казалось) лежало, не справляясь об интересах соседей. Значит, уже в 1896 году предприятию на Ялу, вмешательством в это дело государя, был придан военно-политический характер. Если это так, то занятие Порт-Артура являлось обеспечением правого фланга северо-корейской позиции, а не обратно, как стали потом доказывать, утверждая, что предприятие на Ялу явилось следствием занятия Порт-Артура с целью обеспечения связи Порт-Артура с родиной.

Далее из доклада Безобразова видно, что начатые им работы «дали нам 4 милл. кубов леса, и эта работа привела нас в соприкосновение с местным населением, которое, усмотрев здесь свои выгоды, осталось очень довольным, в особенности после получения ссуд под лес».

Затем оказалось, что Безобразов уже проектировал по статьям изменения в журнале 26 марта 1903 г., которые и прочел совещанию.

По второму пункту [1]) Ламсдорф заявил, что китайское правительство может отказать в выдаче концессии, например, иностранному обществу, и мы не видим оснований, чтобы протестовать против этого. С этим мнением не согласился Безобразов, заметивший, что заявление, нами сделанное, оставляет за нами право старшинства. «Это право государю благоугодно было назвать правом заявки старшинства».

Значит, и в вопросе распоряжения китайскими имуществами мы хотели самовольствовать, опираясь в сущности на силу, для чего и понадобилось поставить гарнизон в Фынхуанчен.

Министр финансов заявил, что, по донесениям Покотилова, по заявлению Даотая Фынхуанченского, уже образовалась китайская компания для разработки леса на р. Ялу. Продажа акций уже началась в Тяньцзине.

«На это государь император изволил заметить, что это дело ему уже известно и разъяснено».

«Тогда министр финансов заявил, что после объяснений с ст.-секр. Безобразовым, он по существу дела не состоит с ним в разногласии». «Тем не менее он, министр финансов, стоит перед одним вопросом, который никто, кроме его императорского величества, разрешить не может».

«Очевидно, что ялуцзянская концессия не есть дело частного общества. Отказываясь судить о целях этой концессии в политическом и стратегическом отношениях, ст.-секр. Витте усмотрел однако все данные к тому, что предприятие это политическое с аггрессивными целями, при чем старания обмануть кого-либо в этом отношении совершенно напрасны, так как Китай и Япония уже поняли истинный

---

[1]) Второй пункт касался получения нами от китайского правительства права рубки леса по правому берегу Ялу. *Прим. авт.*

характер предприятия, что видно из документов, которыми обмениваются министерства иностранных дел и финансов. Вследствие сего это дело, по мнению министра финансов, связано с риском, и вопрос в том: пройдет ли этот риск благополучно или нет?

Затем ст.-секр. Витте напомнил, что подобный вопрос поднимался в некоторых случаях и прежде и что для рассмотрения его собираемы были его величеством особые совещания. Так, после японско-китайской войны на рассмотрение совещания поступил вопрос о том: допускать ли Японию занять Ляодун или нет? Министр финансов и ген.-ад. Ванновский высказались за недопущение туда японцев; другие министры опасались этого шага. Было собрано другое совещание и, несмотря на признанный риск, недопущение Японии было решено. Результаты показали, что риск прошел благополучно. В другом случае, при занятии Порт-Артура и Талиенвана, вопрос этот тоже привел к разногласию. Государь император изволил решить это дело в известном смысле, что, несмотря на риск, дало благие результаты, хотя и произошли события, которые тогда нельзя было предвидеть.

Возвратившись затем к ялуцзянскому предприятию, министр финансов повторил, что это дело не коммерческое, но политическое, и что, не делая себе никаких иллюзий, надо признать, что это—политический шаг, который возбуждает Китай и Японию, что и создает несомненный риск, которого он, с точки зрения министра финансов, конечно, не желает. Решить это дело, по мнению ст.-секр. Витте, может только воля государя императора. Если его величество, несмотря на риск, изволит найти, что это дело так важно, что весь журнал 26 марта 1903 г. устраняется, то и разногласия по нему не остается; если же его величество изволит признать риск серьезным, то журнал сохраняет свою силу».

В этом весьма важном заявлении Витте прежде всего надо отметить его неискренность и отсутствие гражданского мужества в вопросе, который грозил нам войной. Очевидно, Безобразовская близость к государю и предвзятость решений государя по этому вопросу влияли на Витте. Он стал политиканствовать и низкопоклонничать, заявляя, «что по существу дела не состоит с Безобразовым в разногласии». Всегда и всюду он твердил именно об этом разногласии и по существу, и по форме. Еще низменнее и опаснее было заявление Витте о том, что занятие Порт-Артура и Талиенвана дало благие результаты.

Это уже было чисто каждение детищу государя и гр. Муравьева—Порт-Артурскому захвату.

Тем не менее, Витте совершенно ясно поставил вопрос о риске и указал, что мы уже рисковали осложнениями с Япониею два раза с 1896г., и оба раза риск не только прошел нам даром, но даже дал благие результаты. Но оказалось на деле, что японцы уже потеряли терпение, и третий раз риск не прошел нам даром—мы ввязались против воли в войну.

Разбирая далее по пунктам проектированные изменения, ст.-секр. Витте выразил согласие с ними, указав снова на риск.

«Ст.-секр. Безобразов, высказав удовольствие по поводу неразногласия с министром финансов, согласился с тем, что элемент риска необходимо учесть, не придавая ему однако решающего значения. Он

указал, что истинное значение постройки Манчжурской железной дороги было всем известно, а она все-таки была успешно закончена, хотя и остается необеспеченною до тех пор, пока район Ялу не будет занят нами. По мнению ст.-секр. Безобразова, не может быть особого риска в наших безусловно законных действиях на Ялу, где мы занимаемся исключительно рубкою леса. Всякое новое дело вызывает известный шум, а тем более такое крупное, явившееся вдруг после нашего полного бездействия.

На это министр финансов возразил, что риск кроется в том, как отнесется к этому Япония, которая теперь, в виду безденежья, спокойна, но может и изменить свое отношение; кроме того, есть риск и со стороны Китая, так как неизвестно, как (китайское) правительство отнесется к прекращению эвакуации (войск).

Тогда государь изволил заметить, что слухи о прекращении эвакуации не более как недоразумение, вызванное неправильным донесением американского консула в Нью-Иорке».

Почему государем сделано такое неожиданное заявление,— совершенно неизвестно: прекращение эвакуации уже было 7 мая фактом, не подлежащим сомнению, и могло произойти только по указаниям государя Алексееву или с согласия государя на представление Алексеева.

Министр финансов, продолжая свое возражение, сказал, что с уходом наших войск китайцы станут еще смелее, что может привести к столкновению. Если в дело окажется замешанным частное общество, то это особой важности не представит, хотя и тогда может представиться случай, который может заставить нас не допустить какой-нибудь особо резкой выходки, например, ультиматума со стороны Японии; но если при столкновении будет убит Мадритов или кто другой, то...

На это его величество изволил указать, что в 28 году убит был Грибоедов, а в текущем году Щербина, а из этого однако ничего не произошло.

После этого ст.-секр. Безобразов, отдав справедливость заботливости министра финансов о Дальнем Востоке, на который им положено столько труда, заметил, что трудно положить предел риску, так как если мы уйдем с Ялу, то риск пойдет за нами по пятам.

На это министр финансов возразил, что мы можем быть сильны только тогда, когда стоим на почве трактатов, как это и было в отношении Манчжурской железной дороги.

После этого государь сказал, что «уступки всегда влекут уступки», и приказал ген. Вогаку прочесть составленную им записку о значении договора 26 марта 1902 г.

«Ген.-ад. Сахаров, остановившись на заключительном выводе записки о нежелательности войны, указал на необходимость избежать всякого предлога к столкновению с Японией, тем более, что наше положение на Дальнем Востоке, при настоящих силах, нельзя не признать тяжелым,— мы можем даже потерять Порт-Артур, хотя, в конце концов, одержим, конечно, верх. Следовательно, ялуцзянская концессия не должна являться лишним предлогом для столкновения. По мнению ген.-ад. Сахарова, стратегическое значение р. Ялу не подлежит сомнению, в особенности если Япония, устроив базу в Корее, предпримет наступление в Манчжурию. В этом случае ей придется перейти большую

пограничную реку, с лесными, мало доступными берегами, при населении почти независимом. Если администрации общества удастся привлечь это население на нашу сторону, то оно хотя и не остановит японцев, но, конечно, задержит их наступление и заставит выделить большие силы для охранения тыла. В результате мы выигрываем время, что очень существенно для нашего сосредоточения. Но, не отрицая значения Ялу, ген.-ад. Сахаров все-таки полагает, что дело это не должно давать лишнего предлога для столкновения с японцами, а потому считает полезным допущение в это дело иностранцев, для придания ему международного характера».

Ген.-ад. Сахаров закончил пожеланием, чтобы европейские державы на Дальнем Востоке прекратили сведение своих счетов, сплотившись для общего отпора желтой расе.

На это ст.-секр. Безобразов возразил, что не видит необходимости искать помощи иностранцев там, где без нее можно обойтись. Детали дела будут отданы в компетентные руки ген.-ад. Алексеева, который, взвесив данные за и против, поставит дело в надлежащие условия.

К сему государь император изволил добавить: «являясь первым за него ответчиком».

Затем ст.-секр. Безобразов, отметив, что наша уступчивость действует отрицательно, указал на необходимость поставить на разработку вопрос: достаточно ли у нас на Дальнем Востоке войск?

Далее в отчете изложены очень небольшие прения по пунктам проектированных дополнений и изменений.

Интересно только заявление Плеве, что, дабы включить Манчжурию в сферу нашего политико-торгового влияния, необходимо: 1) осторожное ведение наших предприятий и 2) недопущение в Манчжурию иностранцев.

Важно также заявление государя, что он смотрит на эти дополнения, как на уничтожающие прежние постановления.

Министр финансов прибавил, что окончательно вопрос может быть вынесен только по возвращении военного министра (из Японии).

Важно, что безобразовцы, а с ними и государь, считали, что можно хозяйничать на правом берегу Ялу, не беря концессии, а по праву старшинства.

Министр иностранных дел был другого мнения и заявил, что концессию рано или поздно придется взять.

Министр внутренних дел не согласился с этим мнением, указав, что министерство иностранных дел должно не допускать до Манчжурии иностранцев, так как, вопреки мнения ген.-ад. Сахарова, лучше иметь дело с желтою расою.

Государь император изволил высказать, что раз ген.-ад. Алексееву будут даны надлежащая власть и права, то он сумеет справиться с настоящею постановкою дела.

В заключение совещания были прочитаны копии с депеш, посланных ген.-ад. Алексееву и мне.

В общем надлежит признать, что присутствовавшие в совещании лица были приглашены не обсуждать вопроса о том, надо или не надо взять новый курс, а лишь ознакомиться с уже состоявшимися решениями, и, несмотря на слабые их возражения, ничего не было изменено

в проектированных изменениях в журнале 26 марта. О том, что новый курс, вызвавший войну, был принят без совещания с министрами иностранных дел, финансов и военным, свидетельствует то, что в совещании были прочтены копии уже отправленных мне и Алексееву депеш. Между тем, в этих депешах уже повелено было принять этот новый курс к исполнению. Мне приказано было не делать никаких распоряжений по журналу 26 марта, так как в нем последовали значительные изменения, и предложено было отправиться после Японии в Порт-Артур для обсуждения вместе с Алексеевым и Безобразовым программы действий по новому курсу.

Какую роль играл Плеве в составлении этих депеш и в переходе на новый курс в самом начале, — неизвестно, но он примкнул к безобразовской шайке.

Таким образом, по новому курсу, чтобы не делать дальнейших уступок и этим не вызвать войны, было решено:

1) Хозяйничать на корейском берегу р. Ялу, в сущности не скрывая военно-политического характера этого предприятия и не добиваясь оформить наши права на концессию у корейского правительства.

2) Хозяйничать без концессии на китайском берегу Ялу.

3) Не допускать иностранцев к участию в этом предприятии.

Сахаров подлил масла в огонь, представив перспективы выгод от действий наших в северной Корее.

4) Не допускать иностранцев и в Манчжурию. Это мнение, поддержанное Плеве, имело огромные практические результаты, ибо мы, нарушая права европейцев в Манчжурии, вытекавшие из договоров с Китаем, ставили против себя Англию, Америку, Германию и Японию. Это послужило к тому, что Японию не только стали поддерживать, но науськивать на Россию и, что всего важнее, дали ей деньги. Без этих денег Япония не могла бы начать с нами войну. Оставив в покое права европейцев, мы могли бы избежать войны. Теперь, с новым курсом, против нас был весь мир.

Со времени этого заседания 7 мая, повидимому, Ламсдорф и Витте были отстранены от дел Дальнего Востока. Безобразов стал всемогущим, — он вмешался и в дела военного министерства, требовал секретные дела, делал доклады. Так, отправка из России на Дальний Восток двух бригад (от 31 и 35 дивизий) состоялась по его, Безобразова, докладу, а не по докладу Сахарова. Равно он хвастался, что по его докладу были сокращены большие маневры в варшавском военном округе. У него работали его агенты в главном штабе, а именно подполковник ген. штаба Корф.

Плеве в этой истории сводил счеты с Витте.

ГЛАВА II.

Эта поездка [1]) описана подробно в моих дневниках. Несомненно, что японцы, во главе с микадо, чествуя меня, продолжали верить в возможность мирного улажения вопросов Дальнего Востока. Вывод, мною сделанный, заключался в том, что из-за Манчжурии японцы воевать не будут,

---

[1]) В Японию. *Ред.*

но, если мы не прекратим нашей военно-политической деятельности в Корее, война возникнет. Свои заключения, совершенно согласные с мнениями барона Розена, я телеграфировал государю еще из Японии, из Киото, 4 июня:

«Всеподданнейше доношу, что за время пребывания в Токио я познакомился с выдающимися государственными людьми Японии, в том числе маркизом Ито, маршалом Ямагата и с министрами. Имел продолжительный от своего имени разговор по вопросам, привезенным мне ген. Вогаком, с первым министром графом Коцура, с военным министром ген. Тераучи и с министром иностранных дел бароном Комура. Пришел к заключению, что стоящие ныне во главе правительства лица признают настоятельную необходимость для России выйти из занятого ею на Дальнем Востоке неопределенного положения, которое тяготит всех. Эти лица, в том числе и маркиз Ито, вполне оценивают опасность для Японии разрыва с Россиею и расположены с вниманием и уважением отнестись к интересам России в Манчжурии. К сожалению, общественное мнение, руководимое сильною и влиятельною партиею, относится к России с недоверием и даже с враждебностью. Представители этой партии продолжают усиленно пропагандировать, что даже при отказе нашем от Кореи нельзя допустить Россию хозяйничать в Манчжурии. Что касается лиц, стоящих ныне у власти, то по вопросам, волнующим Россию и Японию, возможно сделать следующие выводы из мнений, мною выслушанных: относительно манчжурских дел мы можем не опасаться столкновения с Япониею, но под непременным условием, чтобы мы, несмотря на наши неоспоримые права в Корее, воздержались от активного пользования этими правами. При крайне нервном отношении японцев ко всему, что касается Кореи, даже самые наши законные предприятия на корейской почве могут, в связи с нашими требованиями по манчжурскому вопросу, вызвать взрыв народного возбуждения, перед которым правительство не устоит. Это мнение разделяется даже наиболее расположенными к нам государственными людьми Японии. Это же мнение вполне разделяет и наш посланник в Токио барон Розен».

Того же 4 июня была послана нашим посланником в Токио бароном Розеном депеша, в которой, между прочим, значилось:

«Фактическое приступление к возобновлению активной политики в Корее, в чем бы она ни проявлялась в настоящее время, когда мы приступаем к решению манчжурского вопроса, в чем бы таковое решение ни заключалось, несомненно, сопряжено с риском вооруженного столкновения с Япониею. Этот риск обусловливается, несомненно, существующим и единодушным настроением японского народа по отношению ко всему, касающемуся Кореи». И далее: «Опасность эта особенно велика в настоящий момент, когда Японии предстоит мириться с утверждением нашим в Манчжурии, на которую японцы основательно смотрят, как на операционный базис, с которого мы будем иметь возможность во всякое время угрожать Корее и японским интересам в этой стране, и это после двух тяжких обид, нанесенных нами их национальному самолюбию отобранием у Японии плодов ее побед над Китаем и затем присвоением их себе».

Еще ранее моего отъезда на Дальний Восток, в 1903 году, за несколько дней до отъезда, я получил письмо гр. Ламсдорфа от 14 апреля 1903 г., за № 430, в котором просилось заключение по проекту депеши в Пекин и. д. нашего посланника Плансону (Лессар еще не выехал из Петербурга) относительно эвакуации войск из Манчжурии. В виду поднятой китайцами тревоги по поводу приостановки эвакуации, гр. Ламсдорф в полном соответствии с решениями совещания 26 марта послал Плансону депешу, с проектом которой я согласился вполне [1]), в которой китайское правительство ставилось в известность, что: «В намерениях императорского правительства не произошло никаких перемен, и оно решило продолжать эвакуацию Манчжурии, при условии, конечно, соблюдения Китаем принятых на себя обязательств».

Далее для сведения Плансона в депеше значилось: «Части двух сибирских корпусов, коими была занята Манчжурия, в составе 50 батальонов, ныне постепенно уводятся в Приамурский край и Квантунскую область».

«За уводом из пределов Китая тех частей, которые предназначены к отправлению в Приамурский край нынешним летом, в Манчжурии останется для охраны северной магистрали Манчжурской дороги, в помощь пограничной страже, всего 9 батальонов, с соответствующим числом других родов оружия».

Эти цифровые данные были сообщены мною ранее Ламсдорфу с одобрения его величества. Желание эвакуировать скорее Манчжурию было со стороны военного министерства самое полное, и все было налажено к исполнению сего. Казармы в Приамурском крае возводились экстренно (особенно в Спасском).

Одновременно, того же 14 апреля, Ламсдорф прислал мне проект депеши нашему послу в Вашингтоне.

В проекте значилось:

«Можете передать Хею, что сообщенные Конгером, по японским источникам, сведения совершенно искажают истину. Россия вовсе не ставит Китаю новых условий эвакуации, осуществление коей идет своим порядком; она озабочена лишь тем, чтобы интересы ее в Манчжурии не пострадали по уходе из этой области императорских войск. Во всяком случае, вам следует дать положительные заверения вашингтонскому кабинету, что русское правительство не примет никаких мер, которые в чем-либо стесняли бы в Манчжурии северо-американскую торговлю, развитие коей, напротив, может лишь споспешествовать задачам русского железнодорожного предприятия».

От 28 апреля наш посланник в Токио прислал депешу, в которой в общих чертах значилось следующее:

Несмотря на шум, поднятый в Японии по поводу наших дел в Манчжурии, Розен считает, что опасности со стороны Японии относительно манчжурских дел, пока Англия не примкнет серьезно к Японии, не существует. В случае крайности она, быть может, ограничится, чтобы получить компенсацию, высадкою некоторого количества войск в Корее. Но он продолжает утверждать, что наши замыслы в Корее могут вызвать ежечасно взрыв.

---

[1]) Уведомив об этом гр. Ламсдорфа того же 14 апреля письмом за № 501. *Прим. авт.*

Он упоминает далее, что наши проекты в Мозампо, а также концессия Бриннера, Матюнина или Безобразова отнюдь не могут рассматриваться в Японии, как частные предприятия.

По мнению Розена, для устранения возникших затруднений нам приходится действовать в противоречии с первоначальными предположениями, сделанными заявлениями и принятыми по отношению к Китаю обязательствами. Получаются поводы к обвинению нас в коварном двоедушии, что в значительной степени вредит нравственному авторитету России. С особенною яркостью это противоречие выступает в вопросе о так называемых «открытых дверях».

Положение, принятое державами: Англиею, Соединенными Штатами и Япониею — в этом вопросе по отношению к нам, было вполне логично, ибо мы сами признали принцип открытых дверей в Китае одною из основ нашей политики и признали Манчжурию составною частью Китайской империи. Но иностранцы не довольствовались Инкоу, уже открытым, и Дальним, нами открываемым, — они требовали Мукдена, Харбина, устья Ялу. Эти пункты явились бы центром не только иностранной торговли, но и иностранных юрисдикций. Эти пункты, поставленные под охрану международных договоров, не могли сделаться достоянием одной какой-нибудь державы без явного посягательства на договорные права всех остальных, имеющих трактаты с Китаем. Достижение иностранцами их требований ставило бы действительную преграду нашему желанию поглотить Манчжурию.

Англия и Япония сами не сделали этого шага, а, стоя за спиною Америки, подвинули ее на этот шаг.

Соединенные Штаты и предъявили Китаю требования об открытии в Манчжурии новых пунктов и о приравнении их к «трактатным» китайским портам, а именно: Дагушана, у устьев Ялу, Мукдена и Харбина.

После приведенной выше депеши нашему послу в Вашингтоне от 11 апреля, написанной ранее принятия «нового курса», мы также торжественно заявляли, что русское правительство не примет никаких мер, которые в чем-либо стесняли бы в Манчжурии северо-американскую торговлю. Но после принятия «нового курса», когда мы возымели желание не впускать иностранцев в Манчжурию, заявление Америки прижимало нас к стене: надо было или отказаться от нового курса, или готовиться к войне. Мы пробовали лавировать, но кончили войною.

Бывшие в Порт-Артуре заседания записаны в мои дневники отдельно. В этих заседаниях Алексеев играл двойную игру. Мне он говорил, что возмущен действиями и мнениями Безобразова, а, по словам Безобразова, ему говорил то же самое относительно меня. Тем не менее, путем дружных усилий моих, Алексеева, Лессара, Павлова, Безобразов подписал журнал, которым предприятию на Ялу дается только коммерческий характер. Я настаивал на прекращении совсем деятельности этого общества.

Я снова во всех заседаниях резко разграничивал вопрос об южной Манчжурии от вопроса о северной. Указывал, что нам важна только северная, что оставление наших войск в южной Манчжурии грозит войною из-за Кореи с Япониею и из-за Мукдена с Китаем.

Но по «новому курсу», вместо увода войск из Манчжурии, в нее уже направлялись 16 батальонов 10-го и 17-го корпусов.

В документах, напечатанных канцеляриею особого комитета Дальнего Востока по переговорам с Япониею [1]), на первой странице помещен особой важности документ № 1—депеша от Абазы к ст.-секр. Безобразову в Порт-Артур от 11 июня. В депеше этой значится:

«Государь император приказал вам иметь в виду, что его величеством окончательно принято решение допустить японцев к полному завладению Кореей, может быть, даже вплоть до границы нашей концессии по Тумень-ула к северу и до границ нашей концессии по Ялу к западу». И далее: «Государь полагает, что, уступив Японии в корейском вопросе, мы устраняем риск столкновения с нею. Обо всем этом государь поручает вам сообщить ген.-ад. Алексееву, дабы эта новая постановка служила для него директивою. Алексеев может об этом уведомить Лессара, Розена и Павлова, но в строго конфиденциальном порядке».

Повидимому, такое решение было принято государем на основании моих и Розена депеш из Токио.

Мне содержание этой депеши не было сообщено. Равно содержание ее не было сообщено и Павлову. 19 июня, обсуждая корейский вопрос, мы не принимали в расчет депешу эту, которая должна была служить директивою для Алексеева. Очевидно, Безобразов и Алексеев скрыли ее от нас, быть может, и потому, что Алексеев был, вероятно, обижен, что такую важную депешу ему передают через Безобразова. Странно было бы и Павлову получить указание об окончательном решении государя относительно судьбы государства, при котором он был аккредитован, не через министра иностранных дел и при тройном посредстве — Абазы, Безобразова и Алексеева.

На заседании 19 июня в Порт-Артуре были выяснены следующие данные:

1) Занятие Япониею всей Кореи или южной ее части невыгодно для России, но надо готовиться к занятию южной ее части Япониею, протестовать, но не принимать ответных мер в виде занятия северной Кореи.

2) Занятие Россиею всей Кореи или северной ее части невыгодно для России.

3) Деятельность России в Манчжурии не имеет отношения к Корее. По отношению к Корее Россия не имеет никаких аггрессивных намерений и попрежнему будет стремиться к поддержанию независимости Кореи. (Этой последней прибавки мы, очевидно, не сделали бы, если бы нам известно было содержание депеши Абазы к Безобразову от 11 июня о решении государя допустить японцев к полному завладению Кореей.)

4) Дабы отнять поводы у Японии видеть в деятельности нашей на Ялу военно-политический характер, немедленно принять меры к приданию нашей деятельности на Ялу исключительно коммерческого характера, устранив от участия в предприятии офицеров действительной службы.

Заключение № 2, где это изложено, подписали я, Алексеев, Безобразов, Павлов, Вогак, Плансон. Безобразов по пунктам 3 и 4 остался при особом мнении.

---

[1]) В Гос. Архиве имеется записка (без подписи), которая, основываясь на фактах, доказывает, что в этом труде помещены только документы, оправдывающие деятельность Безобразова и К°. *Ред.*

По манчжурскому вопросу в заключении № 3 (совещание 20 июня) изложено:

«В виду чрезвычайных трудностей и огромных расходов по управлению, неизбежных в случае присоединения к России Манчжурии, таковое присоединение всеми членами совещания признано принципиально нежелательным не только в отношении всей, но даже и одной северной ее части». Подписали: кроме подписавших заключение № 2, еще и Лессар, накануне прибывший из Пекина.

В совещании 20 июня мною изложено мнение о совершенно различном значении для России северной и южной частей Манчжурии. Относительно южной высказано мнение, что ее надо скорее очистить от наших войск и пустить туда европейцев, дабы избежать войны, а северную — взять под полный контроль России, не присоединяя ее к ее пределам.

Пункт совещания 20 июня (заключение совещания № 3) изложен так:

«3) В соответствии с изложенным в пункте 2-м, ген.-ад. Куропаткин предложил разрешить вопрос о Манчжурии различно для северной и для южной ее части, а именно: первую подвести так или иначе под полный контроль России, а в отношении второй ограничиться только эксплоатацией, допустив туда европейцев».

С такою постановкою вопроса не согласились Алексеев и Лессар.

В заключении совещания № 4 21 июня значится следующий главный пункт, именно четвертый.

«4) По вопросу о том, как именно полагалось бы распорядиться судьбою Манчжурии, члены совещания пришли к единогласному заключению о том, что присоединение к России не только всей Манчжурии, но даже и одной северной ее части крайне нежелательно, грозя нам затруднениями, граничащими с бедствиями. Поэтому и принимая во внимание, что вторичное занятие Манчжурии, по приведении на должную высоту нашей боевой готовности, представит большие затруднения, признано необходимым, не отказываясь от договора 26 марта и угрожая присоединением Манчжурии, продолжить военную оккупацию ее еще на 3 года, т.-е. на срок, потребный для довершения нужных военных мероприятий».

Такое мнение было принято во исполнение указаний государя об усилении нашего военного положения на Дальнем Востоке, в соответствии с нашими задачами там по новому курсу. Я считал, что, дабы иметь возможность отстаивать южную Манчжурию и Квантун от нападения Японии, нам требовалось бы три года времени, главным образом для окончания и усиления железной дороги для связи с Россиею и окончания укреплений Порт-Артура и Квантуна (Цзинчжоуский перешеек), а также для всех новых формирований. При этом мною проводилось требование о прекращении вызывающей деятельности нашей в Корее, чем полагалось возможным сдержать Японию.

В первом совещании 18 июня (заключение № 1) обсуждался вопрос, как выполнить волю государя исполнить договор 26 марта 1902 г.—сохранить достоинство России и удержать за нею в Манчжурии преобладающее положение, соответствующее произведенным Россиею затратам. Удержание преобладающего положения противно было дого-

вору, ибо скрывало за собою «недопуск иностранцев в Манчжурию». Этот недопуск можно было только допустить при большой нашей военной силе в Манчжурии, — так рассуждали поклонники нового курса. От меня требовали усиления нашего военного положения в соответствии с новыми задачами. По беглому подсчету сделанных в штабе Алексеева соображений об усилении нашего положения в Манчжурии, получилось, что, дабы усилить наше положение на Квантуне и усилить охрану Восточно-Китайской железной дороги, требовалось 30 милл. рублей единовременного расхода и до 6 милл. рублей дополнительного, ежегодного.

Пока эти усиления могли быть произведены, требовалось усилить войска Квантуна переводом туда частей войск из Манчжурии, дабы сформировать на Квантуне корпус войск независимо от порт-артурского гарнизона.

Требовалось усилить работы по крепостной обороне и для переводимых на Квантун войск образовать готовые запасы, независимо от крепостных запасов.

Признан необходимым отпуск ген.-ад. Алексееву на расходы в 1903 г. $2^1/_2$ милл. рублей.

Эти мнения были телеграфированы мною государю, и деньги были ассигнованы немедленно. Потом оказалось, что Алексеев не успел их израсходовать, — так вяло шло дело, особенно по заготовке разных запасов.

В заседании 23 июня (заключение совещания № 5-бис) было решено послать (что исполнено) депешу министру иностранных дел, в которой указывалось на необходимость заблаговременно, и во всяком случае ранее предъявления Китаю новых требований, «разъяснить и уведомить заинтересованные державы, в данном случае прежде всего Америку, что Россия не препятствует Китаю, по мере развития торговли, открывать некоторые города Манчжурии для иностранной торговли, но без устройства сетлементов. Что касается Харбина, то пункт этот, как лежащий в полосе отчуждения Китайской-Восточной железной дороги, не находится в бесконтрольном подчинении китайского правительства, и допуск в него иностранных консулов зависит от русского правительства».

В заседании совещания 24 июня (заключения совещания по вопросу о Манчжурии № 6) подробно обсуждался вопрос о концессии. Присутствовал и егермейстер Балашев, «как представитель группы лиц, высочайше избранных для образования русского лесопромышленного товарищества». (Это было заявлено на совещании самим Безобразовым, занесено в журнал и им подписано.) Балашев настаивал на необходимости оставить войска в тем местах, где они расположены (Фынхуанчен и Шахецзы).

После долгих прений был выработан пункт 9-й заключения совещания, к которому присоединился и Безобразов, следующего содержания:

«Дабы отнять у Японии поводы усматривать в совершенно закономерной деятельности русского лесного товарищества на левом корейском берегу р. Ялу предприятие военно-политического характера и согласно с мнением главного начальника Квантунской области, которому, по ст. 7 журнального постановления 7 мая, поручено высшее

руководство этим делом, признается необходимым немедленно принять меры к приданию нашей деятельности на р. Ялу исключительно коммерческого характера, устранив от участия в предприятии офицеров действительной службы, и поручить ведение дела офицерам запаса или лицам, не состоящим на государственной службе».

Безобразов подписал это решение, но быстро забыл его и стал действовать попрежнему, продолжая считать во главе предприятия самого государя. Я же приказал офицерам, в том числе и Мадритову, оставить службу у Безобразова, что и было Мадритовым выполнено. Ушли ли Бодиско и другие, — не знаю. Алексеев обещал, что уберет и их. Мадритов мною был вызван к себе и получил от меня личное приказание. Но в сущности и он остался в предприятии, ибо поселился в вагоне Безобразова и вместе с ним поехал в Петербург.

В заседании 27 июня обсуждался вопрос о значении для нас осуществления домогательства Японии перед корейским правительством об открытии порта в устье Ялу.

По этому вопросу совещание высказалось, что «поддержка, которая может быть оказана нами корейскому правительству в вопросе об открытии порта на Ялу, не должна сопровождаться риском войны».

В конце журнала № 13 значится:

«С своей стороны, военный министр заявил, что, в виду нашей, сравнительно с Японией, боевой неготовности, Россия по настоящему случаю не должна принимать по отношению к Японии или Корее аггрессивного способа действий. К этому заявлению присоединились и прочие члены совещания, кроме ст.-секр. Безобразова, который опасается, что для сохранения мира мы будем постоянно находиться в положении необходимости продолжать обязательные уступки, если японцы будут продолжать свой аггрессивный способ действий».

Журнал, кроме меня, подписали: Алексеев, Безобразов, Лессар, Павлов, Вогак.

24 и 25 июня происходили совещания по вопросам об усилении военного положения на Дальнем Востоке. Журналы №№ 15 и 16. Все требования местного начальства были удовлетворены. Журналы составлены без разногласий (кроме малого по вопросу об организации пограничной стражи.) Участвовали в заседании, кроме меня: Алексеев, Волков, Стессель, Вогак, Базилевский, Белый, Флуг.

Согласно с мнением местного начальства, решено было образовать на Квантуне особый корпус войск, именно 3-й, для обороны Квантуна, независимо от гарнизона крепости, который был определен в мирное время в 15 батальонов. Предположено было первоначально иметь корпус из 2-х стрелковых бригад и вновь формируемой 9-й или 7-й, одной казачьей бригады и саперного батальона. (Предполагалось затем обратить каждую бригаду в 12-батальонную дивизию.)

Провозную способность Сибирской магистрали до Харбина увеличить до 7 пар в сутки и от Харбина к югу до 10 пар воинских поездов.

Алексеев предполагал сформировать на Квантуне корпус из трех стрелковых бригад (24 бат.) и одной казачьей. Согласился на 2-бригадный корпус, при предположении обратить бригады в дивизии. Все предположения по Порт-Артуру были обсуждены и почти все одобрены.

Все проектированные мероприятия по военной части, изложенные в журналах №№ 15 и 16, были по возвращении в Петербург доложены мною его величеству, одобрены и чрезвычайно быстро приведены в исполнение, за что я получил благодарность Алексеева.

По приезде из Порт-Артура в Петербург я нашел очень тяжелую атмосферу. Безобразов был в полной силе. Все министры: Витте, Ламсдорф, Плеве, считались с его бреднями, благодаря его влиянию. Все главнейшие дела по Дальнему Востоку велись помимо министров. Алексеев, очевидно, стал играть двойную роль.

Первое, что мне пришлось сделать, — это отобрать у Безобразова все секретные материалы, полученные им по приказанию государя. Оказалось, что Безобразов, пользуясь моим отсутствием, получил разрешение государя получить из главного штаба все наши секретные соображения и расчеты, касающиеся Дальнего Востока, не исключая и крепостей, и, заполучив все это, задал всем управлениям работу по поставлению ему разных справок, сведений. Сахаров объяснил мне, что Безобразов вмешивался в вопросы обороны Нарева, в назначение больших маневров войск, в отправку бригад на Дальний Восток. Очень твердо я добился, чтобы государь дал мне разрешение отобрать у Безобразова все забранные им материалы. Не скрою, что сделал это довольно грубо, ибо не только отобрал то, что им было взято, но сделал письменное распоряжение по штабу и всем управлениям впредь ни ему, ни его клевретам ничего не давать. Безобразов жаловался государю, грозил вызвать меня на дуэль; распускал слухи, что я принес ему извинение. Было и у меня по поводу Безобразова тяжелое объяснение с государем. Более того: государь потребовал, чтобы я дал ему на прочтение свои дневники по поездке в Японию и пребыванию в Порт-Артуре. Я предупредил государя, что там многое есть такое, что назначалось для меня; государь настаивал, и я дал. В дневниках много был написано весьма нелестного для государя. Попадались фразы: «Николай I так не поступил бы»; говорилось о слабости характера. Я уклонялся, говоря, что писал не для чтения их государем, но его величество настоял и дневники мои прочел. Думаю, что мои искренние о нем отзывы не будут мне прощены.

Все предположения относительно военной части, проектированные в порт-артурских совещаниях, удостоились утверждения и быстро приведены в исполнение.

Государь выслушал мой правдивый доклад о всем виденном, выслушал, каким опасностям мы подвергаемся при продолжении безобразовских вакханалий, и приказал по журналам порт-артурских совещаний, касающимся политических вопросов, составить совещание из министров иностранных дел, финансов, военного и Безобразова. Ламсдорф распорядился так, что Безобразов не попал в эти совещания, и мы обсуждали это важное дело втроем и пришли к самому полному соглашению.

Совещание состоялось 1 августа 1903 г. Это была последняя попытка возвратиться на прежний курс. Возвращение обеспечило бы мир.

В составленном 1 августа 1903 года журнале пунктом первым подтверждено, чтобы не добиваться присоединения к нам Манчжурии. Затем предлагалось предъявить Китаю пять условий:

1) Обязательство Китая не уступать иностранцам возвращаемую территорию Манчжурии.

2) Об оставлении военных постов по Сунгари и правому берегу Амура.

3) О сохранении таких же постов на тракте Цицикар-Благовещенск.

4) Об исключении северного Китая из ведения иностранцев; и

5) Об ограждении торговых интересов Китайско-Восточной железной дороги.

Взамен сего, согласно с договором 26 марта 1902 г., Россия:

1) Возвращает Китаю Манчжурию.

2) Снимает действовавшее в стране военное положение.

3) Передает управление трех провинций в руки местной китайской администрации, и

4. а) Приступает к немедленному удалению гарнизонов из Инкоу с передачею управления этим пунктом китайским властям, из Фынхуанчена, Шахецзы и Лаояна, б) по Гиринской провинции к выводу в течение четырех месяцев войск из Гирина, Итунджоу, Куанченцзы, Лошагоу и Таладжоу и в) в течение годичного срока к удалению остальных войск из двух последних пунктов Гиринской провинции — Нингуты и Ижехе, а равно по Хейлунцзянской провинции — из Цицикара и Хайлара.

По корейскому, самому важному в то время, вопросу сказано:

«Совещание находит необходимым в интересах мира, чтобы означенное предприятие, коему до сего времени не без основания как Япония, так и другие державы приписывают военно-политические цели, было поставлено на совершенно иные, чисто коммерческие начала».

Несмотря на то, что заключения совещания соответствовали и высказанным адмиралом Алексеевым взглядам на порт-артурских совещаниях, государь 9 августа 1903 года на всеподданнейшей записке министра иностранных дел от 6 августа, на ст. Торошино (большие маневры Петербургского округа, около Пскова), начертал: «Желаю знать окончательное мнение наместника на Дальнем Востоке».

Этим с таким вниманием и осторожностью подготовленное решение, вполне мирное, манчжурского и корейского вопросов было разрушено. Решение вопроса о мире и войне было еще раз передано из рук трех министров: иностранных дел, финансов и военного, в руки Алексеева. Результат известен. Алексеев на вывод из Манчжурии и очищение Ялу и Фынхуанчена от войск (что положило бы конец авантюре на Ялу) не согласился, и мир не удалось поддержать.

Указом правительствующему сенату от 30 июля учреждено было наместничество на Дальнем Востоке. Узнал об этом из газеты, принесенной мне Витте. Он тоже узнал об этом из газет. При первом же докладе государю после этого странного отношения к закону и к своим ближайшим сотрудникам я настоятельно просил государя уволить меня от должности военного министра. Несколько раз повторял это. Государь склонен был дать согласие. Потребовал, чтобы я ехал с ним на маневры. Я выпросил 4-месячный отпуск, с тем, чтобы в это время государь приискал себе другого министра, и в сентябре я уехал в деревню.

Скоро однако пришлось бросить отпуск, ибо Алексеев, забыв мнение государя о Корее, стал испрашивать переход в наступление флотом, если Япония вздумает делать высадку своих войск в Корее [1]).

В Петербурге начались переговоры с Япониею. Никто не понимал всей серьезности минуты. Государя продолжали убеждать, что Япония никогда не осмелится объявить войну России, что вопрос о войне и мире в руках нашего государя, и т. п.

Переговоры вели вяло, путались в мелочах, замедляли ответы. Ламсдорф, обиженный ролью Алексеева, не проявлял энергии. Раздражение Японии росло. Вероятность войны увеличивалась.

Тогда я сделал последнюю попытку устранить опасность войны. В сентябре и октябре 1903 г. я представил две части написанной мною записки по манчжурскому вопросу. Во второй из них я предлагал возвратить Порт-Артур Китаю, продать ему южную ветвь Манчжурской жел. дороги, получить за расходы, произведенные в Порт-Артуре, Дальнем и на линию жел. дороги, 250 милл. рублей и права на северную Манчжурию. Эти записки встретили полное одобрение Ламсдорфа и Витте, но государь отнесся к ним несочувственно, ибо в это время был полон веры, что «новый курс» лучше обеспечит Россию от войны, чем предложенная мною радикальная мера.

В записке моей есть, между прочим, следующие пророческие, к сожалению, слова:

«В истории России начала трех столетий: XVII, XVIII и XIX ознаменовались тяжелыми испытаниями. В начале XVII столетия мы переживали смутное время и после тяжелой борьбы счастливо вышли из испытания выбором на царство Михаила Федоровича. XVIII столетие началось борьбою с Швециею. Победа под Полтавою выручила Великого Петра и Россию. Начало XIX столетия ознаменовалось кровавою борьбою с Наполеоном, закончившеюся полным поражением великого полководца и уничтожением в пределах России его полчищ.

Силы русского народа велики. Вера в промысл божий и самоотверженная преданность царю и родине еще не поколеблены. Можно вполне надеяться, что если России суждено выдержать новое боевое испытание и в начале XX столетия, то она снова выйдет из него с успехом и славою, но жертвы будут тяжки и могут надолго задержать естественный рост государства.

В предшествовавших войнах начала XVII, XVIII и XIX столетий враг вторгался в наши пределы; мы боролись за существование России, боролись, отстаивая родную землю, шли и умирали за веру, царя и отечество.

Если в начале наступающего столетия вспыхнет война из-за вопросов Дальнего Востока, то необходимо принять в расчет, что, хотя русский народ и русское войско с прежним самоотвержением выполнят волю царя, отдавая свою жизнь и добро для достижения полной победы,

---

[1]) Депеша Алексеева 20-го сентября № 75 военному министру, в которой он сообщает выдержки из своей депеши государю, где испрашивалось оказать противодействие открытою силою на море высадке дальнейших эшелонов в Корее, если японцы высадят первые эшелоны в Чемульпо, Цинампо или устье Ялу. *Прим. авт.*

но сознания важности целей, для которых война ведется, не будет. Не будет поэтому и того подъема духа, того взрыва патриотизма, которым сопровождались войны с целями самообороны или с целями, близкими русскому народу.

Приносимые нами и еще ожидаемые жертвы и опасности из занятого нами на Дальнем Востоке положения должны послужить уроком и для наших мечтаний о выходе к незамерзающему морю в Индийском океане (Чахбар). Уже и теперь видно, что англичане готовятся нас там встретить. Проведение дороги через всю Персию, устройство порта в Чахбаре, укрепления, флот, — все это будет повторением истории южной ветви Китайской железной дороги и Порт-Артура. Вместо Порт-Артура будет Чахбар; там война с Японией; здесь (в Индийском океане) — с Англией, и притом война еще более страшная и еще более ненужная России, чем война с Японией.

В виду всех приведенных причин и возникают вопросы: не следует ли устранить не только будущую опасность в Персии, но и существующую в Порт-Артуре? Не следует ли отдать обратно Китаю Квантун с Порт-Артуром и Дальним, отдать южную ветвь Восточно-Китайской железной дороги, но взамен получить от Китая права на северную Манчжурию и, кроме того, до 250 милл. рублей в возврат произведенных нами расходов на железную дорогу по южной Манчжурии до Порт-Артура и расходы в Порт-Артуре».

Далее подробно разбираются выгоды и невыгоды этого предложения и делается вывод, что выгоды больше невыгод, ибо: «мы избавимся от необходимости воевать с Япониею из-за Кореи и с Китаем из-за Мукдена. Это главное.

Получим русскую железнодорожную магистраль от Петербурга и Москвы до Владивостока.

Получим возможность восстановить дружеские отношения как к Китаю, так и к Японии.

Внесем спокойствие в дела не только России, но всего света».

Витте, который прочитывал копию с записки, представленной государю, против цитированных выше мест написал своим характерным почерком: «Прекрасные страницы».

Почти одновременно с моими записками по манчжурскому вопросу государь получил записку по тому же вопросу Вогака, выражавшую идеи людей нового курса.

Записка эта носит название: «Общее положение на Дальнем Востоке. (Манчжурия и Корея.)»

В этой записке имеются следующие мысли:

«Китайская империя понемногу распадается... Медленно погибает Китай и близок теперь к полному разложению».

«Хотя Российская империя, стремясь объединить интересы своих подданных, а также не нуждаясь в расширении своих границ, и не делала нигде разбойничьих захватов, подобно Англии, но необходимость иметь незамерзающий порт принудила ее начать переговоры, чтобы добиться от него обещания на пользование бухтой Цзяо-чжоу для надобностей тихоокеанской эскадры. Во время этих переговоров китайское правительство подало повод Германии придраться к ее действиям, чтобы

самой завладеть вышеуказанной бухтой. В ответ на это, в виду оккупации Вей-хай-вея японцами, России оставалось только потребовать уступки на время последней бухты на севере Китая, Порт-Артура, и немедленно ее занять. Прочие державы преклонились перед «fait accompli» и поспешили занять: Франция необходимый ей порт Цзянчжоу-вань, а Англия — совершенно ненужный ей Вей-хай-вей и несколько островов вблизи Гонконга. Доверившись Китаю, Россия истратила миллионы, чтобы связать Порт-Артур с великим Сибирским путем...!!

Во время злополучных событий 1900 года китайцы бомбардировали Благовещенск, дали повод к репрессалиям, в числе которых легко могло быть и присоединение Манчжурии к России для обеспечения железной дороги, уничтоженной китайцами. Однако, Россия великодушно предложила Китаю очистить Манчжурию, забыть пролитую русскую кровь, требуя от Китая только в виде гарантии предоставления русским властям права вмешиваться в управление до полного восстановления порядка. Подстрекаемое другими державами, китайское правительство тянуло переговоры до марта 1902 года, когда, наконец, состоялось соглашение.

Исполняя данное обещание, Россия к сроку очистила Манчжурию от Великой стены до р. Ляохе и возвратила железную дорогу от Шанхай-Гуаня до Инкоу с веткою от Коубандцзе на Синминтин. Китайцы немедленно передали дорогу нанятым англичанам и намереваются продолжать постройку ветки из Синминтина до Ляохе и по левому берегу этой реки к северу, нарушая этим состоявшийся договор. По совету завистников России, китайское правительство приказало вице-королю Печилийскому Юань-Шикаю иметь войска наготове и немедленно занимать всякий пункт, очищаемый русскими, препятствуя их возвращению. Подобное двуличие принудило Россию сохранить «status quo» и требовать от Китая более серьезных гарантий. Видя, что Россия быстро мобилизует войска и отправляет на Дальний Восток значительные силы, державы были убеждены, что она желает оставить за собою левый берег Желтой реки (Гоанга), кроме Шантунга, который Германия признавала находящимся в сфере своего влияния; нерешительность России дала им повод надеяться, что она ограничится признанием реки Хайхе (Пейхо) своей границей. Международный гарнизон в Шанхай-Гуане, под предлогом охраны сообщений, был оставлен там, чтобы препятствовать России распространять свое влияние на юг от Великой стены. Неожиданно для всех Россия покинула занятую линию, сосредоточиваясь за р. Ляохе. Это последний пункт, который обеспечивает сообщение с Порт-Артуром, и покинуть его равносильно потере своего влияния на Дальнем Востоке.

Для обеспечения Квантунского полуострова, России необходимо опереться одним флангом на р. Ялу, другим — на р. Ляохе, охраняя железную дорогу от нечаянного нападения».

Аргументация и извращение фактов в этой части записки Безобразовской партии изумительны. Над всеми идеями господствует мысль: Китай погибает, распадается, надо России воспользоваться этим и ухватить себе как можно больший кусок. Захват Порт-Артура, поставивший Японию в ряды наших смертельных врагов, объясняется очень просто:

выходит, что дела на Дальнем Востоке сложились так. «России ничего другого не оставалось, как захватить Порт-Артур».

Далее вполне развязно указывается, что державы приготовились к тому, что мы захватим Китай до Желтой реки. Мы делали уступку. Захватили только до Великой стены, но «неожиданно для всех» сделали еще новую уступку — ушли за Ляохе. Это «неожиданно для всех» великолепно. Мы подписываем договор 26 марта 1902 года, назначаем в нем срок ухода за Ляохе, объявляем договор всему миру, а когда выполняем первую часть его, касающуюся участка между Великою стеною и Ляохе, то, по мнению безобразовцев, это оказывается «неожиданно для всех».

Дальнейшему выполнению договора, т.-е. очищению Мукденской провинции, безобразовцы в своей программе ставят предел: «уходить от Ляохе равносильно потере влияния России на Дальнем Востоке. Эту новую «уступку» делать нельзя. Уступка ведет за собою новую уступку. Мы уже уступили Китай до Желтой реки; уступили Китай между Великой стеной и Ляохе, — далее нельзя итти по пути уступок. Продолжая выполнять договор 1902 г., мы, очищая участок от Ляохе к западу и Мукденскую провинцию, приведем Россию к потере влияния на Дальнем Востоке, а это грозит нам войною в большей мере, чем неисполнение договора 1902 года. Но этого мало. Упираясь правым флангом в Ляохе, мы должны упереться левым флангом в р. Ялу. Только тогда мы охраним железную дорогу от печаянного нападения».

Вместо очищения южной Манчжурии, эти идеи, разделяемые и Алексеевым, привели к занятию нашими гарнизонами участка Мукденской провинции к востоку от железной дороги. Так были заняты Фынхуанчен и Шахедзы (на р. Ялу).

Затем далее в записке изложены 22 пункта, при соблюдении которых Манчжурия может остаться частью Небесной империи.

В числе их заслуживают особого внимания следующие:

1) Потребовать, чтобы китайские войска очистили территорию между Великою степною и Ляохе, оставив только отряд для исполнения полицейских обязанностей.

2) Не допускать ни одного китайского солдата ни под каким предлогом в пределах этой территории без разрешения русского правительства.

3) Занять город Инкоу русским гарнизоном.

4) Организовать по р. Ляохе и притокам с правой стороны патрулирование.

5) Секретный договор 1898 г., касающийся островов Мяо-дао и дающий России право их занять и укрепить, привести в исполнение, чтобы обеспечить себя от десанта крейсирующей в Печилийском заливе эскадры.

6) Получить право увеличивать наши войска и перемещать их по всей линии железной дороги. (Вторичное занятие уже очищенных пунктов.)

7) Занять русским гарнизоном Фынхуанчен и Мукден. (Мукден уже был очищен. Фынхуанчен был очищен еще в 1900 г. или в начале 1901 г.)

8) Расположить в разных пунктах по побережью гарнизоны с карантинною целью.

13) Не допускать назначения ни одного китайского чиновника без санкции русского правительства с обязательством их удаления по первому требованию России.

17) Строго следить за сбором податей, налогов и проч. китайскими властями, не допуская их изменения без согласия русских властей.

18) Из этих податей передавать китайцам только остатки по уплате различным русским и китайским областям и учреждениям в Манчжурии, а также уплаты жалованья войскам, исключая охраны железной дороги и вычитая еще сумму на образование запасного фонда.

19) Не открывать для иностранцев ни одного порта, кроме открытого уже Инкоу. Взыскивать в Инкоу пошлины под надзором русских властей.

22) Препятствовать учреждению иностранных консульств, кроме находящегося в Инкоу, до полного восстановления порядка и организации в Манчжурии.

Очевидно, принять этих условий Китай не мог без борьбы, поддержанной другими державами, ибо задевались серьезным образом и их интересы. Принятие этой программы составляло полное уничтожение договора 26 марта 1902 года и нарушение всех данных нами обещаний иностранным державам относительно охранения их интересов в Манчжурии. Безобразовская теория уступок, по которой наши уступки поведут к войне, очевидно, в данном случае могла, при применении вышеприведенной программы «нового курса», повести к самым серьезным осложнениям из-за Манчжурии не только с Китаем, но и с другими державами.

Все изложенные требования, быть может, и будут важны для России в будущем, но в 1903 году, когда мы были совершенно не готовы к войне на Дальнем Востоке, очевидно, каждая программа, приближавшая нас к войне, была опасна. Между тем эту программу смело предложила безобразовская партия с целью именно избежать войны.

Но если могли вызвать войну требования записки Вогака по Манчжурии, то в еще большей степени была опасна вторая часть записки, касавшаяся Кореи. Программа относительно Кореи, это — прямое объявление разрыва с Япониею.

Вот как в этой замечательной записке излагается программа действий наших в Корее:

«Отдавая справедливость корректному отношению корейского правительства к России, нельзя не признать бессилие и ничтожество этого государства. Благодаря недоразумению, Корея лишилась поддержки Российской империи; недоверие корейцев к новым веяниям сочли за недоброжелательность, ультиматум России заставил растерявшееся корейское правительство невольно подпасть под влияние Японии. Пользуясь безвыходным положением беззащитной страны, японцы, за исключением официальных лиц и нескольких торговцев, отправили в Корею только подонки своего населения, жестоко эксплоатирующие несчастных жителей с тайного согласия японского правительства, которое заранее

обрекло туземцев на исчезновение. Япония постоянно старается вводить Корею в невыгодные сделки, ссужая ей деньги и связывая ее неоплатными обязательствами. Примерами служат: фальсификация никкелевой монеты, выпуск ассигнаций частного японского банка, особенно насильственная запродажа Корее военного судна и пр. Японские колонисты поступают с корейским населением по примеру своего правительства, отнимая у туземцев их собственность, что служит причиной частых восстаний в стране».

Сознавая искренность корейского правительства, России следовало бы оказать поддержку несчастной стране и прекратить возмутительный произвол японцев. Утратив доверие корейцев уходом в 1898 году, Россия только смелыми и настойчивыми мероприятиями может вернуть свой престиж и, совместно с туземцами, побороть японскую пропаганду. Немедленно следует России подчинить своему влиянию северную Корею, где японцы утвердились еще только в трех пунктах (Сангдо, Суане и Пианг-яне), не считая портов открытых. Для этого необходимо:

1) Воспрепятствовать открытию иностранцам новых портов, как, например, на устьях Ялу и недалеко от устьев р. Тюмени, на чем особенно настаивают японцы, желая воспользоваться этою базой, чтобы проникнуть в глубь страны.

2) Не дать японцам захватить железнодорожной линии: Сеул—Ичжу и Сеул—Гензан, предложив дружественным державам временно взять их при условии передачи их впоследствии русскому правительству.

3) Оказать поддержку русским концессионерам и промышленным предприятиям, существующим уже в Корее.

4) Потребовать подтверждения прав Непорожнева на недра земли, принадлежащей корейскому императору (сохранив, если нужно, документ в тайне), и не допускать передачи этих прав другим лицам без согласия и посредничества России.

5) Предложить дипломатическим представителям России препятствовать действиям бельгийской компании, предлагающей субсидию японцам на постройку железной дороги Сеул — Ичжу.

6) Поддержать корейское правительство, отказывающееся принимать ассигнации японского частного банка в государственном казначействе, считая их ненадежными.

Таким образом, и по отношению к Корее представители «нового курса» признавали в сентябре 1903 года необходимыми «смелые и настойчивые мероприятия», чтобы таковыми совместно с туземным населением побороть японскую пропаганду.

К числу этих мероприятий отнесены, между прочим:

1) Немедленное подчинение северной Кореи влиянию России.

2) Захват в свои руки постройки железных дорог в Корее даже до Сеула и Гензана, т.-е. распространение нашего влияния и на половину Кореи.

3) Получение прав на недра земли в Корее.

4) Противодействие иностранцам в вопросе об открытии порта на Ялу.

И такие мероприятия признавались возможными после того, когда мы имели неоспоримые данные, что даже только деятельность лесного предприятия на Ялу уже грозила нам разрывом с Японией.

В сентябре 1903 года Вогак поддерживал эти предложения, а 10 июня 1903 года из Порт-Артура телеграфировал адмиралу Абазе:

«Военный министр донес уже по телеграфу о впечатлении, вынесенном из Японии. Вполне присоединяюсь к высказанному им взгляду на отношения Японии к манчжурскому вопросу: за Манчжурию Япония воевать не будет. Разделяю также взгляд на то, что наша активная политика в Корее, несмотря на всю закономерность наших действий, может вызвать в Японии сильный взрыв общественного мнения, против которого правительство может оказаться бессильным. Но должен ввести поправку, а именно, что, по моему мнению, это можно считать справедливым только при нынешних обстоятельствах, т.-е. при нашей относительной слабости на Дальнем Востоке» [1].

ГЛАВА III

Государю предстояло решать, кто прав:

1) Безобразовцы с Алексеевым и Плеве утверждали, что для того, чтобы избежать войны, надлежало наложить руки на всю Манчжурию, прекратить эвакуацию, занимать новые пункты, не пускать в Манчжурию европейцев; по отношению к Корее не только продолжать, но развивать и поддерживать лесное предприятие на Ялу, стремиться наложить руки на всю северную Корею и, не довольствуясь этим, пытаться обеспечить себе владение всеми железными дорогами в Корее до Гензана.

Или правы:

2) Куропаткин, поддержанный Витте и Ламсдорфом, что, дабы избежать войны, надо было прибегнуть к крайнему средству: отдать Китаю Порт-Артур, Квантун и всю южную ветвь железной дороги.

Государь поверил больше первым, при чем, по моему мнению, чашку весов с безобразовцами заставил опуститься вниз Плеве, усевшись в эту чашку с злою мыслью, что маленькая победоносная война будет весьма кстати для наших внутренних дел.

Начатые с Япониею переговоры, которые кончились войною, повторяю, велись нами совершенно небрежно. Отмечу в этих переговорах лишь следующее. Из материалов особой канцелярии по делам Дальнего Востока (напечатанных стр. 2 и 3) видно: «Когда государь решил допустить японцев к полному завладению Кореей и не только открыть порты в Манчжурии, но даже обсудить вопрос о порто-франко в Приамурском крае, то, повидимому, не оставалось причин, почему бы все недоразумения с Япониею не могли быть улажены, а война с Япониею — избегнута. В таком положении мы приступили к русско-японским переговорам. С нашей стороны в основу их положена была мысль отделить вопрос манчжурский от корейского, допуская аналогичность прав: Китая — в Манчжурии и Японии — в Корее.

Однако, вскоре обнаружилось, что притязания Японии шли дальше, но мы объяснили это хитростью, дабы выторговать от нас по возмож-

---

[1]) Печатный сборник документов по переговорам с Япониею в 1903—1904 г.г. Канцелярии Особого Комитета Дальнего Востока, стр. 2.

ности бо́льшие уступки в Корейском вопросе, на каковые уступки мы были уже заранее согласны, но которых сразу мы, конечно, не имели оснований обнаруживать.

По этой причине продолжение переговоров на почве возраставших с нашей стороны уступок имело логическое основание, и этот взгляд на политическое положение неизменно сохранялся нами вплоть до самого разрыва Японией дипломатических сношений».

Из этого документа видно, что по воле государя исполнители имели возможности привести переговоры к мирному окончанию, ибо Корея отдавалась Японии, но неумело вели эти переговоры и волю государя выполнили плохо, ибо привели переговоры не к миру, а к войне.

Произошло это, главным образом, потому, что исполнители не могли помириться с мыслью о потере Кореи для России, и в переговоры входили такие поправки, которые Япониею не могли быть приняты. В особенности трудно приемлемо было предложение Абазы об оставлении за нами значительной части северной Кореи для пользования ею не только в военных, но и в экономических целях. Далее следует:

«Между тем, всего полтора месяца после начала переговоров, наместником его величества на Дальнем Востоке было сделано наблюдение, которое совершенно расходилось с господствовавшею у нас точкою зрения на политическое положение, а именно, что Япония, как через своего представителя в Пекине, так и через своих агентов-шпионов на месте, явно стремилась перенести свою деятельность в южную Манчжурию, что допускает возможность особого соглашения с Китаем касательно Манчжурии.

Отсюда получался вывод, формулированный ген.-ад. Алексеевым, что наши переговоры в Пекине по манчжурскому вопросу не могут привести к цели, и потому их следовало бы прекратить.

Правильность означенного наблюдения подтвердилась косвенно и тем, что наши переговоры с Японией стали встречать странные затруднения: на первых же порах японский проект соглашения с нами по корейским делам выказал «совершенно недопустимую притязательность» [1]).

На этой почве наши интересы самозащиты столкнулись с японскими притязаниями так резко, что ген.-ад. Алексеев полагал возможным ожидать успеха переговоров «лишь при условии, если с полною ясностью дать понять Японии, что свои права и интересы в Манчжурии Россия намерена отстаивать, если потребуется, вооруженною силою» [1]).

Изложенные взгляды вполне разделялись посланником бароном Розеном.

На этом основании ген.-ад. Алексеев представил проект нашей мобилизации для ограждения наших интересов в Манчжурии, в случае опасного для нас движения японцев в северную Корею, и вместе с тем выработал совместно с бароном Розеном обоюдовыгодный и почетный для Японии выход из того положения, которое она сама создала своим заносчивым образом действий.

---

[1]) Подчеркнутое стоит в кавычках.

Однако, таким выходом Япония не пожелала удовольствоваться и представила свои еще более притязательные ответные предложения». (Стр. 2, 3 и 4; доклады № 8, 9, 10, 11.)

Таким образом, уже в сентябре Алексеев придал переговорам такую остроту, которая должна была внушать сильную тревогу. Во всяком случае, надлежало изъять переговоры из его неопытных в дипломатическом деле рук и передать Ламсдорфу. У Алексеева всего был один чиновник Плансон, который и должен был восполнить роль министра иностранных дел в этом важном вопросе.

Уже в сентябре Алексеев признавал, что переговоры с Пекином надо прекратить, что японцы обнаруживают в переговорах недопустимую притязательность, что надо грозить японцам по манчжурскому вопросу войною, и, наконец, совершенно неожиданно сделал предложение, если японцы двинутся в северную Корею, объявить мобилизацию. Государь решил не воевать ни из-за Кореи, ни из-за Манчжурии, решает отдать Корею японцам, но Алексеев стремится воевать и из-за Манчжурии, и из-за Кореи.

В докладе министра иностранных дел от 13 декабря № 12 значится:

«Генерал-адъютант Алексеев доносит, что потребованные Япониею уступки равносильны требованию признания нами японского протектората над Кореей, при чем «*японское правительство не только не обещает удовольствоваться такими уступками с нашей стороны, но, напротив, откровенно предупреждает, что поводы к недоразумениям будут продолжать существовать и что для устранения их необходимо, сверх того, включить в объем соглашения все те области, где интересы обеих империй соприкасаются*» [1]).

«На совещании 16 декабря 1903 г. в Царском Селе под председательством его императорского величества был поставлен на обсуждение вопрос: где меньше риска войны с Япониею — при продолжении переговоров или при прекращении оных.

Мнения свиты е. в. контр-адмирала Абазы сводились к тому, что лучше переговоры прекратить, однако при условии усиления на Дальнем Востоке сухопутных сил до размеров, уже ранее преднамеченных государем императором. При этом контр-адмирал Абаза предвидел разрешение кризиса по трем путям:

Первый, наименее вероятный: Япония объявит России войну в невыгодных для себя условиях.

Второй — Япония смирится и заговорит другим тоном.

Третий — наиболее вероятный: японское правительство будет вынуждено дать удовлетворение разгоревшимся, вследствие бывших долгих переговоров, народным страстям и произведет оккупацию Кореи без санкции России.

Такую оккупацию Абаза считал не только безвредной, но даже полезной для России, ибо Япония вышла бы из правовых отношений не только к России, но и к остальным державам, имеющим договоры с корейским правительством.

---

[1]) Подчеркнутое стоит в кавычках

Переговоры решено было продолжать. Это решение находилось в соответствии с установленною у нас точкою зрения, что центром тяжести всего положения был корейский вопрос». (Доклад № 15, 22 декабря.)

Утверждению такого взгляда способствовали все получаемые с места сведения. Так, наши военный и морской агенты в Японии уведомляли об отправлении в Корею двух, трех бригад, и хотя упоминалось о принятии предварительных мер на случай общей мобилизации, но не высказывалось предвидения большой войны. (Доклад № 16, 24 декабря.)

В докладе № 17 от 24 декабря значится:

«С своей стороны ген.-ад. Алексеев, поясняя вышеупомянутые донесения наших военных агентов, «выразил уверенность» в намерении Японии занять Корею и установить над нею протекторат при принужденном согласии корейского правительства.

Однако, самый факт предвидевшихся на левом фланге нашей обороны более или менее значительных японских вооруженных сил заставлял ген.-ад. Алексеева с тревогою относиться к предстоящему японскому десанту в Корее. Он телеграфировал его императорскому величеству: «Оккупация Кореи японцами, хотя первоначально и будет исполнена отрядом, вероятно, не более 15—20.000 чел., но будет происходить при условии полной боевой готовности флота и остальной армии, могущей тотчас же двинуться вслед за своим передовым эшелоном. Опасность заключается в том, что мы в этом случае можем быть предупреждены японцами на р. Ялу и на путях, ведущих оттуда к Китайско-Восточной железной дороге, что совершенно расстроит все наши расчеты по сосредоточению войск в южной Манчжурии и заставит отнести район его значительно далее на север с предоставлением Порт-Артура его собственной участи. Такой успех японцев в самом начале кампании не замедлит поднять все враждебные нам элементы манчжурского северного Китая, которые, опираясь на близость японской армии, станут серьезною угрозою для нашей железной дороги».

Таким образом велась борьба против намерения государя отдать Японии Корею. Снова выдвинут вопрос об Ялу и о необходимости защищать Порт-Артур сосредоточением войск в южной Манчжурии. Алексеева поддерживали Абаза и другие безобразовцы.

Доклады № 14—18 и 20; 17—28 декабря:

«Между, тем из Японии и Кореи стали поступать сведения от наших агентов не только о приготовлениях, но и начале движения в Корею японских войск и военных транспортов, хотя японский министр иностранных дел давал успокоительные заверения».

По докладу 26 декабря № 19 (важному):

«26 декабря его императорское величество изволил одобрить все предположения ген.-ад. Алексеева [1]), предоставив ему своею властью объявить мобилизацию в областях Дальнего Востока и введение в Манчжурии военного положения». Телеграмма заканчивалась следующими словами: «Занятие же нижнего течения Ялу передовыми войсками считаю сейчас нежелательным и разрешаю вам эту меру только в последней очереди и если найдете ее крайне необходимой».

---

[1]) По депеше его 24 декабря; изложено подробнее выше.

30 декабря доклад № 21:

«В телеграмме от 30 декабря 1903 года на имя ген.-ад. Алексеева контр-адмирал Абаза подробно объяснил мотивы, руководившие государем продолжать переговоры с Япониею из-за Кореи, ограничиваясь с нашей стороны лишь мерами необходимой самообороны. Оккупация Кореи японцами не есть casus belli».

3 января 1904 г. доклад № 22.

3 января 1904 г. ген.-ад. Алексеев доносил, что «ответные предложения Японии, по существу своему и по тону японского сообщения, еще более притязательны и самоуверенны, чем прежде. Продолжение переговоров в этом направлении не только не может привести к примирению обоюдных интересов и, следовательно, к достижению той цели, ради которой они были начаты, но, напротив, ведет к постепенному обострению и к более вероятному разрыву».

4 января доклад № 23. На следующий день он же доносил, что «в данную серьезную минуту проявление уступчивости повлечет к значительной потере нашего престижа и к чрезвычайному возвеличению Японии в глазах всего Востока».

Так доверенное лицо государя Алексеев, заменивший всех министров, преступно затягивал Россию в войну. Выше было указано, что мы начали переговоры с целью уступить Корею, но делать уступки не сразу, а теперь Алекссев советует прекратить уступки, пугая все потерею престижа на Дальнем Востоке. Точно мы его уже не потеряли в то время, не исполняя своих обещаний относительно Манчжурии и поощряя гнусную авантюру на Ялу. Теперь шла речь не о престиже, а о разрыве, и Алексеев уже не скрывал своего мнения, что надо итти на разрыв, веря в силу нашего флота.

Абаза был тоже настроен воинственно. Ламсдорф оставался в тени.

13 января доклад № 24. 13 января министр иностранных дел просил Алексеева высказать свое суждение, между прочим, о следующих существенных вопросах:

Имеют ли обсуждаемые ныне разногласия между Россиею и Япониею столь важное значение, что ради поддержания без изменения наших требований можно даже рисковать вооруженным столкновением с Япониею?

В случае утвердительного ответа на этот вопрос, не следует ли нам все-таки продолжать переговоры, дабы исчерпать все средства к мирному разрешению настоящего кризиса?

Если японцы, прервав переговоры, займут Корею, то этим существенно изменится занимаемое нами положение в Манчжурии по отношению как к Японии, так и к самому Китаю.

Спрашивается: можем ли мы и после помянутого акта японцев руководствоваться при предстоящем решении манчжурского вопроса предположенными нами условиями соглашения с Китаем, или явится необходимость значительного изменения наших требований и в каком именно смысле?

Ответ Алексеева неизвестен мне.

14 января доклад № 25. На следующий день государь император телеграфировал наместнику, что «можно допустить японскую оккупацию Кореи до гор, составляющих водораздел бассейнов рек Ялу и Тумень».

Депеша эта имеет роковое значение. Вместо прежнего решения отдать Корею японцам, государь принял мнение Абазы и Алексеева о разделении Кореи на японскую и русскую. Этим мы совершенно затрудняли соглашение с Япониею из-за Кореи.

15 января доклад № 26 и 16 янв. доклад № 28. «Это указание на запрос ген.-ад. Алексеева было пояснено адмиралом Абазой, сообщившим, что высадка японцев допускается на всем протяжении западного берега Кореи до Чемульпо включительно».

Это произвольное толкование смысла депеши государя, вышеизложенной, еще более затруднило соглашение.

16 января доклад № 30: «Из собственноручной записки государя императора от того же числа явствует, что было решено допустить высадку японцев в Корею, лишь бы это произошло подальше от севера».

20 января граф Ламсдорф препроводил к Абазе на заключение проект депеши Алексееву, нашего ответа на последние предложения Японии. Абаза затянул эти переговоры, предложив «ввести новый пункт, допускающий японское водворение (в Корее), как экономическое, так и военное, до границы, определенной водоразделом».

Другими словами, вместо оставления Кореи Японии, мы пытались разделить ее водоразделом на две части: русскую и японскую. Добавлю, что пункт 5-й включал в себе требование, чтобы японцы не пользовались никакою частью корейской территории для стратегических целей. Но Абазе надо было не только военное, но и экономические владение Россиею северною Кореею, дабы сохранить и развивать авантюру в бассейне Ялу.

Стр. 9: «Насколько теперь известно, телеграммы графа Ламсдорфа и ген.-ад. Алексеева с последнею редакциею нашего ответа были задержаны японским телеграфом и вручены барону Розену уже после того, как Япония порвала с нами (24 января) дипломатические сношения».

26 января доклад № 39: Несмотря на отозвание из Петербурга японской дипломатической миссии и все еще надеясь на возможность избежать войны, государь император изволил отправить Алексееву телеграмму, в которой значилось:

«Если японцы не начнут действий против нас, то вы не должны препятствовать их высадке в южную Корею или на восточный берег до Гензана включительно. Но если на западной стороне Кореи их флот с десантом или без оного перейдет к северу через 38 параллель, то вам предоставляется их атаковать, не дожидаясь первого выстрела с их стороны. Надеюсь на вас. Помоги вам бог».

Но мы забыли пословицу: «На бога надейся, а сам не плошай», и оплошали: японцы перешли 38 параллель и сами атаковали наши броненосцы на Порт-Артурском рейде и вывели три из строя, чем совершенно нарушили расчеты наших моряков и Алексеева и, главное, чем лишили сухопутную силу поддержки флотом.

Таким образом, государь, вопреки своему первоначальному решению, постепенно затягивался в Корею. Первоначально он ограничивался границею лесной концессии (Безобразов), затем водоразделом (Абаза) и наконец 38 параллелью (Алексеев).

В печатных документах особой канцелярии, из которых мы цитируем вышеприведенное, имеются еще следующие важные документы:

На стр. 17. Высочайше одобренный проект русского соглашения 16 августа 1903 г. на японские предложения. Читая эти последние, горюешь, что мы не согласились на них даже полностью, — так они в сущности умеренны. Какой-то рок тянул нас. Уже в первом основном пункте, которым японцы предлагали взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской империй, мы, согласившись на это обязательство, выпустили конец японского предложения: «и поддерживать в этих странах принцип равноправности всех наций в торгово-промышленном отношении».

Из-за нескольких дутых, нами начатых на правах сильного, предприятий мы отказались от этой прибавки и этим поставили против себя другие державы. В сущности, таким образом, не из-за военно-политических, а из-за экономических интересов в Манчжурии и Корее, которые были ничтожны, мы пошли на разрыв с Япониею.

Весьма важно также мнение Алексеева относительно этих предложений, изложенное в его депеше государю от 15 сентября (стр. 20, № 7). В этой депеше Алексеев настраивает государя против предложений Японии, указывает, что эти предложения заключают в себе «недопустимую притязательность, отнимающую всякую возможность прийти с Япониею на этих основаниях к соглашению». В депеше значится:

«Для нас единственным основанием для соглашения могло бы служить только признание Япониею Манчжурии, стоящей всецело вне сферы ее интересов. Взамен того мы могли бы сделать известные уступки на корейской почве, крайний предел коих изложен в нашем проекте».

Таким образом, Алексеев полагал возможным, что Япония согласится на полное хозяйничание России в Манчжурии, изгнание из нее иностранцев, в том числе и японцев, имевших крупные интересы, особенно в Инкоу, и в то же время должна была обязаться перед Россиею признавать территориальную неприкосновенность Кореи.

Таким образом, Алексеев, с своей стороны, не одобрил высочайше одобренный проект русского соглашения 16 августа и все переговоры вел, стараясь не прийти к соглашению, а затруднить таковое.

В числе документов под № 13 (стр. 27) помещено замечательное мнение адмирала Абазы на заседании под председательством государя в Царском Селе. Он находит, что высадка японцев под протестом России в Корею будет им невыгодна. Там значится:

«Предполагать, что Япония извлечет из Кореи денежные выгоды, я бы затруднился. Японцы — не купцы и не колонизаторы. Недаром в японском языке слово «якиндо» (купец) в течение тысячелетий было словом презрения. Они мелкие торгаши, но не купцы, способные вести крупные торговые предприятия, имеющие государственное значение». (Попытка русского адмирала Абазы вести вместе с Безобразовым крупное торговое предприятие на Ялу, имеющее государственное значение, тоже не из удачных.)

И далее:

«В их отношении к нам они очутятся в положении сухопутного соседа. Насколько они для нас трудно уязвимы, пока сидят на своих

островах, настолько же будут всецело зависеть от нашей милости или немилости, находясь на сухом пути, окруженные с трех сторон нашими силами.

В результате они вынуждены будут заискивать у России и очень скоро это поймут, если только решатся высадиться в Корее под протестом России».

Точно читаешь хвастовство «Тартарена из Тараскона».

Далее Абаза с развязностью заявляет, что и его мнение таково же, что и наместника, т.-е. что «следует прекратить переговоры».

Конец его речи таков:

«Мне кажется, что для уничтожения даже малейшего риска войны следовало бы немедленно довести наши сухопутные силы на Дальнем Востоке до той численности, которая была преднамечена вашим величеством».

Таким образом, переговоры надо было прекратить, но, чтобы риска войны не было, надо было немедленно собрать в Манчжурии большую армию. Мы видели на практике, что это «немедленно» при существующей железной дороге означало срок не менее 8—10 месяцев.

В печатных материалах особой канцелярии по делам Дальнего Востока заслуживает также внимания депеша Алексеева государю от 24 декабря (№ 17 документа, стр. 33). Из нее я уже цитировал выше некоторые мнения об опасности занятия японцами Кореи и возможности при этом их движения в Манчжурию, что заставило бы нас отнести назад район предполагаемого сосредоточения. Меры, которые предлагал Алексеев, изложены в конце депеши так:

1) Объявление, подобное тому, как было в 1895 году, мобилизации в областях Дальнего Востока, а также по возможности в сибирских губерниях и введение в Манчжурии военного положения для подготовки сосредоточения войск, удержание стратегического спокойствия и обеспечение целости железной дороги. Одновременно передовыми войсками занять нижнее течение Ялу. Или:

2) «Довести до военного состава и тотчас же начать перевозку в Иркутск 10 и 17 армейских корпусов, предназначенных для усиления войск Дальнего Востока, с одновременным принятием мер по подготовке мобилизации остальных подкреплений и с объявлением Манчжурии так же, как и в первом случае, на военном положении. Равным образом, вследствие незаконченности оборонительных работ в крепостях Артуре и Владивостоке, полагал бы во всяком случае необходимым объявить эти крепости на военном положении для немедленного приведения в полную боевую готовность. Наиболее действительным из представленных мероприятий следует признать первое, т.-е. объявление мобилизации, так как оно одно обеспечивает должную боевую готовность наших войск Дальнего Востока. Вторая же из этих мер на успех кампании, если бы таковая стала неизбежной, может оказать лишь довольно слабое и отдаленное влияние. Посему приемлю смелость доложить вашему величеству, что в случае, если бы японское правительство после посылки первого экспедиционного отряда в Корею тотчас же не приостановило отправки дальнейших эшелонов, то применение первой из предполагаемых мною мер полагал бы неотложно необходимым. Повергая вышеизложенное на благовоззре-

ние вашего императорского величества, всеподданнейше испрашиваю указаний».

Выше изложен ответ государя. Его величество одобрил соображения Алексеева о мобилизации и объявлении военного положения, но не согласился на немедленную отправку наших войск на Ялу.

В предложениях Алексеева весьма интересно мнение, что прибытие на Дальний Восток европейских подкреплений, 10 и 17 корпусов, могло оказать лишь слабое и отдаленное влияние на успех кампании.

Таким образом, Алексеев рассчитывал победить японцев лишь четырьмя сибирскими корпусами. Повидимому, вследствие перерыва на Байкале, Алексеев считал, что европейские подкрепления могут прибыть слишком поздно, а кампания поведется чрезвычайно быстро. Вероятно, рассчитывал на победу флота. Во всяком случае, считая, что ему будет предстоять бороться с Япониею только с слабыми силами Дальнего Востока и Сибири, Алексееву следовало, признав таковую борьбу невозможною, употребить все усилия, чтобы избежать ее. Сделал он обратное.

На стр. 36-й материалов особой канцелярии, документ № 21, помещено следующее извлечение из депеши адмирала Абазы к ген.-ад. Алексееву от 30 декабря 1903 г.

«Думаю, что вам интересно знать в простом русском изложении, без дипломатических уверток, как государь смотрит на положение и что он до сих пор решил. Конечно, в зависимости от обстоятельств, взгляд государя может в деталях измениться, но, насколько я мог понять из множества разговоров с его величеством в течение года, взгляд государя таков:

1) Для России каждый год лишнего времени составляет огромную выгоду; поэтому надо приложить все усилия к тому, чтобы не было войны, но не путем уступок, которые именно и будут иметь результатом войну.

2) Политика твердая, но вежливая по форме и не придирчивая в вещах не существенных, лучше всего достигнет цели.

3) О Манчжурии не допускать разговора ни с японцами, ни с кем другим. Это дело касается исключительно Китая и России. При этом однако Россия готова признавать торговые интересы Японии и всех наций как можно шире и свободнее, но под русскою эгидою и без сетлементов.

4) Оккупация Кореи японцами не есть «casus belli», а, наоборот, даже выгодна для России, ибо если Япония это сделает под протестом России, то Япония очутится в положении незаконно действующей страны».

Но Алексееву не было нужды внушать, что он не должен делать уступок. Он и сам придерживался созданной безобразовцами роковой для нас теории, что уступки наши поведут именно к войне.

4 января ген.-ад. Алексеев телеграфировал Абазе:

«По глубокому убеждению, ответ на последнее предложение Японии требует самого тщательного, всестороннего обсуждения. Считаю, что в данную серьезную минуту проявление уступчивости повлечет к значительной потере нашего престижа и к чрезмерному возвеличению Японии в глазах всего Востока. Вот почему я вновь решился пред-

ставить государю императору на благовоззрение мнение о необходимости прежде ответа Японии рассмотреть корейский вопрос в связи с общим политическим положением. Принять личное участие в этом обсуждении считал бы необходимым, но прибытие для сего в Петербург связано с затруднениями, не поддающимися разрешению здесь на месте». (Доклад № 23, стр. 38.)

Таким образом, и Алексеев более всего боялся «уступчивости». Притом вместо ответа Японии, которого целая страна ждала с лихорадочным нетерпением, Алексеев предлагал заняться обсуждением общего политического положения и даже не прочь был приехать в Петербург, и это все за несколько дней до нападения на Порт-Артур!

14 января государь посылает Алексееву следующего содержания депешу:

«Имейте в виду для вашего личного сведения, что в случае высадки японцев в южную Корею или по восточному берегу, по южную сторону параллели Сеула, Россия будет смотреть сквозь пальцы, и это не будет причиной войны. Можно допустить японскую оккупацию до гор, составляющих водораздел бассейнов Ялу и Тумень-ула». (Доклад № 25, стр. 40.)

Всеподданнейшее письмо Абазы к государю от 16 января:

«Ваше императорское величество. Генерал-адъютант Алексеев по телеграфу спрашивает у меня разъяснения двух пунктов последней телеграммы вашего величества к нему. Прошу разрешения послать ему один из представленных при сем вариантов.

В первом варианте допускается высадка японцев на западном берегу южной Кореи вплоть до Чемульпо включительно, на том основании, что, допустивши мысль о высадке в южную Корею (южнее Сеула), естественно думать, что японцы выберут самое удобное для сего место, именно на западном берегу полуострова. Сомнение Алексеева весьма понятно, ибо допущение японцев в Чемульпо или около него значило бы приблизить японцев к Ялу и к Порт-Артуру. С другой стороны, недопущение японцев в самых удобных для них местах значило бы увеличить вероятность военного столкновения. По второму пункту недоумение Алексеева тоже понятно, ибо он в первый раз встретился с мыслью об оккупации Кореи до водораздельных гор, лежащих значительно севернее 39-й параллели, о которой до сих пор шла речь.

Засим считаю своим непременным долгом доложить, что на вчерашнем совещании у великого князя генерал-адмирала [1]) выяснилось, что г. г. министры, военный и иностранных дел, толкуют наши предложения Японии в том смысле, что Россия допускает экономическое водворение Японии во всей Корее, не исключая бассейна Ялу, а определение 39-й параллели или иной границы касается лишь военных мероприятий. Действительно, текст наших предложений может быть истолкован в этом смысле.

Я же все время понимал волю вашего величества таким образом, что вам угодно допустить японцев в Корею до такой-то границы как в военном, так и в экономическом отношении. Толкование двух мини-

---

[1]) Вел. кн. Алексей Александрович. *Ред.*

стров опасно потому, что если будет допущена экономическая деятельность на севере Кореи, то явится для них естественная необходимость защищать свои предприятия военной силой, и военное разграничение останется пустым, неисполнимым звуком. Нет сомнения, что они воспользуются таким толкованием, чтобы водвориться в бассейне Ялу и устроить там японский «заслон», вместо предвиденного вашим величеством и столь важного русского заслона.

«Считая очень опасным редактировать наши предложения Японии без точного определения, что Россия допускает водворение Японии в Корее до такой-то границы не только в военном, но и в экономическом отношении, я счел своею обязанностью повергнуть эти строки на высочайшее благовоззрение». (№ 27, стр. 41 — 42.)

Из этого письма видно, что Абаза, не довольствуясь возражениями в заседании 16 декабря мне и Ламсдорфу, затруднял дело соглашения с Япониею, продолжая государя тревожить нашими «экономическими интересами в Корее» и знаменитым «заслоном». Относительно последнего он даже заявляет, что заслон этот «предвиден» самим государем.

В документе № 30 (стр. 43) помещена копия с следующей собственноручной записки государя от 16 января:

«Закрывая глаза на высадку японцев в Корее до Чемульпо включительно, нужно, чтобы они тоже знали, до какого предела мы допустим их высадку. Иначе может выйти непоправимое недоразумение. Лучше, конечно, чтобы это произошло подальше от севера».

18 января Абаза пишет государю:

«Ваше императорское величество, вчера, утром, я разъяснил японскому посланнику, до каких пределов береговой линии может быть допущена высадка в Корее. Сегодня в течение дня японский посланник два раза присылал мне своего секретаря с очень длинной просьбой, которую осмеливаюсь просить выслушать от меня в устном докладе до отправки русского ответа на японские предложения». (№ 31, стр. 44.)

Весьма странно должны были чувствовать себя японцы при ведении переговоров с нами: вместо переговоров через Ламсдорфа им приходилось вести переговоры с двумя адмиралами: Алексеевым и Абазою, уже решившими, что уступки поведут к войне.

Важно и печально то, что Абаза был допущен непосредственно вести переговоры с японским посланником в Петербурге. Он затемнил переговоры своими требованиями экономического влияния России в Корее. Он, когда уже ответ на японские предложения был готов, снова просил государя выслушать его устный доклад ранее отправки этого проекта.

20 января Ламсдорф отправил Алексееву следующую депешу, которая уже не попала в руки Розена, ибо разрыв дипломатических сношений последовал 24 января:

Телеграмма № 2. Полный текст статей проекта соглашения:

«1) Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.

2) Признание Россией преимущественных интересов Японии в Корее и права Японии подавать Корее советы и помощь, направленные к упорядочению управления Корейской империей.

3) Обязательство России не препятствовать промышленной и торговой деятельности Японии в Корее и принятию мер для охраны этих интересов.

4) Признание Россией права Японии посылать в Корею войска для указанной в предыдущей статье цели, для подавления восстаний или беспорядков, могущих создать международные осложнения.

5) Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории в стратегических целях и не предпринимать на корейском побережье никаких военных мер, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6) Россия будет уважать все права и преимущества, приобретенные Япониею наравне с прочими державами по договорам с Китаем, при чем Япония, с своей стороны, обязуется признавать Манчжурию с ее побережьем стоящею вне сферы ее интересов.

7) Взаимное обязательство не препятствовать соединению Корейской и Восточно - Китайской железных дорог, когда эти дороги будут доведены до Ялу.

8) Отмена всех прежних соглашений между Россиею и Япониею касательно Кореи». (Доклад № 34, стр. 46 — 47.)

Сравнивая эти предложения с высочайше одобренным проектом русского соглашения 16 августа 1903 г. в ответ на японские предложения (помещено на стр. 17 документов особой канцелярии, доклад № 5), видно, что через пять месяцев переговоров мы хотели дать Японии менее, чем давали 16 августа, ибо в русском ответе 16 августа в статье первой значилось:

«Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской империй», а в последнем проекте (20 декабря) мы уже не помещали обязательства признавать территориальную неприкосновенность Китайской империи.

Роковым образом люди «нового курса» с своими опасениями за Порт-Артур и стремлениями к созданию «заслона» на Ялу затянули переговоры и все сделали, чтобы они успеха не имели.

Вместо переговоров общего значения для Манчжурии и Кореи, мы пытались перейти только к переговорам о Корее. До последней минуты мы все думали, что со стороны Японии дело идет только об оккупации Кореи, и спорили, до какой черты допустить эту окупацию, пока нападение на Порт-Артур не раскрыло нам глаза.

В заседании 15 января под председательством великого князя Алексея Александровича обсуждались наши ответные предложения на японские предложения от 9 декабря. Мы потеряли уже более месяца времени, не отвечая японцам. В этих ответных статьях особенно неприемлемою, по моему мнению, была статья 6-я: «Взаимное обязательство считать территорию Кореи, лежащую к северу от 39-й параллели, нейтральною зоною, в пределы которой ни одна из договаривающихся сторон не может вводить войска».

Эту статью поддерживали Алексеев и Авелан.

Я отказался поддерживать эту статью и согласился, даже выпустив 6-ю, ослабить и статью 5-ю, в которой значилось: «Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории в стратегических целях». А именно, я считал возможным изложить:

«Не пользоваться никакою частью корейской территории севернее 39-й параллели в стратегических целях».

Мое мнение взяло вверх, но Абаза и Алексеев затягивали переговоры, и когда пошел, наконец, наш ответ, спустя 6 недель после предложений Японии, уже было поздно: война началась 27 января 1904 г. нападением без объявления войны на наш флот, стоявший на открытом Порт-Артурском рейде.

II

ВОЙНА

ИЗ ДНЕВНИКА

Н. П. ЛИНЕВИЧА

1904 год.

14 октября в Хабаровске около пяти часов вечера получил от генерала Куропаткина телеграмму, в коей он сообщает, что предложил меня в командующие 1-й Манчжурскою армиею [1]) и что государь одобрил это предложение. Так как из последних слов телеграммы видно было, что я назначаюсь куда-то в армию, то я это радостное известие прочитать призвал свою старшую дочь, и она мне прочла предложение генерала Куропаткина, одобренное государем, принять 1-ю Манчжурскую армию.

Это радостное предназначение обрадовало меня и весь мой дом; я перекрестился и мысленно просил господа даровать мне искусство, способности и мужество и помочь мне оказаться на высоте избрания, чтобы своим умением и искусством направлять вверенные мне войска только к победе.

На другой день, 15 октября, я вновь получил телеграмму от генерала Куропаткина с просьбою приехать как можно скорее в армию. На эту телеграмму я ответил, что я совершенно готов к отъезду и через несколько дней выеду.

23 октября.

Вчера, в 10 ч. утра, я слушал напутственный молебен по случаю моего отъезда из Хабаровска в армию. Пришедших в соборную церковь было очень много; после молитвы в Успенском соборе мне как будто стало легче на душе.

Сегодня же, 23 октября, в $12^1/_2$ ч. дня, я выехал из Хабаровска к месту расположения Манчжурской армии.

18 декабря.

16 декабря я переехал в Кханмаин. Записку памятную за моею подписью и генерала Харкевича, а равно и последующий мой рапорт ему же, т. е. главнокомандующему, о наступлении на противника всецело составлял генерал Орановский. Я только лишь исправил

---

1) После отъезда в Петербург наместника Дальнего Востока адм. Алексеева и назначения Куропаткина вместо него главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, войска на Манчжурском театре были разделены на три армии: 1-я под командою Линевича, 2-я—Гриппенберга и 3-я — барона Каульбарса. О назначении на эту должность автор дневника и говорит. *Ред.*

в некоторых местах. По словам Орановского, Харкевич никакого участия не принимал в составлении означенных предположений. Мое письмо тоже я лично составлял. Впрочем, я этим не хочу сказать, что Харкевич не мог бы составить подобных записок, но они все же полностью составлены Орановским.

30 декабря.

Сегодня утром, в 10 ч., приехал ко мне генерал Флуг по поручению главнокомандующего узнать мое мнение о наступлении на японцев [1]). При этом Флуг высказал мнение главнокомандующего, что он не желает задаваться длинным и глубоким обходом, а ограничится мелким обходом, при чем оставить в стороне укрепленную позицию в Сандепу [2]) и атаковать прямо тоже сильно укрепленную позицию в Лидиутуне. Но я ему высказал, что необходимо предварительно взять позицию в Сандепу и после сего атаковать в Лидиутуне; затем общими силами атаковать Цин-лун-Янтунь и затем по ходу этих движений атаковать Тадусаипу (Чандинпу?) или углубляться за железную дорогу.

После сего я высказал, что одновременно с атакою Лидиутуна необходимо 1-му армейскому корпусу атаковать Хоутхайскую сопку и даже Двугорбую, для чего отделить от названного корпуса 20 батальонов, а от 4-го корпуса—6 батальонов, при чем этими последними демонстративно атаковать от Тагенсяилун на Шнесандзы. На этом совещании также были генералы Харкевич и Орановский, которые были того же мнения, как и я. В тот же день, вечером, прибыли ко мне ген. Мейендорф и ген. Иудович Иванов [3]), на которого возложено руководство всею осадною артиллериею. Они по моему приказанию избирали место в 1 и в 4 корпусах для всей осадной артиллерии, которая предназначена действовать с позиции нашего 1-го армейского корпуса и с позиции 4-го корпуса по позиции японцев. Они мне представили свою схему, которую я одобрил, при чем предназначено действовать по Хоутхайской сопке нашим орудиям, т. е. с позиции 1-го корпуса 54 орудия и с 6-го корпуса [4]) — 100 орудий. По сопке Слюсаренко наших 100 орудий и с 6-го корпуса — 76, по Двугорбой — наших 114 и с 3-й армии — 56 орудий, на Сахарную Голову — 68 орудий и на Отдельную сопку — 108 орудий.

Когда мы откроем бомбардировку, то полагаю, что японцы вынуждены будут бросить свои позиции.

На этом вечернем совещании тоже присутствовали генералы Харкевич, Орановский и Столица. Все сделано по схеме обстоятельно. Приказал корпусному командиру подготовлять места для орудий, блиндажи для прислуги и вообще все подготовить для скорейшей бомбардировки. Я представил главнокомандующему две недели тому назад письмо,

---

[1]) К этому времени все три Манчжурские армии оставались вытянутыми, после встречного сражения на р. Шахэ в конце сентября — начале октября, в одну линию примерно от Чансыпу на ст. Шахэ, Кандолисан, Гаутолин. *Ред.*

[2]) Вопрос идет о намерении Куропаткина перейти в январе в наступление своим правым флангом в обход левого фланга японцев (см. схему). *Ред.*

[3]) Генерал Николай Иудович Иванов. Линевич почти всюду называет его «Иудович Иванов». *Ред.*

[4]) 6-й Сиб. корпус, соседний с 1-й армией левофланговый корпус 3-й армии. *Ред.*

в котором рекомендовал сделать дальний обход позиции противника с захватом Ляояна, но главнокомандующий не пожелал задаваться такою обширною задачею и ограничивается ближайшем охватом, как мною указано выше.

26-го декабря со станции Суятунь и из деревни Сыфонтай выступил в набег генерал Ренненкампф [1]) и с ним восемь полков конницы, в том числе три полка драгун, Кавказская бригада и Приморский драгунский полк, восемь конноохотничьих команд, две конных и одна поршневая батарея. Программа ему дана следующая: атаковать Ньючуан, Инкоу и Дашигво, разорить железнодорожный путь в возможно бо̀льших местах, проникнуть в Кайджоу и там взорвать мост.

Задача отличная, надо только уметь ее исполнить. Мост желательно разорить с тою целью, чтобы из Порт-Артура не доставили бы к нам большие осадные орудия.

31 декабря.

Сегодня, в 10 ч. утра, было общее совещание у главнокомандующего. Собрались трое командующих армиями — я, Гриппенберг и Каульбарс, генерал Сахаров, т.-е. начальник штаба главнокомандующего, и три начальника штабов армий.

На совещании, собственно говоря, ровно ничего не выговорили и не определили, хотя говорили много [2]).

Гриппенберг начал было свою речь с того, что в лоб ныне атаковать нельзя, потому что японцы отобьют атаку, что у японцев, кроме окопов, портов и опорных пунктов, везде проволочные заграждения в несколько рядов, волчьи ямы, фугасы и проч., и что следовало бы сделать дальний обход.

Но Куропаткин не дал ему договорить, объявив, что необходимо начать атаку с фланга, и указал на Сандепу.

Каульбарс то же самое начал было говорить о невозможности атаки с фронта в лоб; у меня же и не спрашивали [мнения].

После сего начали говорить, какой именно пункт прежде всего необходимо атаковать.

Некоторые были за Лидиутун, но я держался того мнения, что надлежит атаковать сразу во фланг [3]) и Лидиутун. К моему мнению присоединились Куропаткин и другие. После длинных, но праздных разговоров я тоже высказал, какое мне надлежит оказать содействие войскам 3-й армии [4]), когда 3-я армия приступит к атаке Хоутхайской сопки; при этом я заявил, что 4-й корпус сделает из Эрджоу демонстрацию артиллерией и войсками для содействия первому корпусу при атаке последним Двугорбой сопки.

---

[1]) Автор дневника говорит о набеге в тыл японцам на Инкоу, произведенном под начальством ген. Мищенко. *Ред.*

[2]) Обсуждался январский переход в наступление, который вылился в безуспешную атаку частями 2-й армии левого фланга японцев в районе Сандепу. *Ред.*

[3]) Т.-е. фронтальный удар на Лидиутун с захватом левого фланга у Сандепу (схема). *Ред.*

[4]) Идея предполагаемого январского генерального сражения в декабре 1904 года рисовалась в таком виде: атаку начинает 2-я, правофланговая, армия охватом левого фланга японцев у Сандепу. По мере успеха этого удара переходит в наступление соседняя 3-я армия и потом правый фланг 1-й армии. О содействии при этом наступлении Линевич и говорит. *Ред.*

31 декабря.

Сегодня пришли первые слухи о набеге генерала Мищенко, и, к огорчению, слухи крайне неудовлетворительные.

Так, например, говорят, что Мищенко ровно ничего не сделал, а уложил около 380 человек убитыми и ранеными, в том числе потерял убитым одного французского офицера-волонтера. Дело в том, что Мищенко в набег с собою взял 1.500 вьюков и повозок. Если это действительно было, то неважный же набег он мог сделать. Кроме сего, он, по дороге, первым делом атаковал Ньючуан и тем возбудил тревогу по всей линии. Конечно, по этой тревоге японцы все, что только могли свезти в Инкоу и вообще собрать для охраны дороги, все это они сделали. Так, например, говорят, что с одной стороны к Инкоу подходит Мищенко, а с другой, южной, тоже к Инкоу подходят и подвозят войска [японцы].

Было отправлено на главную магистраль несколько команд для взрывания идущих поездов, но там ни одного не взорвали, хотя поезда проходили с войсками, и, говорят, наши саперы подкладывали пироксилиновые шашки. Поезда благополучно все же пробегали, несмотря на шашки, подложенные неопытными минерами. Но говорят, что один пустой поезд расшибся; с войсками же поезда все проскочили.

К мосту в Кайдчжоу вовсе не прошли по неизвестной мне причине, хотя туда пройти было более чем необходимо и желательно. Таким образом, известный Мищенко не оправдал тех надежд, которые на него возлагались.

Разумеется, он, идя вперед, не должен был бы никаких атак предпринимать, а должен был бы только выставлять заслоны к Инкоу и к Ньючуану, чтобы дальше вглубь проникнуть и взорвать мост через Кайдчжоу, и, уже возвращаясь обратно, можно было покончить с Инкоу и с Ньючуаном.

Мой сын Александр удивляется, что приехал сюда Гриппенберг; сын мой говорит, что Гриппенберг совершенно болен, что он очень страдает сильнейшим ревматизмом по всему телу, а особенно в оконечностях, даже граничащим с подагрою, а может быть, и подагрой. Кроме того, Гриппенберг страдает ушными болезнями. Сын думает, что он не выдержит кампании и вынужден будет выехать обратно в Россию в самом непродолжительном времени.

Сегодня в заседании у Куропаткина, действительно, Гриппенберг показался мне расслабленным, налитым и вообще слабым.

Посмотрим, что будет дальше. На сегодняшнем заседании Гриппенберг не выразил в чем бы то ни было свое искусство и решимость, и вообще он очень уклонялся от всяких Сандепу и Лидиутуна. Видно, что он с испугом смотрит на предстоящие для его армии атаки.

Сын мой, бывший с визитом в штабе Гриппенберга, мне говорил, что Гриппенберг и весь его штаб крайне недовольны Куропаткиным за то, что он, Куропаткин, во все вмешивается и весьма часто даже сам лично отдает свои приказания прямо даже младшим начальникам в армии помимо Гриппенберга и затем от главнокомандующего только уведомляют о сделанном распоряжении.

Конечно, такая постановка вопроса должна тревожить Гриппенберга, как обстановка в корне неправильная. Впрочем, такие же приказания Куропаткин дозволяет себе отдавать тоже прямо и моим подчиненным помимо меня. От таких порядков едва ли можно ожидать успеха. Тоже все мои прямые подчиненные, делая мне какое-либо донесение, по заведенному порядку, копией доносят и главнокомандующему, а сей последний, помимо меня, делает свои распоряжения и только меня уведомляют о распоряжениях.

Мне сегодня сказал Куропаткин, что Штакельберг не выдержал экзамена на высшее командование, а потому, ему он поручает только корпус и не больше. Так ли это состоится? У Куропаткина почему-то к Штакельбергу установилось самое неограниченное доверие к его каким-то необыкновенным способностям и дарованиям, какие он никогда и нигде не проявлял. И вот верят же человеку! Если Куропаткин начинает сомневаться в дарованиях Штакельберга, то это только радостно.

Я думаю, что при первом же удобном случае Куропаткин Штакельбергу даст самое важное и ответственное поручение.

Сегодня главнокомандующий у меня спрашивал мое мнение о коменданте Воронец, и я ему сказал, что, когда я спрашивал у приезжающих из Владивостока, что там хорошего, мне всегда давали один ответ, что там все благополучно, только генерал Воронец сошел с ума. И таковой ответ все дают. Со всеми ссорится, но работал и работает для крепости много.

На это мне ответил главнокомандующий, что он ему донес, что во Владивостоке наши моряки народ крайне неблагонадежный, и просит их всех разоружить. Каков Воронец!! Наших славных моряков вдруг признал неблагонадежными. Конечно, после такого донесения Воронца надлежало признать вполне сумасшедшим и отставить. После сего Куропаткин спросил, кого бы вместо него назначить; я указал на двух: на Казбека и на Селиванова, добавив, что Казбек — орел.

1905 год.

Хуаньшань [1]. *1 января.*

Встречал новый год у себя в постели — спал. Свита ездила встречать новый год к полк. Кауфману, т.-е. к его жене, которая от Красного Креста находится хозяйкою питательного пункта.

Порядок у ней на пункте весьма простой, но образцовый; она все лично сама работает. Я думаю, что за недостатком прислуги она нередко лично сама заправляет самовар, заваривает пищу, даже, быть может, сама в иных случаях и таскает воду.

На завтраке у меня было 1-го января 34 человека; прислуга управилась. Японцы очень мало стреляли. Весь день туман.

2 января.

Погода отличная. Ко мне приезжал ген. Гриппенберг в 3 часа дня, пил чай у меня и говорил, что Мищенко, ушедший с конным отрядом к Кайдчжоу и Инкоу, будто бы, захватил в Инкоу штаб дивизии и что ген. Косаговский [2]) ушел к Мищенко навстречу с своею кавалериею и с шестью батальонами.

Сегодня мне докладывали бумаги Харкевич и Орановский, т.-е. не докладывали, а спрашивали мое мнение относительно задач, какие следовало бы дать всем корпусам, чтобы каждый из них выработал бы себе задачу для наступления.

Указания мною даны, что будет выражено в предписаниях каждому корпусному командиру. По всему видно, что Куропаткин желает перейти в наступление и в очень недалеком будущем.

Дай-то бог ему успеха, хотя очень трудно наступать на сильно укрепленные по всему фронту японские позиции.

3 января.

Сегодня прибыл ко мне ген. Мейендорф и сказал, что он получил сведения о возвращении ген. Мищенко с его конным отрядом из-под Кайдчжоу, и сказал мне, что у Мищенко не было того широ-

---

[1]) Место расположения штаба Линевича. *Ред.*

[2]) Его отряд действовал в долине р. Ляохе. *Ред.*

кого полета, который от него ожидался. Но что будто бы в Инкоу он сжег склады и захватил какой-то полковой штаб. Не много же сделано. Мне же ген. В. Сахаров 31 декабря сказал, что на Мищенко возложено взорвать мост в Кайдчжоу и в других местах; ныне же слухи ходят, что Мищенко вовсе не коснулся железной дороги. Вообще же, как видно, ожиданий не оправдал.

4 января.

На заседаниях у главнокомандующего 31 декабря ни 2-й, ни 3-й командующие армиями, т.-е. ни Гриппенберг, ни Каульбарс, не высказались за атаку японцев в лоб. Оба они высказывались за дальний обход, как и я, т.-е. что необходимо маневрами заставить японцев самих перейти в наступление. Оба они так же, как и я в моем письме главнокомандующему, стоят за то, чтобы сделать обход стратегический, а не ближний охват. Но они оба говорят, что следует сделать ближний обход только за Янтой [1]), а я настаиваю на немедленном захвате Ляояна, где утвердиться нам армиею, составом не менее как 100 батальонов, и затем постепенно охватывать японцев и заставлять их переходить в наступление.

Задумали мы перевозить осадные орудия для бомбардировки японских позиций. Предполагали начать 7 января, но вот уже 4 января, а орудия все еще находятся в Мукдене, и о перевозке их никаких распоряжений еще не имеется.

5 января.

Ездил сегодня с визитом к командующему 2-й армией ген. Гриппенбергу и к командующему 3-й армией ген. Каульбарсу.

Оба вздыхают о предстоящем тяжелом переходе в наступление; особенно этого побаивается Гриппенберг, не надеясь на удачу.

Завтракал я у ген. Каульбарса. За завтраком у него было много людей разного вида. Наградили З. В. Орд. 3 ст. [2]) Черниговского полка драгуна из вольноопределяющихся за поимку японца и за уничтожение японского разъезда в тылу нашей армии.

Об осадных орудиях еще сведений никаких не получено.

12 января.

Сегодня начата атака укрепленного японцами пункта Сандепу. Атаковал 1-й Сибирский корпус Штакельберга и, говорят, неудачно — потерял 46 офицеров и 1.000 нижних чинов. При таких потерях Штакельберг занял всего только второстепенные деревни, именно Хувилотодзы, Тамайзы [3]), Молодян [4]) и Дачиай. Далеко еще Штакельберг не добрался до Сандепу, при чем Штакельберг заявил, что японцы на него наступают, и просит подкрепления. В этот день этим и ограничились, тогда как предполагали атаковать в сей день и Сандепу.

---

[1]) Верст 30 к северу от Ляояна. *Ред.*

[2]) Знак отличия Военного Ордена, — так назывались георгиевские кресты, даваемые нижним чинам. *Ред.*

[3]) Тудайдзы (?). *Ред.*

[4]) Маландян. *Ред.*

Не везет все время Штакельбергу. Везде он потерпел поражение, и вот все еще ему продолжают давать ответственные и первой важности поручения.

Восьмой корпус, собственно 14-я дивизия, только обстреливала Сандепу, но участия в бою не принимала.

13 января.

Получены сведения, что хотя 14-я дивизия и атаковала Сандепу, но неудачно: была отбита и отступила. Это сведение нам передали в 3 часа пополудни, но вечером к нам по телефону дал знать главнокомандующий, что Сандепу взят 14-й пехотной дивизией. Однако же на другой день по телефону мне сам Куропаткин объявил, что хотя передовые части Сандепу и были взяты, но что еще оставалось взять редут. Но так как видно было, что редут взять было невозможно, то и все отступили от Сандепу и, таким образом, Сандепу не взяли [1]).

14 января.

Сегодня Куропаткин приказал дать отдых всей второй армии, так как, по заявлению Гриппенберга, все люди очень утомились от вчерашней атаки Сандепу.

Делается новая подготовка, но так как Гриппенберг заявил, что он без мортир взять Сандепу не может, то у меня в армии взяли одну мортирную батарею.

Сегодня я предполагал было сделать демонстрацию против Фаншена и Пуцова [2]). Для этого приказал направить огонь всех батарей против сопки Слюсаренко и Двугорбой, а в три часа предполагал занять названные две деревни, но в виду того, что весь день шел снежок и ничего не было видно далее полуверсты, демонстрацию я приказал отложить. Слухи носятся, что в этот день ген. Русанов все же повел вечером атаку на Сандепу и ворвался в передовое укрепление. Вместе с сим ген. Русанов донес Гриппенбергу, что он взял штурмом Сандепу; в свою очередь Гриппенберг, расцеловав приехавшего от Русанова с таковым радостным известием адъютанта, донес и Куропаткину. На самом же деле оказалось, что Русанов атаку даже и не доводил до Сандепу, а ограничился только занятием передового селения, имеющего даже особое название. Когда наши войска вошли в эту деревню и там начали составлять ружья и отдыхать, то говорят, что японцы в это же время ночью вышли из Сандепу, бросились на 14-ю дивизию и выколотили ее оттуда штыками. Таким образом, уже на другой день Русанов узнал, что все его полки выбиты из Сандепу.

Так как было донесено, что Сандепу взято, то Гриппенберг приказал повернуть назад всю осадную артиллерию к Лидиутуну. Таким образом, оказалось, что 15-го числа вновь начинать штурм Сандепу сделалось по неимению осадных орудий совершенно невозможным. В этот же день Штакельберг, по своей горячности и по своему неразумию, услышав, что взят Сандепу, тоже и сам пожелал отличиться

---

[1]) Интересующимся боями под Сандепу рекомендуется, кроме официальных источников, прочесть труд очевидца: П. Н. Баженов. «Сандепу Мукден». Спб. 1911 г. *Ред.*

[2]) В районе Фаншена. *Ред.*

и, вместо того, чтобы с своим корпусом остановиться и укрепиться на занятых им позициях на линии южнее Сандепу, именно на линии Датай—Сунапу [1]), он полез вперед занимать Сюйцзевопу и далее. Говорят, что в этом месте он натолкнулся на три японских дивизии, которые его с корпусом не только отбили, но даже и погнали до реки Хунхе и даже за эту реку.

Сегодня призывал меня к телефону Куропаткин и излагал мне все бедствия, обрушившиеся на вторую армию из-за Штакельберга. Но Куропаткин не особенно-то доволен также и Гриппенбергом и его штабом.

Куропаткин мне сказал вкратце о всех бедствиях, перенесенных нашим первым Восточно-Сибирским корпусом из-за неразумия Штакельберга.

Главнокомандующий сделал ему запрос, на каком основании он дозволил себе не исполнить отданного ему приказания и выдвинулся вперед больше, чем ему это было разрешено.

Также Куропаткин мне объявил, что Гриппенберг подал рапорт о болезни и что лежит в вагоне, как пласт, от ревматизма.

Как видно, слова моего сына о тяжких болезнях Гриппенберга оправдываются. Но может случиться, что Гриппенберг заболел от того, что он огорчен первым дебютом своей деятельности в армии.

Правду следует сказать, что Гриппенберг потерпел при первых у себя действиях полную неудачу. Кто виновен, Христос то знает, но от происшедших неудач в корпусе Штакельберга и в корпусе Маслова [2]) можно действительно заболеть.

То же мне сообщил Куропаткин, что он вместо заболевшего Гриппенберга назначил временно ген. Маслова командовать 2-ю армиею.

19 января.

Сегодня по телефону мне сообщил Куропаткин, что к Сандепу подвозят осадные орудия и что будут предварительно громить Сандепу массою артиллерии, а затем и возьмут штурмом.

Также мне сказал, что перед штурмом Сандепу не было сделано решительно никакой рекогносцировки,—не только Гриппенберг и его штаб ровно ничего не знали, что это за Сандепу, но даже никто не знал, что на восточной стороне Сандепу имеется «редют», обнесенный в несколько рядов проволочными заграждениями с эспланадою более чем в 500 шагов.

Все это выяснилось впоследствии с воздушного шара и рекогносцировками после болезни Гриппенберга и по приказанию Куропаткина. Последний говорит, что ныне, разбирая все предшествовавшие дела, он только удивляется всем неосновательным распоряжениям Гриппенберга, и добавил, что все там действовали точно дети. Штакельберг тоже подал рапорт о болезни. Оба они увидели, что это война не с бухарцами и не с турками. Оба, вероятно, сильно оробели и стремятся убраться из армии обратно в Россию.

---

[1]) Самапу (?). *Ред.*

[2]) Командир 8-го корпуса, атаковавшего Сандепу. *Ред.*

20 января.

Сегодня вечером по телефону мне сказал Куропаткин, что он прочитал все объяснения Штакельберга о неразумных его действиях с корпусом на правом фланге и признал его действия и распоряжения неосновательными, а потому он его отчисляет от должности, но за старую полезную службу Штакельберга ходатайствует у государя императора о зачислении Штакельберга в комитет раненых. Совершенно напрасно, ибо полезной службы Штакельберг никогда не проявлял. Также мне Куропаткин сказал, что доктор Вреден, делая перевязки нижним чинам, сказал одному нижнему чину 33 В.-С. стр. полка на перевязке, что у них в том же сражении ранен и начальник дивизии генерал Кондратович. На это тот же перевязываемый солдат сказал доктору Вредену: «Вот нашего корпусного Штакельберга не ранили же?» Из этого выражения можно усмотреть, сколь ненавидят все, не только в 1-м корпусе, но и во всей армии, Штакельберга. Так его ненавидели под Тянзином [1]), так его ненавидели и в Гирине, когда он командовал 2-м корпусом, и вот ему суют не только самый лучший корпус, но и дают самые видные поручения.

Также мне сказал Куропаткин, что сегодня в Россию уезжает и Гриппенберг, но только на один месяц. Вероятно, уезжает на такое время, чтобы ему поправили дела на правом фланге, а затем он возвратится пожинать лавры. А если дела будут итти совершенно плохо, то Гриппенберг, вероятно, и не возвратится,—немцы на это способны.

Сегодня я ездил на Путиловскую сопку посмотреть оттуда все подступы к позиции противника, но ничего не мог видеть по случаю мглы.

Удивительно, что у Штакельберга был Приморский драгунский полк, который мог бы осветить впереди местность и дать знать о приближении трех японских дивизий, но, как видно, Штакельберг не пожелал воспользоваться своею конницею, а сам полез вперед.

Это движение 1-го Сибирского стрелкового корпуса вперед, по необъяснимости его, без рекогносцировки, составляет деяние Штакельберга даже преступное; если же еще принять во внимание, что он уложил в этом движении офицеров 300 и нижних чинов около 8 тысяч, то преступность Штакельберга усугубляется.

И все это сделано Штакельбергом не только без разрешения, но и вопреки отданного ему приказания, за что следовало бы его отдать под суд. Первых два дня под Сандепу было наше положение даже блестяще, и если бы Штакельберг остановился на той линии, где ему было приказано остановиться, и там сильно укрепился, то могло бы случиться, что все три дивизии расшиблись бы об укрепления корпуса Штакельберга. Всегда, впрочем, я лично считал Штакельберга не способным быть выше командира полка, но вот почему-то Куропаткин верит в него и считает его способнейшим генералом, а он во всю настоящую кампанию ни одного сражения не выиграл, даже какого-либо маловажного.

Все в армии тоже его считают совершенно неспособным.

---

[1]) В 1900 году. *Ред.*

Говорят, что Штакельберг во время своего уродского и неразумного наступления и отступления бросил на поле сражения около трех тысяч человек наших убитых и раненых. За что несчастные пострадали?

20 января.

Все на сопке жаждут наступления вперед, все изучают подступы к сопкам Слюсаренко, Двугорбой и Хаутхайской, но просят наступление сделать не днем, а ночью. Сегодня от адъютантов я слышал, что сам Куропаткин едет на правый фланг руководить атакою на Сандепу. Также сегодня Куропаткин прислал распоряжение, чтобы все полки 1-й армии, кроме 6-й дивизии, выделили от себя по одной роте и образовали каждый корпус один двухбатальонный полк [1]). Приказано каждую роту составить в 230 штыков с унтер-офицерами.

Конечно, во все роты я приказал выделить походные кухни, каждому солдату—валенки и одеяло. Приказал выдать обоз, назначить в каждые два батальона полкового командира и заведующего хозяйством.

Конечно, из складных полков будут выделены и складные роты, а из них легко может составиться и складный полк, но все же это импровизованный полк, не имеющий ни прочной связи, ни прочного хозяйства, ни прочной дисциплины. Казалось бы, что приказал бы Куропаткин отделить одну бригаду от какого-либо корпуса или дивизии, и дело было бы складно.

Но и эта организуемая импровизованная бригада, составленная из 24-х отдельных частей, тоже будет, по-моему, недурна, если полковые командиры окажутся на своем месте и будут твердого характера.

Ко мне на Путиловскую сопку приезжал капитан 2-го ранга Виноградский из эскадры крейсеров, старший офицер крейсера «Громобой», участвовавший в сражении 1-го августа. Он был у Гриппенберга и говорит, что там, во 2-й армии, во всем царит полнейший беспорядок. Также говорит, что и Каульбарс даже не знает, где у него в армии стоят осадные орудия. Он же говорил, что отозванию Скрыдлова [2]) сей последний обязан сплетням и бездарности своего штаба.

21 января.

Сегодня видел импровизованный полк, составленный из полков 4-го корпуса.

Ничего, составлен порядочно и внимательно. Говорил мне ген. Харкевич, что вся вторая армия ругает Куропаткина и особенно за его распоряжение помимо Гриппенберга отступать всей второй армии на свои старые позиции. Вся вторая армия говорит, что если бы такового распоряжения не было, то вторая армия выиграла бы полное сражение. Одновременно с сим вся вторая армия крайне сожалеет об отъезде Гриппенберга.

---

[1]) Этот сводный отряд предполагалось напрактиковать в штурме укреплений и отправить для взятия Сандепу. *Ред.*

[2]) Вице-адм. Скрыдлов после гибели адмирала Макарова был назначен командующим дальневосточным флотом, но в командование флотом не вступил. *Ред.*

Вчера, в ночь на 20 января, ген. Мейендорф собрал четыре охотничьих команды с одним батальоном Самарского полка в резерве и приказал к рассвету выдвинуться на левом фланге вперед, атаковать деревню Фаншен и разорить ее.

Давая разрешение на это движение, я настоятельно требовал от ген. Мейендорфа не разорять деревни, потому что для разорения ее потребуется время, хотя бы 20 минут, в течение которого из соседних японских окопов столько сбежится японцев, что мы при большом отряде понесем большие потери, что не желательно; хотя Мейендорф мне и обещал не задерживать отряда, но он этого не исполнил и даже сделал другое: вместо внезапного нападения, он приказал, не доходя до Фаншена, обстрелять эту деревню, а затем ворваться.

Конечно, подобным, не соответствующим внезапности приемом он разбудил всех японцев не только в деревне, но и в соседних траншеях, и когда наши охотники ворвались в деревню, то японцы уже были наготове и встретили их сильным ружейным огнем; затем, хотя японцы и отступили, но все же продолжали стрелять. Хотя мы десять землянок и фанз японских и разорили, но зато бесцельно уложили своих убитыми и ранеными 75 человек. Вот это был первый прием распоряжений петербургского генерала.

22 января.

Сегодня мне, как слух, сказал Харкевич, что в штабе нашим офицерам генерального штаба из штаба главнокомандующего сообщили, что в Петербурге убит наш наместник Алексеев. Также это же сведение мне сообщил подполковник Дабовский, судейский, [сказавший] что ему сообщил чиновник дипломатической части, что наместник убит при выходе из Европейской гостиницы.

Я думаю, что если мы ныне ведем войну, то обязаны этим дипломатическому характеру адмирала Алексеева, т.-е. его нерешительности, его нетвердости и еще более его вилянию по ветру; при этом Алексеев, несомненно, умный человек.

23 января.

Сегодня по телефону мне главнокомандующий сообщил, что об убийстве наместника адмирала Алексеева он ничего не слышал и что, вероятно, это не более как сплетня. Также и сегодня высказал мне свое крайнее неудовольствие и на Гриппенберга, и на Штакельберга за те беспорядки, которые были допущены Гриппенбергом в первые дни атаки на Сандепу, поведшие нас совершенно безрезультатно к огромнейшим потерям. Куропаткин на всех изливал свое неудовольствие, даже и на начальника 15-й дивизии генерала Иванова, который тоже послал свою дивизию в атаку без надлежащей подготовки.

Вообще все наши предположения на правом фланге разлетелись в прах от нераспорядительности генералов Гриппенберга, Штакельберга, а также Мылова, Русанова и Иванова, не-артиллериста [1]).

Также Куропаткин сказал, что он, наконец, расстался и с Штакельбергом. Давно бы пора, я это последнее скажу. Мне сказал Куро-

---

[1]) Т.-е. не «Иудыча Иванова». *Ред.*

паткин, что он на правый фланг командовать второй армиею назначил генерала Каульбарса. Дай-то, боже, успеха ему, Каульбарсу, хотя лично я не признаю за Каульбарсом знания, подготовки и творчества. Он только при встрече со всеми целуется, — это его особое качество, но кажется, что он мало практичен.

Мой начальник штаба Харкевич советует мне взять Цзянчен [1]). Это у него уже погоня за лаврами. Вот если бы взять Бенжесиху [2]), то это было бы хорошо. Это успех, хотя тоже маловажный.

Вообще необходимо подумать, что делать, а нужно было бы двинуться вперед, и если бы бог дал успех, было бы хорошо по всему нашему фронту и до Сандепу даже.

Вообще из сегодняшнего разговора с Куропаткиным видно, что он удручен всеми событиями и даже бегством Гриппенберга в Россию, хотя об этом сожалеть нечего. Начало действий Гриппенберга у Сандепу, крайне неудачное, бесплановое, необдуманное и оттого разлезшееся даже на второй день, указывает, что Гриппенберг не только не даровитый и не предусмотрительный, но даже просто малоспособный и даже, как оказывается, просто больной. Какой же он военачальник, у которого должна быть бодрость и физическая, и духовная, способная на творчество?

24 января.

Сегодня, рано утром, наш Куропаткин пригласил меня к телефону и сообщил мне с огорчением даже в голосе, что Гриппенберг больше не возвратится, и добавил характерную фразу, что, вероятно, поехал жаловаться, что помешали ему выиграть сражение.

Действительно, странный человек Гриппенберг. Вдруг бросил армию, испросил себе высочайшее повеление на возвращение по болезни из армии в Питер и уехал.

Впрочем, сегодня возвратился командированный мною во 2-ю армию и штаб 1-го корпуса [3]) к Гернгроссу генерального штаба капитан Коломенский для осмотра помещений, предназначенных для вновь созданной сводной бригады из рот, взятых со всех полков армии по одной роте. Многие говорят, что эта сводная бригада никуда не будет годиться, но я лично, по моему долговременному опыту, утверждаю, что это будет такая же отличнейшая бригада, как и 9-я стрелковая дивизия, созданная из таких же отдельных рот.

Мне говорил Куропаткин, что на правом фланге инспектор артиллерии Каханов самым безобразным образом расположил против Сандепу свою артиллерию, и особенно осадную. Последнюю он поставил, по словам Куропаткина, за восемь верст от позиций японцев и от Сандепу. Действительно, у нас вообще все артиллеристы тащат назад свою артиллерию от позиции противника, под предлогом, чтобы японцы ее не нащупали.

Ко мне сегодня приехал генерал бар. Мейендорф, который вчера ездил к главнокомандующему утешать Куропаткина в его горе по случаю

---

[1]) Цзянцан (?). *Ред.*
[2]) В обход правого фланга японцев. *Ред.*
[3]) Очевидно, Сибирского. *Ред.*

отъезда Гриппенберга, и сожалеет ныне Мейендорф, что совершенно не знал о ссоре Гриппенберга с Куропаткиным, иначе он помирил бы их, так как находится в отличных отношениях с Гриппенбергом, и повлиял бы на него не ссориться и тем паче не делать скандал своим отъездом из армии.

26 января.

Вчера, 25-го, мне говорил Куропаткин, что ему сказали, что Гриппенберг даже своего начальника штаба отстранил от всякого участия как в составлении плана действий с 12-го января, так и от самого исполнения, поэтому у Гриппенберга решительно никто из корпусных командиров ничего не знал, что ему делать и что делают его соседи. Каждый из них действовал на свой риск и страх, конечно, все разрозненно, без поддержки соседа, а потому у всех и была неудача, кроме одного Церпицкого. Этот выдвинулся вперед, хотя тоже без приказания, но сравнительно удачно заняв Сайтацзы и Лаботай.

До сего времени все молчат, т.-е. японцы и мы.

28 января.

Главнокомандующий вновь сегодня мне подтверждал, что Гриппенберг уехал из армии, даже не испросив разрешения у главнокомандующего, а выехал совершенно без спроса и притом всем окружающим говорил, что он через месяц возвратится. Но мне еще вчера говорил главнокомандующий, что он назначает во 2-ю армию командующим ею генерала Каульбарса, а сегодня мне сказал, что и государь на это согласился. Также мне говорил Куропаткин, что он, ради примирения с Гриппенбергом, отправил ему две телеграммы и три письма и ни на одно он не получил ответа. Нужно только удивляться, сколь недисциплинированно, нетактично и непатриотично перед всею армиею и Россиею поступил Гриппенберг. Не так должен поступать старый и добрый солдат и тем более, что он с Куропаткиным товарищи смолоду: Гриппенберг был ротным, а Куропаткин младшим офицером в одном батальоне в Туркестане. Следовательно, погрешил и перед товариществом.

По моему мнению, из сражений 12, 13 и 14 января Гриппенберг увидел, что это война не с бухарцами и не с турками, и просто бежал с поля сражения. В душе он остался немцем, а не русским.

Сегодня по телефону поздравляю Каульбарса с новым назначением, и мне Каульбарс говорил, что, несмотря на то, что в директивах, данных главнокомандующим, хотя и было сказано, что командующий 2-ю армиею в своих действиях совещается с командующим 3-ю армиею, но Гриппенберг и знать это не хотел. Несмотря на то, что они близко жили один к другому, Гриппенберг никогда не желал поделиться своими мыслями, предположениями и планами с Каульбарсом и всегда его только игнорировал. Думается мне, не желал ли Гриппенберг вовсе свалить Куропаткина и занять его место. В этом есть много правдоподобного.

Сегодня мне главнокомандующий говорил, что он из собранной мною сводной бригады предполагает составить и возобновить 4-ю В.-С. стрелковую дивизию, а 7-ю дивизию будет просить сформировать в России новую. Также предполагает сформировать и 5-й В.-С. стрел-

ковый полк. Вообще же в крепости Владивосток предполагает собрать гарнизон в 36 батальонов, в том числе и резервный полк.

Сегодня в телеграммах имеется о назначении Казбека комендантом крепости Владивосток. Очень радостное назначение.

29 января.

Полковник Беляев сегодня в Мукдене слышал от чинов штаба 2-й армии, что генерал Гриппенберг объявил вначале, что он один едет, затем потребовал к себе адъютанта сопровождать его; после того с тою же целью потребовал к себе ординарца офицера генерального штаба, при чем объявил, что они все будут его сопровождать в Петербург и с ним же все названные лица через месяц или через полтора возвратятся в армию. Таким образом, Гриппенберг положительно убежден, что он возвратится обратно в армию. Что-то мало вероятно, ибо Куропаткин сильно озлоблен против Гриппенберга и мне лично говорил, что вот же после всего происшедшего Гриппенберг все еще думает, что он может возвратиться в армию.

Сегодня японцы в первый раз пристреливались из осадного орудия по Путиловской сопке и по деревне Сандиаза.

30 января.

Получил сегодня срочно письмо от главнокомандующего, в коем он заявляет, что предполагает пригласить меня и других командующих армиями на совещание и предлагает о дальнейших предположениях обдумать, перейти ли нам в наступление теперь же, или по прибытии нового к нам подкрепления. Перейти ли в наступление правым флангом, как это уже было нами сделано 12 января и столь неудачно, или нам будет лучше прорвать центр, хотя бы и с огромными потерями. Как видно, продолжается шатание мысли без всякого творчества. В конце сентября мы атаковали японцев с обхватом их правого фланга, 12 января сего года мы вдруг атаковали с обхватом левого фланга японцев, а вот ныне уже предполагаем атаковать центр.

1 февраля.

Сегодня я слышал слова ген. Кондратовича, раненого в Сандепу, т.-е. не в Сандепу, а при атаке 1-м корпусом Сунапу [1]), что на несколько верст южнее. Генерал Кондратович, будто бы, рассказывал, что он удивляется, почему именно Куропаткин приказал бросить Сунапу и отступить, когда он, Кондратович, в Сунапу утвердился и уже три раза отбил атаки японцев.

Вообще 2-я армия все еще продолжает роптать на Куропаткина за то, что он помимо Гриппенберга приказал Штакельбергу отступить от Сунапу к реке Хунхе и к Чжонтаю.

3 февраля.

Сегодня я ездил к Куропаткину в Сахетун [2]), просто навестить его в горе по случаю внезапного отъезда Гриппенберга. Очень удручен-

---

[1]) Самапу. *Ред.*

[2]) Штаб Куропаткина, на железнодорожной ветке от Мукдена к Фушуну. *Ред.*

ным я нашел Куропаткина: он исхудал, поседел, осунулся и хотя еще не теряет энергии, но Гриппенберг своим отъездом разбил всю бодрость духа Куропаткина. Он как-то сжался в себе, утратил распорядительность и ныне всю свою надежду возлагает на Каульбарса, действующего на правом фланге и против Сандепу.

Читал мне Куропаткин свое письмо государю императору относительно противодействия Гриппенберга во все время пребывания его в армии. Он не только не исполнял повелений его, как главнокомандующего, но много было случаев, когда Гриппенберг делал распоряжения помимо и даже вопреки распоряжений Куропаткина. Он никогда и ни о чем не доносил Куропаткину, но во многих случаях не только не спрашивал указаний, а просто не приезжал даже и посоветоваться с Куропаткиным. Также не только никогда не советовался с своим соседом, командующим 3-ю армиею Каульбарсом, но даже, когда четыре раза предложил Каульбарс приехать к Гриппенбергу посоветоваться о совместных действиях (когда 2-я армия, взяв Сандепу, в своем наступательном движении приблизилась к Лидиутуну, где и 3 -я армия своею артиллериею и войсками также может принять участие в действиях 2-й армии), то Гриппенберг на означенные четыре предложения даже и не ответил Каульбарсу.

Гриппенберг, будучи крайне недоволен Куропаткиным за проигранное сражение у Сандепу, обратился прямо к государю императору с просьбою об увольнении по болезни в отпуск в Петербург.

На эту телеграмму Куропаткин получил телеграмму от государя, что он, по настойчивой просьбе Гриппенберга, увольняет его, в отпуск по болезни.

Вместо Гриппенберга Куропаткин исходатайствовал назначить командующим 2-ю армиею ген. Каульбарса, а вместо Каульбарса временно назначил Бильдерлинга.

В своих двух письмах Гриппенбергу Куропаткин по-товарищески упрашивал Гриппенберга не бросать армию именно в ту минуту, когда он наиболее всего нужен для армии. Советовал ему неделю совершенно отдохнуть, оправиться от болезни, от огорчений по случаю неудачной атаки Сандепу, а затем он вновь поправится и будет работать со всегдашнею энергиею, настойчивостью и присущим ему искусством. Много раз в своем письме Куропаткин называл Гриппенберга товарищем, так как они оба служили в молодости в одной роте.

Тем не менее, несмотря на самые товарищеские письма, несмотря на упрашивание, все же Гриппенберг остался нем. Даже упоминал в своих письмах Куропаткин, что отъезд Гриппенберга отзовется крайне неприятно в отечестве и особенно в армии, в коей различные разговоры и критика вообще, несомненно, будут подрывать авторитет главнокомандующего. Все это будет столько же неприятно и для государя императора.

Несмотря на эти слова Куропаткина, Гриппенберг все же не остался и уехал в Россию.

Мало этого, при проезде через Мукден и Харбин везде трубил, что он едет в Петербург, чтобы свалить Куропаткина, которым крайне недовольно все государство, вся армия и сам государь. Тем не менее,

все же Куропаткин крайне удручен отъездом Гриппенберга, т.-е. не столько удручен, сколько сконфужен.

Однако же, сопоставляя все совершившееся и упорство, с каковым Гриппенберг игнорировал распоряжения Куропаткина, видно, что Гриппенберг еще в Питере, вероятно, возмечтал видеть себя главнокомандующим.

Само собою разумеется, что создание второй Манчжурской армии указало, что Куропаткину не вполне доверяют, а назначение Гриппенберга с такою же помпою, как состоялось некогда назначение Куропаткина, убеждало, вероятно, Гриппенберга, что он есть естественный преемник от Куропаткина должности главнокомандующего. Когда же состоялось назначение главнокомандующим Куропаткина, то все же Гриппенберг, вероятно, мечтал, что вот-вот сменят Куропаткина. Когда же таковой смены не состоялось, а при атаке Сандепу Гриппенберг потерпел неудачу, то решил он в своей голове всю неудачу свалить на Куропаткина, а затем, чтоб окончательно свалить Куропаткина, ребром поставил вопрос, что вся неудача в атаке Сандепу произошла оттого, что помимо Гриппенберга Куропаткин приказал многим частям войск отступить, тогда как в отступлении надобности никакой не было; поэтому Гриппенберг просил его отпустить за болезнью в Россию. То-есть: или оставляйте Куропаткина, а меня уберите, или меня сделайте главнокомандующим, — оба же мы для службы вместе оставаться не можем по бездарности Куропаткина.

4 февраля.

Приехавшие из Мукдена говорят, что Гриппенберг на всех станциях, и особенно в Харбине, говорил, что он едет в Петербург исключительно с тою целью, чтобы свалить во что бы то ни стало Куропаткина. Мне тоже многие деяния Гриппенберга указывают на то, что Гриппенберг возмечтал занять место Куропаткина, а сего последнего свалить.

Куропаткин говорит, что Гриппенберг в свои планы и предположения не только никого не посвящал, но даже и начальник штаба Рузский ничего не знал о предположениях Гриппенберга; конечно, ничего не знали и корпусные командиры, а потому между корпусными никакой связи и не существовало.

Сегодня я получил письмо от начальника штаба главнокомандующего, в котором просят меня приехать к главнокомандующему для совещаний относительно предстоящих действий, так как Каульбарс, вероятно, ознакомился с положением дел во 2-й армии.

5 февраля.

Все настаивают на скорейшем наступлении русских армий на японцев, но Куропаткин все медлит и медлит. Он ожидает, вероятно, когда японцы получат свои резервы, и тогда сунется вперед, и тоже, как и всегда, его отобьют. Куропаткин сказал мне, что ему заявил Штакельберг, что он, Штакельберг, родился, вероятно, под несчастливою звездою, что не может выиграть ни одного сражения.

Я к сему добавлю, что под тою же звездой родился и Куропаткин, так как везде действует с таким же успехом, как и Штакельберг.

Мой начальник штаба, генерал Харкевич, очень способный, внимательный, с отличною памятью, так как помнит даже, где и какая сотня находится; он очень работящий и трудолюбивый и всю власть захватывает в свои руки, даже санитарную, артиллерийскую и инженерную, и, должен сказать, может за всех работать.

6 февраля.

Сегодня, по приглашению главнокомандующего, было совещание в Сахеяне, состоявшее из главнокомандующего с его начальником штаба, из трех командующих армиями и их начальников штабов. На этом заседании Куропаткин разъяснил положение дела после 12 января, причины его неудачи, при чем просил Каульбарса объяснить план его предстоящих действий.

После длинной вступительной речи, ничего не разъяснившей, он [1]), наконец, объявил, что прежде всего он решил атаковать Сандепу, а если это удастся, то далее полагает Лидиутун и вообще при содействии 3-й армии двигаться далее прямо на восток, но не на юго-восток. На это Куропаткин сказал, что он полагал бы сначала ограничиться одним Сандепу, а затем уже, когда представится возможность, атаковать Лидиутун. Этот последний атаковать однако при содействии 3-й армии, при чем об этом должно быть предварительно доложено Куропаткину.

Каульбарс решительно этому воспротивился и объявил, что он ехал сегодня в возвышенном настроении, и здесь, в заседании, он падает духом от тех стеснений, которые ему предъявляют, и что эти неприятности, делаемые ему, отразятся и на духе всей 2-й армии, что упадок духа главнокомандующего армией, несомненно, отразится и на духе армии.

Но главнокомандующий все же настаивал на том, что с той минуты, когда потребуется участие 3-й армии, главнокомандующий обязан вмешаться, чтобы отдать приказание 3-й армии приступить помогать 2-й армии. Тем не менее, Каульбарс с этим не согласился и все же настаивал на том, чтобы ему, Каульбарсу, принадлежало право объявить 3-й армии время, когда потребуется ее помощь, и указание ей задачи. Все это излагал Каульбарс с обидчивым своим видом и тоном.

Тогда же Каульбарс поднял вопрос о том, сколько именно может для помощи 2-й армии выделить 3-я армия батальонов. По подсчетам оказалось, что можно от 3-й армии отделить 24 батальона и поставить их за правым флангом 3-й армии. Вслед за сим начальник штаба 3-й армии ген. Мартсон спросил, что назначенные 24 батальона будут ли действовать по приказанию Каульбарса, или по указанию командующего 3-й армией.

На это Каульбарс ответил, что при таком сочувствии и отношении начальника штаба 3-й армии, нельзя ожидать существенной пользы от помощи 3-й армии, но Куропаткин на этом перебил разговор. Все встали и ушли завтракать.

---

[1]) Каульбарс. *Ред.*

После завтрака Куропаткин призвал к себе в вагон Каульбарса и, вероятно, упрашивал не тревожиться и не падать духом.

На этом окончилось заседание, и все мы уехали по своим деревням.

Мой сын зашел в вагон нач. штаба ген. Сахарова и просил доложить о себе г-же Сахаровой, но ему сказали, что Е. М. Сахарова живет в Мукдене; однакоже, когда я приехал к ней в вагон, то меня приняли. Оказалось, что она живет в Сахетуне контрабандою, вопреки желанию главнокомандующего, а потому принимает она только в исключительных случаях.

После завтрака Куропаткин читал мне и моему начальнику штаба письмо, какое он отправил государю императору о поведении Гриппенберга. Копию этого письма он обещал и мне прислать; я сохраню ее у себя для потомства.

На заседании много говорил о порядке ведения наступления на Сандепу ген. Бильдерлинг, но его разговоры были столь сухи и безжизненны, что даже было скучно и слушать; эту длинную речь Куропаткин умело перебил и перешел далее.

Вообще же заседание не дало того материала, который послужил бы данными для наступления.

8 февраля.

Сегодня я ездил осмотреть расположение осадных батарей, при чем нашел, что батареи расположены вообще хорошо, но прислуга орудий 42 л. батареи живет за семь верст. Удивительные распорядки корпусного командира ген. Мейендорфа. Приказал открыть стрельбу из поршневых батарей,—не желали этого сделать, точно боятся себя открыть, а между тем вовсе никогда не стреляли, особенно по живым целям.

Особенно боялся открывать стрельбу ген. Мейендорф, вероятно, потому, что он сделался очень стар и едва ли соображает о необходимости пристрелки к видимым целям противника.

9 февраля.

Японцы весьма энергично ведут наступление на Цинхечен [1]). Разрешил сегодня из резерва собрать девятый В.-С. стрелковый полк и пододвинуть его к Маданцзяну [2]) и даже далее к Цинхечену. Очень тревожится об этом наступлении ген. Алексеев [3]), но еще больше беспокоится сам Куропаткин. Он прежде всего потребовал обеспечить путь отступления цинхеченскому отряду, а для сего объявил необходимость поставить один батальон в Маданцзяне.

Так как я назначил для поддержки один полк, то он весь или часть его и составит прикрытие отступления Алексеева на Маданцзян.

Столько же заботится Куропаткин и об обеспечении того же отступления на Солунью. Как это все мерещится в глазах у главнокомандующего отступление своих войск! Все это должно быть выполнено в свое время и для сего нет необходимости и даже опасно снимать войска с передовых линий и с резервов.

---

[1]) На крайнем левом фланге расположения нашего фронта. Это было начало японской демонстрации, предшествовавшей мукденскому сражению. *Ред.*

[2]) На картах нет. Вероятно, Мадзюндань. *Ред.*

[3]) Начальник одной из Сибирских стрелковых дивизий. *Ред.*

Японцы уже зашли в охват левого фланга цинхенченского отряда, т.-е. в Матюензу, но в тылу этого отряда находится с батальонами полковник Ефимов в Тахою. По своим смелым распоряжениям, как видно, Ефимов полезный подполковник; он не требует понукания, сам лезет куда следует и смело.

10 февраля.

Сегодня по телефону мне сообщил Куропаткин, что он ездил смотреть на правый фланг первый Сибирский корпус и 6-ю В.-С. стр. дивизию, и в восторге от виденного. Радуется и мое сердце, так как все это мои ученики по Никольску-Уссурийскому.

Он же, Куропаткин, сказал, что он им всем на 80 офицеров сделал обед в поле, и добавил, что дух войск бесподобный и что он много надеется на эти войска и на успех наступления 12 февраля.

Все это, и угощение, есть только заигрывание с частями и офицерами. Чтобы у офицеров заслужить доверие, требуется нечто большее, а не угощение. Угощением и вином не приобресть уважение и доверие. Посмотрим, что будет дальше, но осмотренные войска, 1-й корпус и 6-я дивизия, есть наши самые лучшие и самые надежные войска, на которые можно надеяться.

Сегодня вновь главнокомандующий призывал к себе моего начальника главного штаба ген. Харкевича и передавал ему о крайней необходимости прикрыть путь от нашего левого фланга, от Матюенцзы, к Фушунской ветке.

Удивительный человек этот Куропаткин. Всего он боится, передает мне свои приказания через всех лиц и даже через моих подчиненных и всячески боится какого-то обхода. При таком направлении мысли нельзя выиграть ни одного сражения.

Это еще ничего, но он своею боязнью за фланги и за путь отступления решительно наводит страх и испуг также и на всех своих подчиненных.

Все мы стали чего-то бояться и особенно обхода фланга и потери пути отступления. Вследствие сего является такое обстоятельство, что мы в первой линии имеем значительное число войск, которыми можно бы было отбить противника, а все пятимся назад и главные свои войска держим сзади.

Вечером по телефону мне сообщил Алексеев, что японцы в 9 ч. вечера атаковали наш выдающийся опорный пункт.

11 февраля.

Сегодня утром ген. Алексеев мне по телефону дал знать, что японцы сильно ведут атаку на Бересневскую сопку [1]), а в полдень сообщил, что роты Бугульминского полка очистили после штыкового боя опорный пункт и уступили таковой японцам.

Еще накануне мне докладывал Алексеев, что он все боится за свой путь отступления и боится наступления от Янзелинского перевала. Вероятно, на этом основании он слабо занял передовые пункты еще накануне, и столь же слабо они были заняты и 11 февраля.

---

[1]) В районе Цинхечена. *Ред.*

По моему мнению, на их охрану, т.-е. на охрану Бересневской позиции, он назначил две роты в передовую линию, в том числе одну роту и в опорный пункт, а две роты он назначил в резерв; конечно, на позицию в 2—3 версты одного батальона было более чем недостаточно. Если бы на те же позиции было назначено три батальона, то, вероятно, мы Цинхеченскую позицию оставили бы за собою.

Вообще генерал неумело распорядился, и если ему всегда оказывали много доверия, то, кажется, это была ошибка. По многим отзывам, он не заслуживает к себе того доверия, которое все мы ему оказываем, начиная от главнокомандующего.

Говорит ген. Иудович Иванов, что с опорного пункта можно только спускаться поодиночке,—вот при таком отступлении только и возможно было в двух ротах потерять около двухсот человек. Говорят, что в опорный пункт было отправлено подкрепление, но оно, вероятно, было прислано, когда уже опорный пункт был взят и когда оттуда выбить японцев сделалось невозможным.

14 февраля.

Сегодня новое огорчение. На Гаутулинском перевале японцы захватили нашу Цосафулинскую сопку, где находился опорный пункт № 16. Форт этот совершенно неприступный, и совершенно непонятно, при каких обстоятельствах его можно было захватить.

По моему мнению, ген. Кашталинский [1]) очень далеко поселился от Гаутулинской позиции и не мог ею руководить с должным вниманием и предупредительностью.

Вообще ген. Кашталинский, как и Алексеев, очень много говорят о своей распорядительности и храбрости, но как только к расчету, вся их распорядительность сводится к нулю.

Кроме сего, Кашталинский, как и очень много лиц из его звания в нашей армии, мало способный к внимательной деятельности.

15 февраля.

Генерал Иудович Иванов, возвратившийся с правого фланга ко мне в армию для командования корпусом, мне сказал, что на правом фланге, во время злосчастной атаки Сандепу, последовало 14 января приказание от начальника артиллерии 8-го корпуса начальнику дивизии, что надлежит повынимать из осадных орудий замки, а снаряды поднести к берегу, чтобы все это потопить в реке.

Все полки, взявшие три деревни, лежавшие близ Сандепу, с полковыми командирами во главе, не проявили никакой инициативы взять и Сандепу охватом с двух сторон, хотя полковые командиры делали между собой военный совет по вопросу, что же делать дальше.

Один только командующий полком, какой-то подполковник, твердил, что необходимо итти охватом в Сандепу. К сожалению, говорят, что в этом пункте не было ни одного генерала, который бы в своем лице объединил власть,—не только начальника дивизии с тремя полками не было, но даже не было ни одного и из бригадных.

Вообще Иванов говорит, что во время операций в Сандепу во 2-й армии был полнейший хаос, и никто ничего не знает. Генерал

---

[1]) **Начальник дивизии, врем. командовавший 3-м Сиб. корпусом.** *Ред.*

Церпицкий не только лично сам, как всегда, суетится и куда-то всегда спешит, но говорят, что он приучил к сему и всех своих подчиненных. Иванов говорит, что все там бегают, как оглашенные; того и гляди, что с ног собьют. При таком положении дела трудно ожидать какого бы то ни было успеха.

Я очень рад, что ко мне командовать 3-м корпусом возвратили генерала Иванова. Он человек спокойный, с трезвым взглядом на военное дело; мне он будет более чем полезен для командования войсками на Гаутулинской позиции и на позиции 3-го корпуса.

Кашталинский проспал наш опорный пункт № 16, командующий весьма важным участком. Бог даст, не возвратит ли нам этот форт Иванов.

Хочу перейти сам в наступление. По моему мнению, японцы сильно разбросались, и кажется, что можно будет в каком-либо пункте их ковырнуть. Разработать эту задачу я поручил Харкевичу и Иванову [1]); тоже сегодня привлек и генерала Иудовича Иванова. Собственно я им поставил две задачи:

1) Атаковать тех японцев, которые находятся ныне против Ренненкампфа у Мадзюндана [2]) обходом японцев с тыла по дороге на Тахутхей и далее на север.

2) Другую задачу я предложил обсудить: не лучше ли нам занять Ралунью и Чинхечен (Цинхенчен?), оставив японцев у Мадзюндана, и уже после сего их атаковать с юга и с севера, при чем с севера двумя колоннами—Ренненкампфа и Данилова [3]). По моему мнению, легче разрешить первую задачу, потому что, если мы займем обратно Цинхенчен, можем быть, в свою очередь, атакованы с севера и значительными новыми силами с юга.

Но я еще не избрал об изложенном свое решение. Сегодня на рассвете японцы взяли на Гаутулинской позиции самый главный форт № 16, что, вероятно, поведет к падению всей Гаутулинской позиции.

16 февраля.

Сегодня на рассвете японцы взяли форты №№ 17 и 18, как, я вчера и предполагал; тоже взяли и 19 [4]).

Главнокомандующий сообщил мне по телефону, что японцы грозят обходом на Ляохе нашего правого фланга, что, по его мнению, весьма опасно, и просит в подкрепление к нему прислать 1-й Сибирский стрелк. корпус, который вчера прибыл ко мне и который сегодня отправил на Лиудиаза с целью продвинуть завтра далее наступление и затем атаковать японцев, находящихся перед позициями Ренненкампфа и Маслова. Отозвание первого корпуса на правый фланг лишило меня возможности нанести удар японцам 17 или 18 февраля.

---

[1]) Вероятно, описка и вернее всего предполагать: «Харкевичу и Орановскому». *Ред.*

[2]) К этому времени Алексеев уже отошел от Инхинчана к Мадзюндану и был заменен Ренненкампфом. *Ред.*

[3]) Новый отряд из 9 Вост. Сиб. стр. дивизии, выдвинутый, в виду обнаруженного дальнейшего обхода японцев, к д. Кудязя. *Ред.*

[4]) Участки Гаутулинской позиции. *Ред.*

Сегодня японцы на Гаутулинской позиции взяли № 19, но зато и мы сегодня взяли, т.-е. отбили у них № 17. Вечером главнокомандующий весьма удрученным тоном сообщил, что японцы в составе 4-х дивизий наступают вверх по Ляохе и что вторая армия отступает и даже десятый корпус выравнивается по ней.

Сегодня главнокомандующий приказал, чтобы все склады между главной позицией и Мукденом вывозились в Телин и далее; следовательно, вероятно, он в своей голове решил отступление всех армий.

Если это состоится, я представляю себе, сколь возрадуется генерал Гриппенберг, который настаивал на том, чтобы отступить к Харбину и над чем так зло подсмеивался и генерал Куропаткин.

Не могу сказать, чтобы генерал Иванов получил в наследие со своим корпусом и благополучие на своих позициях. Везде японцы имеют успех, везде они отбирают сопку за сопкой и везде своими маневрами, ожесточенным огнем и настойчивым наступлением заставляют нас, русских, отступать.

17 февраля.

Сегодня идет атака на фронте всех армий. Сколько мне известно, атаки везде отбиты, но все эти атаки были весьма слабы и производились самыми незначительными отрядами японцев.

Атака на отряд Ренненкампфа ведется весьма ожесточенная как на фронте, так и на правый его фланг, но атаки все отбиты.

Однако же, Ренненкампф мне доносит, что весь его отряд ведет бой с 8 февраля ежедневно, без перерыва, что люди все переутомлены и что во многих ротах состоит налицо не более 20 человек здоровых.

Нисколько этому не удивляюсь. Точно так же с таким же переутомлением ныне несут службу и все нижние чины Гаутулинского перевала, без перерыва с 10 февраля.

Генерал Данилов совершенно ликует: он донес мне, что 23-й полк отбил пять атак, а 24-й полк тоже отбил у японцев сопку.

Тем не менее, Иванов решительно доносит, что он перевал Гаутулин удержать не может, и требует разрешения отступить, иначе он может потерять всю артиллерию, так как японцы уже начинают новую атаку на правый фланг, уже отступивший, и на левый, еще сидящий в своих редутах.

Генерал Харкевич требует от меня настойчиво и в возбужденном состоянии дать разрешение отступить из Гаутулина, иначе мы вовсе не успеем отступить; Орановский тоже поддерживает это требование. Но я еще держусь, настаиваю на моем первом приказании из Гаутулина не отступать, а им обоим объявил, что я донесу об этом предварительно главнокомандующему по телефону. При этом я также объявил, что не могу согласиться на отступление еще и потому, чтобы наше отступление не повлияло на ход сражения 2-й армии и не повело к отступлению всех наших армий.

Эта твердость моя еще несколько успокоила Харкевича, но он все же в нервном и в возбужденном состоянии твердит, что нашему левому флангу необходимо отступить.

Поздно вечером ген. Иванов вновь по телефону мне сообщил, что он более держаться не может, и если я удержу его до рассвета,

то он не в силах будет отступить, поэтому он безусловно просит дать разрешение отступить.

Я по этому вопросу по телефону спросил указаний у главнокомандующего, но он мне, как в девять часов вечера, так и сию минуту, в 12 ч. ночи, объявил, что на отступление он не соглашается. Он отказывается от двух полков, 2-го и 36-го, мною задержанных, чтобы Иванов удержался на Гаутулине. При чем добавил, что во 2-й армии в настоящее время идет сражение, которое еще неизвестно чем кончится [1]). Оно в настоящее время идет против Мукдена, в 12 вер. на запад. 12-й корпус [2]) и другие корпуса пока все на своих местах, а потому и нам крайне необходимо держаться на Гаутулине, и если уже это невозможно, то мое дело решить, когда и куда отступить, но на ближайшую позицию, так как мое отступленне поведет к отступлению 2-го, 4-го и 1-го армейских корпусов.

Такое решение я вновь передал в $12^1/_2$ ч. ночи Иванову, сделал распоряжение срочно ему на поддержку отправить пять батальонов и, пожелав успеха, отпустил его от телефона.

Но Харкевич все же не успокоился, нервно требует отступления и указывает на записку капитана 21-го полка Кашина, который в отряде ген. Любавина [3]) и тоже сообщает о тревожном состоянии отряда Ренненкампфа, так что, если я не пришлю подкреплений, то наши войска погибнут.

Вот когда наступило тяжкое положение.

Резервы мы сняли с Лиудявя,—два стрелковых батальона 2-го полка и два с половиною батальона Куликовского полка, который находился в Шихуйчене, а пятый батальон просили отправить от генерала Кашталинского.

Ныне у нас в резерве остался я только один и мой начальник штаба Харкевич. Но все это еще будет поправимо, дай только бог, чтобы 2-я армия сегодня одержала победу на правом фланге, западнее Мукдена.

На все прочие корпуса японцы хотя и делают нападения, но это не более, как демонстрации и притом мелкими частями.

Бомбардировка все же идет на всем фронте и особенно у нас, на Гаутулине. Сегодня прислал мне письмо Кашталинский, что форт № 16 взяли японцы на рассвете, что комендант форта подполковник Галковский с офицерами пьянствовали и ночью спали, не приняв соответствующих мер предосторожности и предупреждения от нечаянного нападения японцев. Они, японцы, просто забрасывали фашинником проволочные заграждения и просто лезли вперед, не встречая сопротивления огнем, так как в форте все спали.

18 февраля.

Утром получил телеграмму, что и у Данилова неблагополучно,— что его тоже сильно атакуют 18 японских батальонов.

---

[1]) Сражение под Мукденом. *Ред.*
[2]) Ошибка, такого корпуса на Манчжурском фронте не было. *Ред.*
[3]) У перевала Тунсыхолин. *Ред.*

На всех наших позициях так же тяжело, как было и вчера. Харкевич сегодня будто бы спокойнее и пока не говорит об отступлении, но теперь еще утро, всего 8 ч. утра.

Данилов сейчас сообщил, что у него положение критическое и полторы тысячи раненых.

Куропаткин тоже прислал телеграмму, что он приказал Маслову отправить из Импани в Телин два батальона, в виду опасного положения Телина.

На поддержку Ренненкампфа ночью отправили один батальон 36-го полка прямым путем.

Положение дел, вижу, и у меня делается критическим. Кажется, придется отступать.

Сегодня делаю распоряжение об осмотре всех тыловых дорог до Телина, на случай отступления.

Дорожное управление главнокомандующего плохо распорядилось по подготовке корпусных дорог на Телин, а оно взяло на себя эту заботу.

Камергера Александровича [1]) сейчас, в 9 часов утра, отправил в Фурмун вывезти всех раненых у Данилова.

Сегодня были произведены сильные и ожесточенные атаки на 17 и 18 В.-С. стрелковые полки, но все были отбиты.

На Гаутулинский перевал все утро велись атаки японцев одна за другой, при чем японцы после отбитой атаки отбегали даже иногда и за 30 шагов и оттуда, лежа за камнем или за трупом, отдыхали, собирались в кучи и вновь бросались в атаку. Лежа за камнями, иногда оттуда они бросали и ручные гранаты, а у нас таковых не имеется в достаточном числе.

Ренненкампф жалуется, что у него во всем отряде недостаток офицеров, иногда командуют ротами фельдфебели, а штаб - офицеров почти ни одного.

То же самое и в отряде генерала Иванова. В некоторых ротах у Ренненкампфа и у Иванова осталось людей не более как по 20 человек.

Возвратившийся с позиции полковник Штегель [2]) мне говорит, что у людей полное переутомление, работать окопы не могут, сил нет, земля замерзшая, и все, где стоят, там и спят.

Вот в каком положении находятся у меня оба главные отряда: Гаутулинский и Ренненкампфа, и в таком состоянии мы находимся уже пятый день или даже восьмой. Японцы же не унывают, лезут со всех нор и складок и беспрестанно повторяют атаку за атакою и днем и ночью. Всех людей наших истомили.

Главнокомандующий телеграфирует сегодня, что японцы выстроились фронтами к Мукдену и с запада от деревни Сампу [3]) на север до деревни Сампихе (Сампую?), что будто бы сзади этого фронта прошло японцев на север три полка по направлению к Телину.

Какие сюрпризы делают японцы и сколь бесстрашно! Нисколько не боятся отправить всего три полка на север, за 60 верст, к Телину

---

[1]) Не Александрович, а Александровский, главноуполномоченный Кр. Креста. *Ред.*

[2]) Не Штегель, а Штегельман, военный инженер при армии Линевича. *Ред.*

[3]) На карте нет; примерно, по расположению войск, около Мадяпу. *Ред.*

разрушить дорогу и овладеть Телином. У нас бы боялись это исполнить. Говорят офицеры наши, что по снятым у убитых японцев погонам видно, что один и тот же полк сегодня атакует Данилова [1]), а на другой день Ренненкампфа, и так меняются. В этот же день атаку японцы вели и на 11-й полк, но атаку отбили. 12-й полк японцы бомбардировали. В 12 ч. дня японцы вновь повели атаку на 4-й батальон Енисейского полка и сделали две атаки, но были отбиты; затем наши произвели контр-атаку и японцев отогнали от редута. Японцы сегодня производили до рассвета атаки на 17-й В.-С. стрелковый полк, но все их атаки были отбиты; затем с рассветом они вновь произвели атаки на 17-й и 18-й полки, но тоже были отбиты с огромным уроном. После обеда японцы произвели атаку на 11-й В.-С. стр. полк на редут № 7, т.-е. на Орлиное гнездо, но сведений об этом я еще не получил. Засулич [2]) мне сказал, что перед его корпусом японцы собираются в большую массу, батальонов в 25, и, вероятно, предполагают вновь атаковать.

Куропаткин мне сказал, что у него находится Каульбарс и что они завтра или послезавтра предполагают потрепать японцев, 4 дивизии, которые стоят перед ними, в десяти верстах перед Мукденом на запад. Дай-то бог им успеха. Я, впрочем, по телефону посоветовал напасть как можно скорее, пока еще японцы на этих позициях не укрепились, иначе их выбивать с укрепленных позиций будет очень трудно. Также посоветовал к назначенным трем корпусам добавить еще что-либо из сводного стрелкового корпуса и из десятого. Тоже мне Куропаткин повторил, что сзади четырех японских дивизий [3]), ставших против Мукдена, прошло три пехотных полка на север по направлению к Телину с целью захватить железную дорогу и прервать у нас сообщение. Не знаю, насколько это удастся.

За три дня вывезли с позиций более четырех тысяч раненых; о числе убитых мы пока сведений не имеем. Ранены тяжело командир 10-го В.-С. стр. полка Горский и командир 14-го Верхнеудинского полка.

Днем, в полдень, были произведены японцами две яростные атаки на Людзятун и на Новгородскую сопку, собственно на редут № 7, но были везде отбиты.

К сожалению, при начале атаки шестой корпус отступил на свои главные позиции и тем очистил наш правый фланг Путиловской сопки.

19 февраля.

Ночью то же самое были произведены самые ожесточенные атаки на 2-й корпус, при чем все атаки были отбиты. То же самое ночью с вечера на 19-е февраля были произведены атаки на первый армейский корпус, но три атаки были отбиты, а на четвертой японцы заняли окопы перед седьмым нумером.

---

[1]) На крайнем нашем левом фланге. *Ред.*

[2]) Командир 2-го Сиб. арм. корп., который занимал позицию к западу от Кандолисана, фронтом на юго-запад. *Ред.*

[3]) В подлиннике ошибочно написано «позиций». *Ред.*

Словом, по сегодняшнее утро (10 час.) на всех пунктах атаки были отбиты, но ряды наши поредели. Полагаю, что по сегодняшнее число потерь было: у Ренненкампфа ранеными более 3.000 человек, у Данилова — 1.500 раненых, у Иванова — около 1.500 раненых, у Засулича — около 1.000 человек. Но в число означенных цифр я не включаю убитых, а может быть, эти сведения и с убитыми.

Вообще же наше положение очень тяжелое, и все зависит от нашего правого фланга. Если там одержат победу, то и мы выиграем на левом; в противном случае нам переходить в наступление почти невозможно.

Сегодня я ездил вперед Шихуйчена и осматривал избранную позицию для обороны на случай, если последует от главнокомандующего распоряжение об отступлении первой армии, и на случай если нас японцы собьют с позиции и принудят нас к отступлению. Позиция довольно изрядная, особенно правый фланг, но левый фланг мало пригоден: над ним имеются впереди и с левого фланга командующие высоты, которые не только командуют, но даже берут во фланг почти всю нашу позицию, даже берут и в тыл, что очень нехорошо.

Но на этой позиции мне необходимо будет задержаться, вероятно, несколько дней, а для такой цели она вполне удовлетворительна.

В прошедшую ночь все время японцы ведут самые ожесточенные атаки на наш 2-й корпус и на первый армейский корпус, при чем во 2-м корпусе отбито ночью 12 атак и сегодня утром, в 8 ч., отбили 13-ю атаку и отходящих японцев преследовали на далекое расстояние за Шахе артиллерийским огнем.

Как генерал Иванов, так и генерал Засулич говорят, что перед их позициями валяются тысячи японских трупов. На первый армейский корпус ночью тоже было несколько атак, при чем передние окопы перед редутом № 7 много раз переходили из рук в руки. Сегодня Харкевич вновь нервничал и ни за что не хотел, чтобы с нами ехали осматривать позицию впереди Шихуйчена, на случай отступления Гаутулинского отряда, Орановский и другие офицеры генерального штаба. При этом он с такой настойчивостью убеждал, что наше положение в Шихуйчене и на Гаутулине и вообще во всей армии столь в настоящую минуту опасно, что если нам прикажут отступать, то сию же минуту, не теряя времени и необходимо отступать. Такое проявляет нервное отношение, что, действительно, может произвести панику во всей армии.

Но я, конечно, приказал сопровождать меня для осмотра позиции и ему, и Орановскому, и еще нескольким офицерам генерального штаба, и все ездили.

Он даже мне сказал: я, как начальник штаба, обязан вам доложить о крайне тревожном и крайне опасном нашем положении и поэтому нельзя взять с собою ни Орановского, ни одного офицера генерального штаба.

Вероятно, Харкевич очень шпиговал и генерала Иванова на немедленное отступление от Гаутулинской позиции на Фушун, чтобы не потерпеть нашей первой армии самое страшное, по его словам, поражение. На этом основании и генерал Иванов то же самое настойчиво домогается от меня приказания отступить с Гаутулинского перевала. Повторяю, что только мое личное спокойствие, понимание обстановки

и моя твердость характера удержали меня от отступления. По сему вопросу я советовался с Куропаткиным, но он мне ответил, что решать вопрос об отступлении это мое дело, а не его. Но он мне добавил, что 3-я армия стоит на месте и не отступает.

При таком положении я категорически предписал Иванову держаться на Гаутулинской позиции до последней крайности и не отступать без моего приказания.

Мне донес подполковник Полторацкий, что он в 3-й армии лично объявил полкам 5-го корпуса в Суятуне, Оровайскому и Инскому, что Линевич одержал со своею армиею блестящую победу, после чего оба полка кричали «ура»; при этом добавил мне, что он эту новость первый объявил полкам. Никакой победы первая армия не одерживала, а только все атаки по всему фронту на первую армию, которые ведутся пять дней и часто по 13 атак в одну ночь и на один пункт, все эти атаки были блестяще отбиты; это истина, но это еще не есть, что Линевич с первою армиею одержал блестящие победы.

Сегодня весь день вообще довольно тихо, а к вечеру особенно тихо по всему фронту.

20 февраля.

Сегодня ночью вновь была ожесточенная атака на Гаутулинскую позицию, главным образом на правофланговые траншеи, но все они отбиты, хотя с огромными потерями; именно, одних раненых было более 560 человек.

На всех остальных фронтах пока относительно спокойно. Генерал Мейендорф мне ночью телеграфирует, что третьему корпусу [1]) приказано отступить от Сахепу на север и левым флангом упереться в Каулитунь.

Так как отступлением левого фланга 6-го корпуса от Сахепу оголяется правый фланг моего первого корпуса, а в том числе оголяются и осадные батареи, находящиеся на позиции 1-го корпуса, то я просил главнокомандующего дать указания генералу Холодовскому относительно своевременности снятия осадных орудий с позиции 1-го корпуса. Удивительно то, что, несмотря на тяжелое положение у меня в 1-й армии по всему фронту, несмотря на то, что 3-я армия загнула правым флангом назад, что 5-й корпус вчера имел бой с японцами и осадил назад, — несмотря на все перечисленные невзгоды, я от главнокомандующего не получил решительно ни одной директивы и нахожусь совершенно в потемках.

Даже странным кажется такое весьма равнодушное отношение Куропаткина к делу и к положению командующего армиею. Я, например, стороной получаю донесение от Мейендорфа об отступлении левого фланга 6-го корпуса от Сахепу.

Но сегодня я получил сообщение от Сахарова, что главнокомандующий приказал правому флангу 3-й армии загнуть правым флангом назад, но левым флангом попрежнему упираться в Сахепу.

В 6-й корпус Мейендорф отправил в поддержку 1 батальон, следовательно, плохо и 6-му корпусу. Также Мейендорф доносит, что он отбил контр-атакою два пулемета у японцев. Сегодня вновь очень

---

[1]) В дневнике ошибка: следует читать: «третьей армии». *Ред.*

тяжелый день. Хотя подполк. Полторацкий [1]) из 3-й армии доносит, что желательно удержать свои позиции еще два дня, пока Куропаткин не нанесет удара японцам, но пока мы в ожидании удара переживаем самые тяжелые минуты и особенно я, не получивший никаких директив.

Засулич и Ветернипрод [2]) сообщают, что с рассветом японцы вновь начали атаку на 2-й корпус и то же самое ведут самые ожесточенные атаки и что потери в корпусе за ночь огромные.

Но японцы при атаках проявляют просто чудеса храбрости и способны производить с малою передышкою атаку за атакою в течение ночи и дня. Все это неутомимо и бесстрашно. Если нашего европейца заставить вести и повторить атаку, то он одно или два повторения сделает, но дальше в атаку не пойдет; японцы же выходят в атаку по 13 раз без передышки в течение всей ночи, а с рассветом способны вновь начать новую атаку.

Если армия будет отступать, то у Телина произойдет неслыханная каша, если японцы будут наседать. Последовало от Трепова приказание убрать в тыл все лазареты Красного Креста. Я сделал распоряжение, но Харкевич ни за что не позволяет их убрать, предпочитая их бросить японцам; но я с этим не согласился и приказал исполнить распоряжение Трепова о вывозе лазаретов Красного Креста к Телину.

Князь Туманов [3]) также доносит, что его сегодня сильно теснят, и просит подкреплений, но в резерве находимся только я, Харкевич и Орановский. Мейендорф тоже просит его поддержать. Сильно жмут сегодня Туманова: он уже очистил одну позицию и отступил на следующую. Ему в подмогу отправился Бачинский с двумя ротами. Сейчас мне по телефону передал Куропаткин, что его у Мукдена атаковали японцы, но все атаки отбиты; затем Куропаткин предполагает сегодня же или завтра утром перейти в наступление правым флангом.

Засулич мне сообщил, что у него тоже все спокойно, что все атаки японцев отбиты.

Полковник Бачинский, приехавший от Мукдена сегодня, говорит, что там суета сует во всех местах и во всех учреждениях.

Тоже сообщил, что Губер лично слышал от главнокомандующего, что он завтра, 21 февраля, даст японцам сражение. Рискнет ли? Куропаткин, по словам Губера, в очень хорошем расположении духа и отступать от Мукдена не намерен, хотя бы его окружили японцы.

Вечером получили сведение, что кн. Туманов отступил от перевала Кулинцзы и остановился на перевале Сафяпу или Тафанза [4]). То-есть и Туманова сбили с его позиции.

Засулич телеграфирует, что занимавшиеся у подошвы подъема на позиции 18-го полка норки японцами брошены и вновь заняты читинцами. Итак, завтра, 21 февраля, состоится у Куропаткина сражение.

Подвод в Мукдене никто ни за какие деньги нанять не может; равно не могут нанять и рабочих для возведения окопов.

Мешки для окопов начинают шить.

---

[1]) Очевидно, офицер для связи с 3-й армией. *Ред.*
[2]) Фамилия неизвестная; вероятно ошибка в начертании. *Ред.*
[3]) Начальник отряда на Гаутулинском перевале. *Ред.*
[4]) Около Тудяпузы. *Ред.*

21 февраля.

Насколько вчера радостный день, настолько сегодня вновь тяжело. Генерал Засулич донес, что его всю ночь атаковывали японцы самым ожесточенным способом и везде настолько японцы жестоко были отбиты, что Засулич предполагал, что после дневной беспрерывной атаки, вероятно, на эту ночь японцы оставят его в покое. Но японцы вдруг внезапно сегодня вечером вновь атаковали второй корпус, редуты 6, 7, 8 и 9. Во второй телеграмме Засулич доносит, что везде о т б и в а е м с я. Это последнее радостно!

Но зато не радостно, что кн. Туманов и ген. Бачинский [1]), имея с собою семь батальонов, вдруг отступили с перевалов Кулинцзы и с Силинаки, при чем оба забыли свои задачи и поспешно отступили к дер. Тудяпуза.

Для восстановления там порядка я туда командировал генерала Харкевича; надеюсь, он всех удержит на своих позициях, и все они отобьются от японцев. Если же японцы собьют отряд Ренненкампфа или отряд генерала Данилова, или генерала кн. Туманова, то положение моей 1-й армии будет тяжелое.

Я об этом докладывал по телефону генералу Куропаткину.

Но у Куропаткина нелегко. Он сегодня со 2-ю армиею предполагал атаковать японцев и действительно, вероятно, атаковал, потому что на мой вопрос, что делается на западном нашем фронте, он мне ответил: «нехорошо» и на этом прекратил разговор по телефону.

Вообще же говорил со мною отрывисто, весьма рассеянно и мало интересовался тем, что делается у меня в армии. Видно, что он чем-то очень огорчен. Вчера со мною в разговоре был словоохотливее и веселее.

Ренненкампфа и Любавина тоже весь день японцы атаковали, при чем с фронта японцы повели атаку прямо в штыки и отбили черноярцев с передовой позиции. Ренненкампф однако же доносит, что он постарается возвратить свои позиции.

Посылая Харкевича к кн. Туманову для поправки дел, я избрал его по его развитию и твердости характера, но, к моему несчастью, он стал нервный, горячка, что, в случае тяжкой минуты, способен и себя привести, и во всем отряде всех привести быстро в панику. Ненадежный, но посмотрим, испытаем его; может быть, окажется и благоразумным на деле, подобно тому, как он благоразумен в кабинете.

Впрочем, я ему сказал, что, если нервы его разгуляются, он должен сию же минуту самому себе сказать: «необходимо быть спокойным», и тотчас спокойное благоразумие возвратится. Но увидим, как он исполнит свои обязанности в отношении задержания японцев от наступательного их движения по этому пути.

Однако, у нас в полках осталось очень мало нижних чинов. Так, например, в 71-й дивизии во всех полках и в 23 В.-С. стр. полку осталось в строю не более как 750 штыков, — это вместо 3.800 человек! С такою численностью не навоюешь!

Сегодня утром я получил телеграмму от главнокомандующего об отступлении всей моей армии за реку Хунхе. Дай-то, боже, благо-

---

[1]) Его отряд был расположен у перевала Сыдолинского. *Ред.*

получно отступить всем корпусам и всем моим отрядам. Особенно боюсь за отступление генерала Харкевича, генерала Ренненкампфа и Данилова.

Тяжело еще и потому, что на все отряды нападают японцы, точно они предполагают, что мы намерены сегодня отступить со своих позиций.

Ренненкампф доносит, что у него идет бой и что он ни одной роты не может отправить к правому своему флангу на поддержку отряда генерала Туманова, ныне Харкевича.

Как я его ни просил, но Ренненкампф решительно отказал в какой бы то ни было помощи и обещал только послать четыре сотни Нерчинского полка, которые должны явиться на правом фланге и обеспокоить с тылу японцев, атакующих в настоящую минуту отряд Харкевича у Тудяпуза.

Куропаткин сообщил мне, что 2-я армия не достигла желаемых результатов и не сбила противника на правом фланге, а потому Куропаткин приказал мне сегодня же вечером снять вверенную мне 1-ю армию со своих позиций и отступить за реку Хунхе.

Для исполнения сего я без промедления делаю распоряжение о скорейшем отправлении с позиции всех излишних обозов и всех тяжестей, которые до сего времени еще не вывезены. Предвижу, что при отходе обозов будет большая каша.

Итак, главнокомандующий наш не в силах выполнить своей задачи — разбить японцев, напавших и продолжающих нападать на наше отечество. Должен сказать, что враг хитер, силен и многочислен; мы его считали всегда слабым, но он оказался весьма сильным и мужественным.

Я лично считал японцев, как и вообще всех азиатов, неважными воинами, об этом всегда и всем утверждал.

Я даже и Гродекову говорил, и как я ныне разочарован в своем предположении и как я каюсь и каюсь!

Вот уже $11^1/_2$ ч. дня, но у нас в Шихуйчене все еще тихо, никакой суеты еще не замечается.

Выехал из Шихуйчена в 9 ч. вечера и приехал в Фушун в 11 час. вечера. Дорогою встречал много обозов и отступавшие войска. Везде порядок и спокойствие.

В Фушуне в этот же вечер, в 12 ч., ночи я ездил смотреть мост через реку Хунхе. На мосту останавливались подводы вследствие тяжелой езды по дамбе и крутого подъема на мост, а равно и вследствие недостаточного числа рабочих. Приказал нарядить роту к мосту помогать повозкам проходить по дамбе.

Офицеров при роте не было, — я сделал замечание.

Впоследствии на мост прибыл генерал Шоуль.

Везде из-за Хунхе, т.-е. с Гаутулинского перевала, отступили спокойно.

23 февраля.

Генерал Алексеев тоже отступил с ариергардами, но суетливо, и Засулич говорил, что Алексеев растерял свою бригаду и даже с горя плакал.

Весь этот день я провел в Фушуне и смотрел отступавшие войска.

24 февраля.

К 4 часам после обеда я переехал из Фушуна в Ляндогоу, но вскоре мне доложили, что к западу от Ляндогоу, в деревне Хушинпу японцы встретили нашего офицера генерального штаба, ехавшего с офицером экономического общества по направлению к Мукдену. Эти офицеры возвратились в Ляндогоу доложить об опасности, каковая грозит Ляндогоу, так как Хушинпу находится всего в 4-х верстах. По таковому заявлению, я письменно предписал командиру Царицынского полка полковнику Данильчуку взять свой полк, находившийся близ Фушуна, одну батарею, две сотни и еще два батальона Красноярского полка, отправиться с ними ночью же в Хушинпу и оттуда выбить японцев. Это предписание было передано генерального штаба подполковнику Вахрушеву, который тоже назначался в распоряжение полковника Данильчука.

Хотя полковник Данильчук и вышел с полком к указанному пункту, но после незначительной ночной перестрелки отступил и присоединился ко 2-корпусу, а японцы в это время проникли от Хушинпу к Пухе и учинили там в обозе панику [1]).

Оказалось, что японцы, обстреляв Киузань, заставили две роты Бузулукского полка оттуда отступить на запад и очистить дорогу к Хушинпу. Начальник дивизии Левестам тоже не предпринял никаких мер воспрепятствовать прорыву.

Я уже вечером затемно выехал из Ляндогоу и переехал ночевать на восток, в деревню Хуанпу, куда и прибыл в $3^1/_2$ ч. ночи.

В Хуанпу я получил весьма непонятную телеграмму из Телина от генерала Истомина о том, что главнокомандующий приказал мне с 1-й армиею отступить и свое отступление согласовать с отступлением 3-й армии, но телеграмма была совершенно непонятная, а так как в Хуанпу не было телеграфа, то для разъяснения ее я просил начальника штаба генерала Харкевича ехать назад в Фушун, чтобы отправить Данильчука и разъяснить телеграмму об отступлении.

25 февраля.

Все утро слышна была перестрелка по всему фронту на Хунхе и к западу. Как видно было, японцы преследовали нас и атаковали; Засулич столь сильно был атакован, что даже отступил на шесть верст к Ляндогоу.

В этот же день наши разведчики, отправленные к Мукдену, донесли, что японцы из Хушинпу проникли на восток к Кулаадзе и оттуда обстреливали переезд. В этот же день я, отступая далее на север, пропустил через перевал мимо себя около 2 тысяч повозок, а их было на этом перевале до восьми тысяч. За помощь, оказанную ротою и офицером капитаном Палием, я их благодарил за втаскивание дружно повозок на перевал и приказал всем нижним чинам выдать по одному рублю. Ротного же командира капитана Палия я приказал

[1]) Рассказ относится к известному прорыву незначительной части японцев в наш тыл, в районе железной дороги. *Ред.*

представить к чину. Харкевич все время мне твердит, что нас японцы разобьют и возьмут в плен. При отступлении перестрелка уменьшилась, особенно в 4-м корпусе.

Вечером на ночлег я приехал в деревню Саченцзы в 8 час. веч., где и ночевал. Харкевич и Орановский всю ночь соображали об отступлении нашей 1-й армии.

С перевала, через который протискивали обоз, мы видели по сопкам от нас на запад отступающий 2-й корпус; видна и пыль.

26 февраля.

В 7 ч. утра пока вокруг тихо. Вышедший в плен японец в 36-й полк объявил по-русски, чтоб мы держались на Шахе до 28-го февраля, 5-й луны, а затем он сказал, что или мы отступим, или они отступят, и последует конец войны.

Он вышел на бивуак к генералу Данилову, вероятно, около 18-го февраля и тогда у костра говорил солдатам.

Весь этот разговор совпадает с действительностью, на что в то время не обратили внимания.

Все подтягиваются в Сайтацзы. Японцы тоже подошли к ариергардам ген. Иванова и теснят его. Как бы японцы не перешли в отчаянную атаку.

В Сайтацзы меня уведомили, что 2-я и 3-я армии уже отступили от Мукдена и находятся в Илу. Меня об отступлении не уведомили, и я мог при моем медленном отступлении и ожидании в Сайтацзы подвергнуться отдельному поражению.

Просто в главной квартире все забыли о 1-й армии. Об отступлении [1]) 1-й армии я узнал, пригласив генерала Эверта, который находился уже в Телине, к телефону. В этот же вечер приехал в Сайтацзы из главной квартиры капитан Свечин и первый нам объявил о самом безобразном отступлении 2-й и 3-й армий от Мукдена. Были брошены обозы, орудия, зарядные ящики. Казаки собирали орудия, и им платили по 200 руб. за орудие. Повозок разного рода было брошено целое море. Тоже Свечин сказал, что множество нижних чинов прямо из-под Мукдена ушло в Телин.

27 февраля.

Сегодня сделали дневку в Сайтацзы. Приехавшие из Телина в Сайтацзы рассказывают следующее:

1. Более беспорядочного и безобразного отступления, какое было из-под Мукдена, история наша военная примеров не дает.
2. Обвиняют меня за прорыв в Киузане.
3. Денег Русско-Китайского банка привезено только $2^1/_2$ миллиона, а $7^1/_2$ мил. исчезло.
4. Растеряно много знамен.
5. Пропала вся канцелярия главнокомандующего, генерал-квартирмейстера, ген. Сахарова, генерала Морозова и многих других.

---

[1]) Вероятно, о приказании отступить. *Ред.*

28 февраля.

Сегодня поехал Харкевич в главную квартиру узнать, что случилось, чтобы нам предпринять соответствующие меры.

Полковник Беляев рассказывал, что в Пухе произошла полная паника и тревога от прорыва в Киузане. Полковник Багинский говорит, что из Мукдена выезжали все вразброд — и батареи, и отдельно орудия, и снарядные ящики; обозы и повозки представляли собою целое море; все это сбилось в кучу и оставалось без всякого движения к северу.

Везде говорили о том, что 28-го февраля будет мир.

Все это — повторение рассказа Саричева [1]).

Сейчас генерал Шилейко, стоящий на правом фланге, дал знать, что его потеснили и заставили отступить в Люхайтун. Предписал ему задержаться и далее не отступать. Вообще всем предписал задержаться на своих позициях, а генералу Ренненкампфу предписал сделать с конницею поиск вперед на юг. Засуличу тоже предписал держаться на своей позиции и воспретить Шилейке отступать. Но оказалось, что Шилейко и не отступал: это у него была столь неудачно составлена телеграмма Засуличу, из коей можно было усмотреть о желании Шилейки отступать.

К правому флангу я командировал генералов Селиванова и Путилова, чтобы под командой этих лиц удержать свой правый фланг на Мандаринской дороге.

Сегодня, по слухам, войска 2-й и 3-й армий все еще не могут разобраться после ужасного отступления из-под Мукдена.

Говорят, что более 60 тысяч нижних чинов при отступлении из-под Мукдена вразброд ушло далеко в тыл и их по станциям собирают. Японцы сильно атакуют меня на Фанхе [2]), но мы все еще продолжаем удерживаться; казалось бы, что лучше было бы отступить далее на север и на высоты Телина.

Возвратившиеся из Телина повторяют рассказы о самом безобразном отступлении из-под Мукдена [3]).

1 июня.

Сегодня ездил из Кодядзяна посмотреть авангардные позиции 8-го и 2-го корпусов, а также и связь между ними.

Позиции укрепили вообще очень хорошо и особенно в 8-м корпусе; во 2-м же корпусе постройка слабая и без достаточного применения к местности. Корпусный инженер 8-го корпуса полковник Баратов совершенно не исполняет своих обязанностей; траншеи не применены к местности, мосты везде проваливаются, от малого дождя мосты опрокинуло, ступеньки в траншеях для стрелков узки, и нога не вмещается,

---

[1]) Вероятно, от пленного японца, о котором упоминалось выше. *Ред.*

[2]) Промежуточная позиция между р. Хунхе и Телином. Сильные атаки здесь были, вероятно, только по донесениям. В действительности, по крайней мере, на левом фланге Линевича их не было. *Ред.*

[3]) Здесь дневник Линевича прерывается до 1-го июня. 4-го марта он сменил Куропаткина на посту главнокомандующего, а к июню месяцу он уже стоял на Сипингайских позициях, на которых его и застало перемирие. *Ред.*

блиндажи в траншеях так низки, что стрелять из таких траншей совершенно невозможно. Некоторые траншеи построены в низине, когда в двадцати шагах сзади были возвышенности сажени на две и даже на три. Словом, этот инженер слаб и корпусными инженерами руководить не может, о чем я ему там же на смотру объявил.

Связь между 2-м и 8-м корпусами существует огневая, но неважная; посредине приспособленные к обороне двор и фанза не представляют собой надежного опорного пункта. Редут у кумирни никуда не годится. Связь с авангардом шестого корпуса не видна; означенный авангард далеко поставлен.

Каульбарс просил меня представить о награждении генерала Церпицкого прямо государю и просить Георгия 3-го класса. Я ему ответил, что Церпицкий потерял ариергард с Ганненфельдом и потому за сие последнее не подлежит награждению Георгием 3-го класса. Дума отклонила это ходатайство, и я по тем же причинам не могу его представить к Георгию 3-го класса.

Удивительно легкомысленный Каульбарс. Он настолько не ценит наши награды, что за одно и то же дело представляет одно лицо к двум наградам; одновременно с сим за другое сражение то же самое лицо представляет вновь к двум же следующим очередным наградам [1].

В настоящее время Каульбарс настаивает на производстве Бибикова в генерал-майоры с назначением генерал-квартирмейстером вместо Флуга, тогда как Бибиков всего два года полковником.

Авангардные позиции 2-го и 8-го корпусов весьма сильно укреплены и вообще задержат наступление противника.

2 июня.

Сегодня Косаговский без боя отступил от Кивичшена, боясь какого-то обхода с запада, но отступил только до Пушена. Тем не менее, это положение меня очень обеспокоило за наш Корейский и Новокиевский край.

Сегодня принц [2]) уехал в 10-й корпус с целью ехать далее к Мищенке. После ночлега я выехал в Башиенчен.

3 июня.

Сегодня с двух часов ночи повели японцы наступление против Мищенки, при чем с рассветом атаковали Ляоянвопын и сделали с восточной стороны обход пехотою, а с запада выставили конницы 30 сотен.

Мищенко вынужден был отступить на семь верст севернее Ляоянвопына, а японцы его заняли.

Фактически японцы заставили очистить Ляоянвопын и отступить. В виду того, что сегодня с рассветом началось сражение у Мищенки, принц не пожелал быть у Мищенки, а уехал на север Чвянзятун к сводной драгунской бригаде.

---

[1]) В отношении чрезмерного награждения лиц своего штаба и вообще ему близких, армия очень упрекала и самого Линевича. *Ред.*

[2]) Принц Фридрих-Леопольд Прусский, состоявший при главной квартире. *Ред.*

Весь день сердце болело по случаю отступления Мищенки и отступления Косаговского.

Сегодня вечером получил телеграмму от государя, в коей говорится об отозвании ген. Трепова. Очень я огорчен таким отозванием. Трепов был вполне сведущий, распорядительный и дельный генерал. Сегодня же прислал мне Куропаткин[1]) речь ко всем своим ближайшим сотрудникам о том, что ныне заключить мир совершенно несвоевременно, что необходимо еще некоторое время выждать и атаковать японцев. Что для сего мы имеем все средства и силы; в настоящее время требуется только упорство, находчивость и предприимчивость начальства, поддержка своему главнокомандующему, и победа будет обеспечена.

4 июня.

Сегодня получена телеграмма об отчислении великого князя Алексея Александровича от командования флотом. Вероятно, по всей России произведет самое благоприятное впечатление это отчисление, давно всеми ожидаемое.

5 июня.

Говорят, что принц Леопольд ночевал в Ляоянвопыне, когда японцы ночью на 3-е июня начали наступление на Мищенку. Он, т.-е. принц, около $3^1/_2$ ч. утра уехал в Чанцзятунь, но пули свистали и над его головою.

Сегодня приезжал ко мне Каульбарс хлопотать, чтобы я Рузского представил бы к бриллиантовому оружию. Удивительно легкомысленный генерал Каульбарс; он готов из орденов сделать профанацию. Говорит также, что он сожалеет, что сам не получил Георгия, что это его мечта. Равно он все же просит, чтобы я просил государя, чтобы Церпицкому дали Георгия 3 кл. Каульбарс к орденам относится, как ребенок.

6 июня.

Японцы наступают и против 2-й армии, и против 3-й армии, но слабо; вероятно, отступят, так же, как отступили от Ляоянвопына.

Сегодня обедал у меня Куропаткин. Совещались о наступлении против японцев корпусом Иванова.

7 июня.

Сегодня у меня завтракал принц Леопольд; пили за его здоровье и поздравляли шампанским с боевым крещением.

Впрочем, принц под давлением сопровождавшего его генерала Эйхольда, даже бежал из-под Ляоянвопына. Дело было таким образом: около часу ночи принца разбудили и попросили его выехать из Ляоянвопына, когда уже хотя вдали, но ружейная перестрелка трещала; около 3 часов принц выехал из Ляоянвопына и, отъехав версты три, остановился на бугре посмотреть хоть издали на перестрелку ружейную и начавшуюся артиллерийскую. Так как уже рассвело, то принц Лео-

---

[1]) Куропаткин, по его просьбе, был назначен вместо Линевича командующим 1-й армией. Речь Куропаткина — см. приложения. *Ред.*

польд видел издали перестрелку. Но генерал Эйхольд крайне нервно настаивал на том, чтобы принц не задерживался и уезжал далее, что принц и исполнил. Отъехав еще далее, версты 4, принц вновь остановился на бугре и смотрел на продолжавшуюся вдали сильную перестрелку, но генерал Эйхольд вновь воспротивился остановке и просил поскорее уезжать в Чиндзямотунь, что принц тоже исполнил, и там в бригаде ночевал. На другой день, 5-го июня, утром выехал из Чиндзямотуня, обедал у генерала Бильдерлинга и около 2 — 3 часов ночи на 6-е июня возвратился в Котядян.

9 июня.

Сегодня, в 7 ч. вечера, обедал у принца Леопольда. Он пьет шампанского очень много; полагаю, что он выпил полных больших пять бокалов. Даже мои денщики говорят, что принц и все немцы его свиты здорово пьют шампанское: не успеешь ему налить бокал, как уже он выпил.

Дельного он ничего за весь обед не сказал.

Сегодня, в 9 ч. вечера, приезжает адмирал Бирилев из Владивостока.

10 июня.

Сегодня адмирал Бирилев ездил за наши передовые позиции, их осматривал и остался виденным очень доволен. Видел он позиции 8-го корпуса.

В 7 часов утра на поезде выезжал в Гунжулин для осмотра Евпаторийского полка и одного батальона Бахчисарайского полка. Полки были отличного вида; укомплектованы срочными, т.-е. молодыми сравнительно солдатами, больше из гренадерского корпуса. После сего осмотрел два военных госпиталя; сделал сестрам милосердия замечание, чтоб они смотрели за тем, чтобы подстилки больше было у солдат в тюфяках.

Вчера мне Орановский сказал, что полковник Одетелидзе наступление 8-го июня сделал совершенно необдуманно—полез на передовую позицию японцев, и эти последние, подпустив на близкий выстрел, всею бригадою обрушились на два батальона Одетелидзе и заставили его отступить столь поспешно, что он даже при своем поспешном отступлении не успевал подбирать своих раненых.

12 июня.

Сегодня чувствую себя хорошо и с 9½ час. утра принимал доклад адмирала Бирилева о состоянии крепости Владивосток. Доклады хотя и коротенькие, но весьма обстоятельные, и мне эти доклады дают отличное представление о состоянии крепости.

Доклад шел от 9½ до 2 часов дня и от 5½ до 8¼ час. вечера, но закончил с Бирилевым и мог его отпустить в С.-Петербург о всем изложенном доложить государю императору.

Адмирал Бирилев, по своему знанию, распорядительности, по инициативе, каковую может проявить во всякое время, — из числа наилучших в настоящее время адмиралов, и такое впечатление произвел Бирилев и на меня.

Он остался очень доволен распорядительностью коменданта Казбека, но своими адмиралами и особенно Иессеном не совсем доволен. Равно отзывался неодобрительно и о генерале Хрещатицком, которого, по словам других, называл хамом, способным развить только панику во вверенном ему крае.

Вообще же Бирилев пронырливый, остроумный, жизнерадостный, любящий речи говорить, но вполне достойный и неизмеримо выше Хрещатицкого, которому я вынужден написать письмо о том, чтобы он умерил свои разговоры о крайней опасности в настоящее время в Приамурском крае.

15 июня.

Все обстоит благополучно. Японцы молчат и пока хотя и подвигаются, но очень медленно.

18 июня.

Сегодня было сражение у Мищенки. Хотя конница и уничтожила один батальон, но и она сама потерпела, кажется, потери до семи офицеров и более 200 нижних чинов; принимала участие и драгунская бригада. Приехал в армию полковник Орановский, который говорил, что у камергера Александровского в Петербурге все интересовались, что за личность Линевич. Об этом интересовался государь, обе государыни и все министры, при чем Коковцев просил меня уведомить, чтобы за финансами я прямо обращался к нему и что отказа в деньгах не будет.

19 июня.

Прибыл в армию генерал Скугаревский и произвел приятное впечатление своим знанием и пониманием службы; он будет у нас достойным сотрудником.

21 июня.

Сегодня ко мне по моему приглашению собрался совет из командующих армиями. Прибыли Каульбарс, Куропаткин и Батьянов и начальник штаба 3-й армии Мартсон. Мною было на совещании предложено несколько вопросов, при чем важнейший из них был, в какой фланг японцы нас атакуют. Я заявлял, что нас, вероятно, атакуют в средину, между 1-м армейским корпусом и 7-м, Ренненкампфа. Почти все с сим соглашались, но решено еще не переводить войск с своих мест до более ясного определения решения японцев.

Куропаткин просит усилить Ренненкампфа еще на 4 тысячи человек, на что я согласился; таким образом, Ренненкампф будет иметь в роте по 250 человек.

Также на совещании решено уничтожить нанятых в солдаты китайцев, но предоставлено каждому командующему армией попрежнему нанимать китайцев в солдаты, но в их полки и под ответственность самих командующих армиями [1]). Наибольшее знание и распорядительность и подготовленность выказал все же генерал Куропаткин.

---

[1]) Трудно понять мысль автора дневника. *Ред.*

22 июня.

Сегодня я ездил в 8-й корпус осмотреть Сыпингайские позиции; последние сильно укреплены, и я могу не страшиться, что их могут взять штурмом японцы. Некоторые из полевых укреплений просто таки форты крепостей с цитаделью.

Советовал я генералу Батьянову приехать на позиции 2-й армии и осмотреть укрепления; равно сделал я распоряжение, чтобы все начальствующие лица 3-й армии прибыли бы на позицию осмотреть наши укрепления передовой позиции и принять к руководству на случай возведения таковых.

23 июня.

Сегодня были получены телеграммы о том, что броненосец «Потемкин Таврический» пришел в Одессу, вывез с броненосца на лодке тело убитого матроса и положил на мол с запискою, что если кто из портовых начальников придет на мол взять труп, то по городу будет сделана бомбардировка. Там в записке добавлено, что команда за смерть убитого офицером матроса перебила всех офицеров, добивая их по каютам. Последствием сего был полный бунт рабочих города и порта.

24 июня.

Сегодня утром от Хрещатицкого получено донесение, что с мыса Криньен вчера, 23-го июня, в 8 ч. утра, была видна японская эскадра из 4 броненосцев, 4 крейсеров и множества транспортов, направившихся на восток.

Сегодня же уже получил телеграмму, что означенная эскадра подошла к деревне Чеписалы, что на юго-восток от Корсаковского, и обстреливала берега; всего в эскадре виднелось более 34 транспортов и миноносок.

Вероятно, будет высадка.

К вечеру была получена телеграмма, что японцы высадились близ селения Мерся. В виду сего начальник гарнизона в Корсаковском приказал бросить Корсаковский, сжег его и отступил в деревню Соловьевку. Не храбро же держит себя Арцишевский. Еще не видно было японцев, а уже бросили Корсаковский, — мало же надежды на такого полковника, как Арцишевский.

25 июня.

Рано утром сегодня к Соловьевской позиции с моря подошло два миноносца, и полковник Арцишевский бросил свою укрепленную позицию и отступил на север без потерь. Это уже вторую позицию бросает полк. Арцишевский без боя. Не храбрый же Арцишевский. Печально вообще служить и тем более воевать с такими храбрецами.

У нас на фронте все спокойно; японцы молчат, и мы молчим.

27 июня.

Арцишевский на Сахалине продолжает отступать во внутрь острова; вчера отступил из Владимировки. Я ему и генералу Ляпунову сделал внушение за таковое бегство из Корсаковского.

29 июня.

На всем фронте совершенно спокойно; видимо, японцы совсем не желают наступать.

Во всех телеграммах японских корреспондентов говорится, что японцы совершенно окружили нашу армию и сжимают ее кольцом, при чем кольцо ежедневно стягивается все туже и туже.

Все наши газеты, трубящие о необходимости мира, повторяют указания из Японии об опасном положении нашей армии и требуют во что бы то ни стало заключения мира.

Наша же армия находится в отличном состоянии, стоит на сильно укрепленных позициях, но только еще не укомплектована. К нам в настоящее время идет укомплектование — 135 тысяч молодых солдат, кроме артиллеристов и инженерных молодых солдат.

С прибытием означенного укомплектования мы будем иметь около 420 тысяч, и тогда можно будет попытаться перейти в наступление, но все это еще впереди, и забегать мне вперед еще рано. После прибытия молодых солдат к нам придут еще четыре корпуса, при помощи которых я предполагал бы охватить японцев с обоих флангов.

30 июня.

Сегодня утром я получил телеграмму от адмирала Авелана о том, что адмирал Бирилев назначен морским министром. Весть эта меня очень обрадовала, равно и весь мой штаб: в бытность его в штабе армии он на меня произвел самое отрадное впечатление, и я предвещал ему быть морским министром. Я предрешал, что после ухода Алексея и перевертывания броненосцев Авелану надлежало удалиться от дел, и вот из всех наличных адмиралов, по моему мнению, был лучшим адмирал Бирилев. Бог ему в помощь.

3 июля.

Состоялась под председательством генерала Батьянова Дума Георгиевская для определения, кто из представленных удостаивается по статуту награждения георгиевским крестом. Из числа представленных были вновь генералы Церпицкий и Чурин; кроме сего, также Каульбарс за отступление из-под Мукдена представил к георгиевскому кресту генералов Мылова и Артамонова. Но так как решительно никаких данных не имелось для назначения им георгиевских крестов, то Георгиевская Дума всех их провалила, а легкомысленный Каульбарс сердится, мечет громы и молнии на Думу. Он предполагает, что если всем генералам за погром под Мукденом выдадут георгиевские кресты, то и Каульбарс за проигранное сражение получит также георгиевский крест.

Также сегодня получена была телеграмма о том, что Витте назначается делегатом на переговоры в Вашингтон. Это обозначает, что и государь желает заключить мир, так как Витте есть самый ярый сторонник мира, — так мне пишут из Петербурга.

Кроме сего, мне говорят тоже из Петербурга, что Витте и Куропаткин за изгнание их с занимаемых должностей способны ныне сделать государственный переворот не в пользу династии и что они оба будто бы по сему вопросу в большой переписке.

Таковую силу составляют оба названные лица в Петербурге и государстве.

4 июля.

Новый наш военный министр [1]) весьма благонамеренный, но все же на мой запрос о необходимости постройки второго пути по Сибирской магистрали до сего времени молчит.

Видно, и он бессилен в этом направлении, но все в С.-Петербурге забывают, что мы не можем вести войну, если не уложим второго пути. Мы не в состоянии будем продовольствовать и укомплектовывать нашу миллионную армию, если мы не будем иметь второго пути. Все это и новый военный министр не желает изучить, как и старый. Без второго пути воевать решительно невозможно.

Во всяком случае, всеми благоприятно принято назначение Витте делегатом в Вашингтон: он и находчивый, и умный, и отстоит наши русские интересы, насколько это только будет возможно.

5 июля.

Являлся ген. Панчулидзев, который говорит, что ему сказал Николай Николаевич [2]), что необходимо дать еще одно сражение, разбить отчасти японцев, и затем можно будет заключить мир. Тоже повторяет, что в Петербурге все хотят мир и только об этом и говорят.

8 июля.

Приехал ко мне генерал Батьянов и объявил, что командир 16-го корпуса генерал Топорнин дозволяет себе глумиться над командирами полков, при чем объявлял будто бы прямо нижним чинам, что «плюйте на 25 к., которые вам каждому из хозяйственных сумм выдали к пасхе вместо разговен». Кроме сего, он уже говорил нижним чинам перед всеми офицерами, что «пишите письма прямо мне, если вас кто-либо обижает,—я сам с ними расправлюсь за обиду вам». Просто возмутительно. Необходимо будет проверить все сказанное и объявить свое решение Топорнину.

Приехал ко мне сегодня и Куропаткин, который при Батьянове рассказывал мне о письме, которое ему писал С. Ю. Витте после поражения при Сандепу, а потом и прочитал мне два письма Витте. Второе письмо Витте писал 20-го января, после поражения под Сандепу. Письмо это замечательное; я копию этого письма сохранил у себя. По тону письма видно, что Витте огорчен тем, что его свалили с поста министра финансов, и вследствие сего в тоне видно желание его диктаторствовать и быть в оппозиции государю.

Он в означенном письме пишет, что ожидает всяких неожиданностей и что, вероятно, он добавляет, в этой сумятице придется играть роль и подать решительный совет; он и спрашивает у Куропаткина, на что тот рассчитывает, и не время ли оканчивать войну. Также Куропаткин говорил, что Витте ненавидит государя и всячески и везде выставляет в публике себя, чтобы умалить значение государя.

---

[1]) Сахаров был заменен на посту военного министра ген. А. Ф. Редигером. *Ред.*
[2]) Вел. князь. *Ред.*

Всегда Витте был противник войны, занятия Порт-Артура, и если впоследствии Витте затеял Дальний, то просто не знал, что ему делать.

Куропаткин много раз упоминал о дружбе своей с Витте, но также много раз говорил, что Витте способен всякого утопить, если он сколько-нибудь стоит ему на дороге.

Куропаткин с Батьяновым меня очень усердно просили написать Витте телеграмму с пояснением, что мы, т.-е. наша армия, настолько ныне сильны, что японцы нас боятся и опасаются перейти в наступление. Положим, что все это отчасти справедливо, но все же еще японцы сильны и находятся в укрепленной позиции.

Совещаясь между собой, мы обсуждали план наступления на японцев, при чем Куропаткин настаивал на переходе в наступление против селения Таулу, на правый фланг армии Оку, а против Кавамуры выставить заслон из Ренненкампфа. Такое предложение очень заманчиво, и я сам лично это предполагал при обсуждении о наступлении с Орановским, хотя Орановский предполагает, что легче охватить левый фланг японцев.

Куропаткин очень просил сегодня удалить Левестама от командования дивизией, так как если японцы прорвались у Киузана, то этим обязаны уходу куда-то в тыл Левестама с полком или с двумя полками; он же приказал оставаться младшему, кажется, Ржепецкому.

9 июля.

Сегодня, рано утром, в $7^1/_2$ ч. утра, прибежал ко мне Батьянов и просил не соглашаться с Куропаткиным на наступление на японцев от селения Таулу, а лучше напасть на левый фланг японцев и лучше сделать охват от реки Даляохе, чем лезть в дыру от Таулу. Я все же скажу, что я предпочитаю, чтобы четыре корпуса 1-й армии наступали от Таулу на правый фланг войск Куроки с охватом правого фланга Куроки и чтобы одновременно четыре корпуса 3-й армии наступали от Таулу, левее 1-й армии, прямо на юг, и оттуда сделать глубокий охват всей армии Куроки и Оку.

Все это хорошо, если у японцев в глубине не имеется укрепленной позиции на высоте и даже южнее Кахопсаля.

10 июля.

Сегодня рассказывал ген.-лейтенант Сологуб, что в главном штабе провалился Жилинский, потому что ему вырыли яму свои же товарищи в главном штабе в отсутствие его при наместнике.

Я вновь сегодня обдумывал, с какой бы стороны атаковать японцев. Все страшно то, что чуется, что японцы окопались и на огромное расстояние в глубину.

Например, японцы, атакуя нас под Мукденом, обходили наш правый фланг все дальше и дальше, пока они не дошли до тех пор, где у нас окопов уже не имелось; вот они там же и прорвались к железной дороге, а у нас не хватило войск, чтобы тоже протянуть наш фланг и прикрыть дорогу. Если бы сюда, к правому флангу,

притянуть всю нашу первую дивизию, из которой три полка даже совершенно бездействовали, то, быть может, и все было бы благополучно, и мы остались бы в Мукдене и нечего было отступать.

12 июля.

Японцы везде сидят спокойно, нигде не слышно об их наступлении; только иногда разъезд японский подъезжал к нашему разъезду, и наши тотчас же японцев обстреливали.

Все вокруг говорят, что отправление Витте на переговоры о мире есть признак, что правительство решительно желает заключить мир.

Флуг, приехавший из Петербурга, говорит, что бывший наш наместник Алексеев очень любим государем, часто бывает у государя и всегда участвует в совещаниях. Что все в Питере мрачно настроено. Передал он от государя мне поклон. Каульбарс передал мне, что Церпицкий очень болен, и для успокоения его, чтобы я телеграфировал Церпицкому, чтобы он уезжал лечиться. Но я отказался предлагать здоровому человеку уезжать из армии для лечения какой-то фиктивной болезни, о которой Церпицкий никому не заявлял и мне не говорил.

Вчера японцы высадились и заняли мыс Клестер-Калиф и маяк и выбросили там японский флаг. Таким образом, 11 июля японцы в первый раз водрузили свой флаг на русской земле. В заливе Де-Кастри наших две роты и два орудия. Кроме того, генерал Хрещатицкий остановил в Мариинске 2-й Сахалинский батальон с целью двинуть его в Де-Кастри и выбить оттуда японцев.

Сегодня от двух часов дня вновь начал итти дождь, — это уже четвертый день идет дождь. Кажется, начался дождливый период.

Сегодня представлялись мне американские агенты, именно генерал Барри, капитан генер. штаба Кломен и доктор полковник фон-Гоф. Все трое симпатичны; из них генерал Барри участник пекинской экспедиции.

14 июля.

Сегодня шестой день идет дождь. Дороги сделались непроходимыми.

На фронте все спокойно. Армии наши все усиливаются и усиливаются, но, к огорчению, наши разведчики говорят, что японцы укрепляются и укрепляются; положительно они хотят свои позиции сделать неприступными. Впрочем, пока и наши позиции мы имеем неприступными.

Вчера, вечером, мы получили сведение, что два японских миноносца подходили к нашему мысу Лазарева, откуда начинается кабель, протянутый на Сахалин. Будет очень грустно, если японцы перережут наш кабель с Сахалином, и если мы до сего времени не успели поставить беспроволочный телеграф.

Хрещатицкий решительно человек трусливый и ныне, помимо меня, приказал директору хабаровского корпуса возбудить ходатайство о переводе корпуса из Хабаровска в Россию, тогда как корпусу никакой опасности не угрожает и когда в Хабаровске мужское реальное и большая женская гимназия занятия свои продолжают.

15 июля.

Погода отличная, впрочем, вчера еще от 11 час. дня погода улучшилась.

Японцы, заняв маяк на мысу Клестер-Калиф, сделали там высадку, по сведению капитана Виноградова, в батальон, а по сведениям от моряков, бывших на маяке, — не более 50 человек. После высадки оба миноносца подошли к посту Де-Кастри и начали его обстреливать, но не попали, и потерь не было. Наши тоже стреляли из орудий 4-футовых медных, но наши снаряды не долетали до японских миноносцев.

После сего командовавший ротой в Де-Кастри вдруг стал бояться обхода своего правого фланга по тайге и, не сделав рекогносцировки к месту высадки, т.-е. к маяку, приказал замки орудий испортить и орудия бросить в залив, поджег все здания в Де-Кастри, бросил семь человек солдат, бывших в секрете, и сам капитан Виноградов с ротою отступил в Мариинск, тоже портя в пути дорогу.

Вообще капитан Виноградов ясно указал на отсутствие у него всякой сообразительности, знания, решимости и патриотизма.

16 июля.

Получено сведение, что телеграфный чиновник с мыса Лазарева возвратился на Лазарев, оттуда переехал на Пошби и там исправил телеграф, при чем получил ток из Пошби в Мариинск, но в Александровку тока не получил.

Сегодня получена агентская телеграмма, что на Сахалине Александровск японцами занят, а генерал Ляпунов с отрядом отступил во внутрь острова; тоже, будто бы, без боя отступил, подобно тому, как и Виноградов отступил из Де-Кастри.

Вот сколь наши боятся японцев.

Сегодня я отдал приказание генералу Хрещатицкому, чтобы при отступлении из Николаевска и из Новокиевска наши не жгли бы построек жилых на случай нашего возвращения обратно на насиженные места.

Вчера приехала к нам жена сенатора П. М. Кауфмана и рассказывала о жизни в Петербурге и о том, сколь сильно в Петербурге поддерживают Куропаткина Е. Гр. Шереметева, ген.-адъютант Фредерикс, его друг Воронцова [1]), Бобринская и еще другие, имеющие силу при дворе.

Кауфманша вчера, в 7 час. вечера, у меня обедала и тоже сегодня обедала.

Сегодня я предписал генералам Хрещатицкому и Жукову отправить на Сахалин охотников с офицером узнать о судьбе ген. Ляпунова и его отряда, а также отряду из Мариинска занять обратно Де-Кастри, если там японцев немного.

17 июля.

Кауфманша мне говорила, что в Петербурге все недовольны тем, что я оставил в армии Куропаткина, что он только мне будет во всем мешать и противодействовать.

---

[1]) Вероятно, графиня Воронцова-Дашкова. *Ред.*

Но я лично до сего времени ничего подобного не замечаю и считаю его одним из лучших, энергичных и распорядительных моих сотрудников.

18 июля.

Восьмой день льет сильнейший дождь, но с перерывами. Вследствие этого вода быстро скатывается, и наводнения не бывает, но в Южно-Уссурийском крае сильнейшее наводнение. Там все реки вышли из берегов, мосты все большие и малые снесены, дороги все испорчены и телеграфы тоже.

Кауфманша рассказывала, что генеральша Тевяшева [1]) занималась в Питере только доносами, пользуясь даже камердинерами государя. Она за плату 100 рублей подкладывала на стол государю свои анонимные письма на разных лиц и таким путем компрометировала всех наших государственных людей, которые ей по какому-либо случаю не нравились. За таковую ее доблесть возвышение получает ее муж, по словам многих, ни на какое дело не способный, а вот ныне туркестанский генерал-губернатор.

Тевяшеву и ее мужа проводила за сплетни старая государыня Мария Феодоровна, которая и ныне многим мешает и во всякие дела путается, всех лично сама проводит на государственные должности, как, например, был Голицын Гр., Козлов, Максимович и многие другие.

В обществе старая государыня сделалась страшно непопулярна и даже ненавидима толпою, особенно за войну и за все беспорядки.

После Мукденского, столь неудачного для нас, сражения государь составил у себя военный совет из генералов Драгомирова, Гродекова Кон. Комарова и Роопа для определения, оставаться ли Куропаткину, или избрать главнокомандующим другое лицо. Было избрано только два кандидата — вел. князь Николай Николаевич и я. Но перевес голосов, будто бы, был на моей стороне, и выбор остановился на мне.

Известная в Петербурге Мария Акинфиевна графиня Коновницына, при посредстве ген.-адъютанта Гессе, довела до сведения государя, что если вел. князя Николая Николаевича сделают главнокомандующим Манчжурскими армиями, то произойдет военная революция: столь все возмущены против Николая Николаевича, а потому избрали в главнокомандующие меня.

Она же, Кауфманша, говорила, что адмирал Скрыдлов, при представлении государыне императрице Марии Феодоровне перед отправлением своим на Дальний Восток для командования флотом, бросился перед государыней на колени и слезно умолял ее уговорить государя, чтобы скорее сместить адмирала Алексеева с должности наместника, так как он своими действиями приносит и принесет России одно несчастье. Но императрица просила встать и твердо сказала Скрыдлову, что она не вмешивается в дела государя; так Скрыдлов сконфуженным и вышел. Удивительный фокусник.

Г-жа Кауфман говорила мне, что в Питере существует карикатура, на которой государя с опущенными штанами секут розгами, а ген.-адьютант Гессе, желая высвободить его, бросается к штанам, а государь ему в ответ: «Не троньте, — я самодержец».

---

[1]) Одна из дам петербургского света того времени. *Ред.*

21 июля.

Сегодня уехала из Кодядзяна семья сенатора Ф. Кауфмана обратно в Читу и в Иркутск. Сыну своему не позволили ехать на передовые позиции, чего сынок, лицеист, очень желал.

Приехал сегодня в Кодядзян Батьянов; советовался, следует ли Бильдерлингу отвечать на все 38 пунктов, заданных ему о причинах отступления от Мукдена. Батьянов просил меня освободить Бильдерлинга от ответов, что ныне на позициях не время собирать ответы. Я просил, чтобы не только не стеснять Бильдерлинга ответами, а, наоборот, для выяснения истины следовало бы даже понудить Бильдерлинга к ответу.

22 июля.

Сегодня в походной церкви было богослужение и молебен по случаю тезоименитства государыни императрицы. На молебствии присутствовал принц прусский Леопольд. Он больше стоит на месте и молчит, вообще же не выражает никаких особенностей; по-моему, он весьма бездарный и малоспособный. У генерала Мищенки попал 3-го июля под атаку японцев и с конвоем убежал в Чиндзятунь, т.-е. за 60 верст в тыл. Впрочем, говорят, что сопровождавший его генерал Элиот [1]) столь суетился сам и суетил принца, что, несомненно, принц поддался влиянию суетившегося Элиота и молчал, когда его обращали в бегство и торопили. Но вышло бегство.

Получил я от государя телеграмму, в коей он просит меня не представлять в генералы полковников, в виду того, что в армии, по случаю расширения многих штатов, прибавилось очень много генералов, которые будут излишествовать против штатов мирного времени.

Сегодня вновь был дождь, второй день.

23 июля.

Сегодня у меня завтракал принц Леопольд со свитою; говорил мне, что она [2]) в ссоре с ним и вообще не любит Гогенцоллернов, но и она не симпатична для Гогенцоллернов, а потому он не желает видеть ее и к ней в санитарный поезд Красного Креста, где она сестрой милосердия, тоже не пойдет.

24 июля.

Сегодня по телефону мне сообщил барон Каульбарс о том, что сегодня наши разъезды очень близко подъезжали к японцам, но японцы взобравшись на крыши, отмахивали нашим разъездам, чтобы они ближе не подъезжали. В другом случае тоже подпустили наш разъезд на 400 шагов, но тоже отмахивали, а не стреляли.

Наш же разъезд, сделав засаду, подкараулил японцев, дал по ним залп, одного убил, другого ранил и обоих подобрал; после сего японцы тоже выскочили на поддержку своего разъезда, стреляли и по нашему разъезду. Наш же разъезд, возвращаясь домой и проезжая мимо одной

---

[1]) Ошибка, — следует читать Эйхольд. *Ред.*

[2]) Очевидно, речь идет о принцессе Рейсс, приехавшей на фронт во главе отряда Красного Креста. *Ред.*

деревни, занятой японцами, тоже стрельбы не открывал, хотя японцы и залезли на крыши.

Видимо, японцы устали вести войну и ныне, в виду переговоров, даже не хотят открывать стрельбу по нашим разъездам.

Ночью вновь был довольно сильный дождь, но днем было даже сухо.

Сегодня я отправил телеграммы Хрещатицкому и в Николаевск генералу Жукову, чтобы вызвали моряков-охотников на миноносках отправиться из Николаевска к Александровску на Сахалине и там сделать минами ночное нападение на японский флот, т.-е. повторить то, что японцы сделали в 1904 г. в ночь на 27 января в Порт-Артуре, напав на наш флот ночью.

Дай бог, чтобы это удалось нашим молодцам морякам.

Такое же приказание я прямо передал во Владивосток генералу Казбеку для отправления наших контр-миноносцев к Корсаковскому посту, тоже для нападения на неприятельский флот.

Корреспондент Ольгинский переменил фронт и ныне трубит, что армия драться не желает, т.-е. нижние чины желают мира, офицеры и генералы тоже желают мира.

25 июля.

Ночью был вновь проливной дождь, но утро солнечное и светлое. Весь день отличный. Нового ничего нет.

26 июля.

Сегодня являлся ко мне кн. Туманов. Я его знал еще 5-летним ребенком, когда мне было не более 22-х лет. Отец его был командиром Навагинского полка. Очень умный был, но в боевом отношении не распорядительный. Столь же неважно распорядился и сын его, генерал-майор князь Туманов, когда мы отбивались на Гаутулинском перевале. Хотя у него в то время было шесть батальонов, кроме конницы, но он все боялся столкнуться с японцами и все отступал и отступал. Это вынудило меня 22 февраля командировать туда моего начальника штаба, чтобы остановить бесцельное и трусливое отступление кн. Туманова и Бачинского к Шихуйчену, что, конечно, заставило бы меня бросить Гаутулинскую позицию и заставить этот отряд пробиваться к Фушуну или отступать к Кандолисану и оттуда к Фушуну. Вообще же невынужденное отступление этого отряда сильно портило дело, и виновниками этого отступления были только лишь генералы кн. Туманов и Бачинский стрелковый.

27 июля.

Вчера мне говорил генерал Сологуб, что, как только Куропаткин вступил в управление военным министерством, он в то же время задумал играть выдающуюся роль и всех министров подчинить своему влиянию. Даже предполагалось свалить и Витте. С этою целью Куропаткин при посредстве Елены Григорьевны Шереметевой пролез к императрице Марии Федоровне и через них удостаивался обедать с государем императором и государыней императрицей. Устраивала

таким образом та же Шереметева, чтобы Куропаткин сидел возле государыни и передавал ей все сплетни городские и государственные, что необходимо было знать государю, так как Куропаткин не смел бы государю передавать сплетни, а государыне может все сказать, как бы циркулирующие слухи. Вот таким путем Куропаткин пробивал себе дорогу.

Вследствие изложенного все дворцовые стали вдруг поддерживать Куропаткина, считая его своим человеком, придворным, куда его всячески протискивали.

Все министры очень скоро почувствовали силу Куропаткина и всячески старались свалить Куропаткина, но и он не дремал. Он, чувствуя все более и более возрастающую силу и популярность Витте, первым делом принял все меры к тому, чтобы свалить Витте. Вследствие сего сошелся с Сипягиным, а затем и с Плеве, при чем, будучи очень умен и хитер, всячески облегчал министру Плеве валить Витте, чтобы самому остаться в стороне. Как только Витте свалили, Куропаткин в ту же минуту явился к Витте утешать его в горе и помогать ему, предчувствуя, что Витте не останется в тени, а вновь опять всплывет.

Вот, например, ныне Витте избрали уполномоченным для переговоров, хотя до сего избрания Витте сильно бранили и убеждали в Петербурге всех, что он первый социалист и все бунты устраивал он с жидами и все стачки и забастовки во вред государю; сделает в России и революцию, будет близок и государственный переворот, будет вопрос и о династии. Все это приписывали Витте, все это переходило из уст в уста, все гостиные этими слухами были наполнены.

Он, Витте, вопреки желанию государя и государыни продолжать войну, был ярый противник войны и твердо стоял за мир во что бы то ни стало.

Но, тем не менее, популярность его все возростала и привела к тому что, несмотря на то, что государь его ненавидел, все же вынужден был заменить Муравьева и избрать Витте для переговоров о мире.

Куропаткин, как я выше писал, предчувствовал, что Витте всплывет вновь на свет и вновь войдет в силу, и потому, когда при участии же Куропаткина свергли Витте, то Куропаткин явился к нему утешать и поддерживать.

Даже из армии Куропаткин поддерживал переписку с Витте и дал мне прочесть одно письмо от Витте, в коем Витте прямо писал после Сандепу Куропаткину: на что же вы еще надеетесь?—нужно мир заключать, а не питать надежды на гадательное будущее.

Также по поводу этой переписки мне говорил приехавший из Петербурга полковник Орановский, служащий в гвардейской артиллерии, друг и приятель Сергея Михайловича, инспектора всей артиллерии. Орановский, вероятно, со слов Сергея Михайловича, говорил, что Куропаткин с Витте в горячей переписке и, пользуясь смутами, предполагают устроить династический переворот, будучи оба крайне недовольны на государя за смену их с должностей, чего они оба ему не забудут.

Орановский добавил, что все благомыслящие и доброжелательные государю и России люди удивляются, почему именно и на каком

основании я оставил Куропаткина, — лицо во всех отношениях скомпрометированное, — в армии.

За это оставление Куропаткина в армии многие в Питере, а в том числе и царская фамилия, даже порицали меня за бестактность и, главное, за непредусмотрительность.

Сегодня приехал в штаб главной квартиры генерал Чичагов, являлся мне и попрежнему просил денег на разведку и на устройство разведчиков с целью порчи дороги в тылу у японцев по направлению к Мукдену и далее. Но на формирование таковой подрывной партии Чичагов требует все же 10 тысяч.

Такие непомерные расходы казенных сумм заставляют меня отказывать генералу Чичагову.

Сегодня охотники Коломенского полка в передовой цепи на аванпостах поймали восемь человек и привели.

Корпусный командир генерал Маслов просто ликует такому успеху. Даже Куропаткин, по телефону видно, позавидовал 4-му армейскому корпусу.

28 июля.

Сегодня получил от Куропаткина письмо, к которому было приложено письмо инженера путей сообщения Богословского. В этом письме Богословский сообщает, что все инженеры путей сообщения, служащие на Сибирской и Забайкальской железных дорогах, устроили между собой союз с целью устраивать забастовки, стачки и вообще всячески препятствовать подвозу войск и предметов довольствия и снаряжения в армию, с целью всячески прекратить ненавистную для всей России войну.

При письме также приложены и протоколы нескольких совещаний союза, при чем в одном из протоколов сказано, чтобы всех инженеров, не желающих принять участие в союзе, бойкотировать.

Также в одном из протоколов указано, что при забастовках устраивать замораживание паровозов, порчу дороги.

Но, самое главное, вести дело таким образом, чтобы на Сибирской и Забайкальской железных дорогах вовсе не было русских, а были бы все жиды или поляки. Цель эта союзом почти достигнута, так как, действительно, на названных дорогах уже к настоящему времени почти везде жиды и поляки.

Необходимо будет мне принять меры к тому, чтобы забастовка не случилась хотя у нас, на Забайкальской дороге. Придется на эту дорогу поставить чинов из железнодорожных батальонов.

Сегодня я еду на 84-й разъезд, где я осмотрю прибывший на войну дивизион, — две батареи гаубиц. Хотел было со мною поехать принц Леопольд, но сегодня утром отказался под предлогом, что эти орудия Крупповские, и он с ними знаком в Пруссии.

На 84-м разъезде мною осмотрен прибывший из России дивизион гаубиц, которые в нашей армии появились ныне в июле в первый раз, тогда как в Японии эти орудия действуют уже давно.

Отличные орудия, дальнобойные, с призматическим прицелом для весьма точной наводки. Орудие стреляет на 6 верст бомбою и шрапнелью. Очень ценное орудие, но из Петербурга прислали на одно орудие по 160 снарядов, что хватит только на одно и много на два

сражения. В первый раз видел призматический прицел. Чрезвычайно чистая и отчетливая работа каждого орудия, но это оттого, что эти орудия не русского изделия, а известного германского мастера Фридриха Круппа. Он в один год успел снабдить гаубицами и к ним снарядами нас, русских, немцев и японцев. Словом, дружески никого не обидел.

Лошади в батарее собственно артиллерийские хороши, но обозные малы и слабосильны. Следовало бы нашему артиллерийскому управлению при мобилизации частей быть внимательнее.

Все офицеры показались мне надежными руководителями.

Там же, на 84-м разъезде, лазареты земств черниговского, костромского и казанского. Везде был желательный порядок и чистота, равно такой же порядок мною найден и в лазарете Гессенском, который содержится нашим Красным Крестом.

Что же касается военных госпиталей, то им надлежит желать еще очень многое. Не имеется должной чистоты, опрятности и изящества, что составляет обязательное условие для каждого благоустроенного госпиталя и лазарета, где помещаются больные и раненые. В военном же госпитале ничего этого не имеется; не удивляюсь, что все наши военные врачи, особенно главные, даже враждебно относятся к лазаретам Красного Креста.

У меня завтракали все уполномоченные земских лазаретов и главные врачи наших военных госпиталей.

После завтрака, в 3 $^1/_2$ часа дня, я в поезде уехал на передовую позицию по железной дороге к Чинтафу, куда укладывается у нас железнодорожный путь на случай нашего отступления; один мост у 86-го разъезда совершенно исправлен, а у 87-го разъезда будет готов через 10 дней. Все это было нами разорено при нашем отступлении от Мукдена и от Телина. Работа по укладке пути и по восстановлению мостов идет успешно; ведет укладку подполковник Колобов, служащий в одном из батальонов Заамурской железнодорожной бригады.

2 августа.

Сегодня рано утром, в 8 часов, я приехал в Лишагоу, был встречен В. В. Сахаровым, Чичаговым и Хорватом. Осмотрел батарею поршневую и роту пограничной стражи. Все в порядке. После сего осмотрел два вновь построенных моста, наш мост и мост, построенный железною дорогою; последний оказался неизмеримо прочнее, чем построенный нашими инженерами. Строитель сего моста генерал М. имеет столь жалкий вид, что неудивительно, что у него и мосты скверны и слабы.

После сего я осматривал предмостную позицию, которая вообще по местности хорошо укреплена. Вероятно, ему много помогал генерал Сахаров [1]), на которого я также возложил наблюдение за возведением мостов и предмостных укреплений на реке Сунгари. Завтракало у меня до 56 человек. Чичагов желал было поставить к завтраку музыку,

---

[1]) После Мукденского поражения Сахаров был сменен с должности начальника штаба главнокомандующего и на его место назначен ген. Харкевич. *Ред.*

но я отклонил; не признаю удобным иметь у себя за столом музыку, когда еще в армии льется наша русская кровь, а успехов еще не видно.

Позиция предмостная, однако же, во многих местах еще не выполнена и дорога не проведена между укреплениями. В Лишагоу находился ген. В. В. Сахаров в своем поезде и, конечно, с супругою. Как не стыдно ему возиться с своей молоденькой супругой! Гремят пушки, кровь льется, а Сахаров с супругою!

Буду еще терпеть, авось скоро будет мир; иначе буду просить об отчислении Сахарова в комитет раненых.

3 августа.

Осматривал позиции у Гунчжулина. На левом фланге, у Куропаткина в 1-й армии, все позиции готовы и отлично закончены; во 2-й же армии позиции очень мало подготовлены. К сожалению, все это от малой распорядительности инспектора инженеров 2-й армии ген. Николенко, тогда как в 1-й армии князь Туманов отлично все окончил, и все потому, что Туманов умеет распорядиться.

Хорошо, что японцы нас не атаковали до сего времени, иначе нам пришлось бы очень плохо, особенно 2-й армии, на неподготовленных позициях.

В Гунчжулине осматривал лазарет Голубьева, устроенный на его собственный счет. Отлично устроен, чисто, опрятно, но больные содержатся скученно, а так как между больными много тифозных, то я даже просил разместить больных попросторней.

Также осматривал военные госпиталя, при чем в сводном госпитале Каученцзинском очень неприятно; отхожие места воняют, халаты, вместо летних, солдатского сукна, умывальники грязные. Сделал замечание главному врачу.

Также сделал замечание главному военно-медицинскому инспектору за вонь в Гунчжулине, происходящую от гниения интендантских грузов, особенно жмыхов.

5 августа.

Сегодня после обеда приезжал генерал Каульбарс с разными мелочными докладами. Обедал у меня и к ночи выехал. Было движение передовых частей к Эришлину во 2-й армии. Рекогносцировку произвели с успехом.

8 августа.

До полудня шел дождь. Везде тихо. В агентских телеграммах сведения крайне сбивчивы, и нельзя определить, будет ли мир, или будет продолжаться война.

Все время наш делегат С. Ю. Витте держится с большим достоинством и твердо. Я думаю, что мир будет заключен.

Получил телеграмму от государя императора, в коей он предлагает мне прежде всего озаботиться заготовлением продовольствия для армии на три месяца, а потому предлагает повременить отправление 21-го корпуса, а вместо него направлять продовольствие для армии.

16 августа.

Сегодня у меня состоялось совещание с командующими армиями и их начальниками штабов о возможности наступления нашей армии вперед для атаки японцев.

Все командующие армии высказались в том смысле, чтобы нам атаковать правым флангом левый фланг японцев.

На совещании командующий 2-ю армиею Каульбарс доложил, что желательно все новые вновь прибывающие корпуса расформировать и людей передать в старые корпуса.

Всех удивило такое несуразное предложение.

17 августа.

Сегодня вечером генерал Харкевич приходил ко мне и доложил, что у него был подполковник Эйлер, начальник радио-телеграфа, и доложил, что им получена телеграмма от его родственника о том, что в Шанхае получено известие из Токио, что между Россиею и Японией заключен мир.

Это первая весточка мира.

18 августа.

Обедавший у меня артиллерист капитан Белецкий также говорит, что у них в батарее доктор получил телеграмму из Петербурга, что мир заключен.

Это вторая весть, но сегодня вечером я получил официальную телеграмму от агентства из Петербурга, в коей была приведена телеграмма Витте из Портсмута; в этой телеграмме Витте говорит, что японцы приняли наши предложения, и мир можно считать обеспеченным.

В России все же продолжается революция.

Сегодня мне представлялся уполномоченный от земства, москвич, некто Шипов. Он приехал закрыть все земские лазареты, в виду того, что в России предстоит голод и что все земские средства потребуется израсходовать на нужды голодающих.

20 августа.

Получил телеграмму от государя императора, в коей его величество уведомляет, что мирный договор подписан, что уступлена Японии южная часть Сахалина, при чем просит объявить об этом армии. Но предупреждает, что все, что требуется для армии, — все попрежнему.

31 августа.

Генерал Орановский сегодня выехал из моей ставки, из Котядяна, на юг, в Шахезу, на переговоры о перемирии на Манчжурском театре.

Сегодня я уже телеграфировал генералу Хрещатицкому о разрешении генералу Анисимову вступить в переговоры с японским генералом, командующим японскими войсками в северной Корее, относительно определения перемирия и определения демаркационной линии. То же самое Анисимову предложено передать через японского командующего войсками начальнику японской эскадры, что для заключения условий перемирия между нашими эскадрами на море я назначаю бухту Шеста-

кова и залив Корнилова, где свидание между эскадрами нашею и японскою назначаю 4-го сентября, в 10 час. утра.

Несмотря, однако же, на эти переговоры, японцы 29-го августа атаковали наши передовые посты и заставили их отступить. Было у нас раненых два человека.

С передовых линий Орановский телеграфирует, что в 7 ч. вечера протокол подписан. Основные условия его следующие: 1) военные действия прекращаются немедленно, 2) демаркационная линия проведена так, что сторожевые посты обеих сторон остаются на своих ныне занимаемых местах, 3) договор вступает окончательно в силу в 12 час. дня 3-го сентября сего года.

Сегодня, в 9 час. вечера, приехал ко мне генерал Куропаткин и привез письмо, в коем он просит меня об отчислении от командования 1-ю армиею по случаю прекращения военных действий.

Он же мне рассказывал, что вел. кн. Николай Николаевич внушает государю, что он помазанник божий, а следовательно, непогрешимый, и если что скажет, то оно так и требуется божиим внушением.

Письмо написано, видимо, демонстративно против государя.

Куропаткин говорит, что он честно 40 лет служил государям, но после того, как его не только сменили с должности главнокомандующего, но даже предписано было немедленно удалиться из армии, то в этом он, Куропаткин, считает для себя оскорбление быть столь позорно выброшенным из армии.

В виду всего сказанного, Куропаткин очень просит уволить его из армии, так как он во время войны желал быть солдатом, а ныне, когда война окончилась, он не желает больше служить. Но если ему я прикажу оставаться в армии и не уезжать до расформирования, то он останется на столько времени, на сколько я ему прикажу.

1 сентября.

Явился ко мне сегодня генерал Сахаров и просил ему поручить временно командовать сводным корпусом. Я на это согласился, но с условием, чтобы жена Сахарова жила не с ним в корпусе, как бывало живала в главной квартире, а чтобы жила в Харбине.

Он обещал, что она будет жить в Приморской области.

Также Хорват мне говорил, что полковник Богданович полный интриган и вообще неважный офицер генерального штаба. Все в Харбине радуются, что его убрали из Заамурского округа.

Также мне говорил, что у Чичагова постоянно живут какие-то две дамы, с которыми он постоянно разъезжает и у себя принимает всех гостей.

Также Хорват говорил и о генерале Василевском, который командовал в Харбине запасными батальонами. Хорват говорит, что будто бы даже за деньги он продавал купцам телеграфные бланки по выгодной цене, каковые он получал бесплатно из штаба тыла для себя для служебных сношений.

Каков генерал! Он же везде по трактирам и по шантанам шатался с кокотками. Тоже любитель играть в штос с офицерами. И это генерал нашей русской армии!

Хорват говорил, что Коковцев однажды выразился о Витте следующими словами по поводу займа денег в Европе для России: «Что же? У нас есть гениальный министр, через посредство его, быть может, можно уметь заключить заем».

3 сентября.

Состоялось в 10 ч. дня совещание командующих армиями, на коем я просил их усугубить бдительность на аванпостах, в виду полученных мною донесений от министра Коковцева и из Пекина о волнениях в Японии, что пресса и народ и все партии требуют отказаться от ратификации договора.

Куропаткин все время совещания был в удрученном состоянии,— видимо, Куропаткину мир крайне неприятен. Батьянов всеми силами просился отпустить его в Россию.

Каульбарс хотя и получил назначение командующим войсками в Одессу, но все еще не желает уезжать.

Сегодня через Котядян проехал совершенно больной генерал Церпицкий. Я его посетил в вагоне, но он имел вид совершенно умирающего человека. Доктор говорит, что он и умрет.

6 сентября.

Сегодня я ездил смотреть стрельбу из гаубиц близ Ламашенцза. Стрельба на меня произвела отличное впечатление.

15 октября.

Сегодня состоялась забастовка в Чите железнодорожных телеграфистов, а после сего и других железнодорожных служащих, при чем прекратилось сообщение по телеграфу по всей Забайкальской дороге, а затем к ним примкнули и телеграфисты правительственные.

Толпа из города, где она ходила с красными флагами, ушла на вокзал и там хотела разграбить склад с оружием, но была отбита, при чем один из рабочих был ранен [1]). Еще накануне я сообщил по телефону Надарову и Холщевникову, чтобы они, в виду забастовок везде в России, приняли меры спасти аппараты, депо, мастерские, вокзал и все прочее, требующее сбережения.

Этим успокоилось, но к железнодорожным примкнули и правительственные, и, таким образом, телеграфное сообщение с Читою с 2-х часов оказалось окончательно прерванным.

Мною сегодня отправлен из Харбина на станцию Манчжурия полковник Захаров с ротою телеграфистов и с двумя ротами железнодорожных с целью открыть сообщение, как телеграфное, так и железнодорожное, с Читою и далее с Иркутском.

16 октября.

Сегодня мне дали знать, что вчера вечером и в Харбине телеграфисты китайского телеграфа забастовали. В 11 час. вечера они толпою в 300 человек ходили на сходку в центральный телеграф, но к вечеру разошлись.

---

[1]) Рабочий Кисельников, смертельно раненый подполк. Шпилевским выстрелом из револьвера, умер 16-го октября. *Ред.*

Сегодня же, в 2 часа дня, вновь собрались к центральному телеграфу все телеграфисты китайского телеграфа и правительственные. К ним отправился начальник полевого телеграфа узнать их требования, и они объявили, т.-е. главное китайской дороги, что они желают, чтобы их служба была признана правительственною, чтобы их причислили к пенсии, чтобы выдавали, как и правительственным, порционы. На этом пока успокоились, но работать на телеграф не пошли.

17 октября.

Сегодня в Харбине телеграфисты Хорватом были приглашены на сходку заявить ему свои просьбы, но телеграфисты на сходку не пошли. После сего приходили поодиночке к центральному телеграфу, но в него на работу не входили.

Мне доложили сегодня из Харбина, что и в Пограничной [1] в 12 ч. дня телеграфисты забастовали; следовательно, ныне и во Владивостоке сообщение прекратилось.

18 октября.

Из Читы сообщают, что там забастовка в той же степени, как была вчера [2]).

Вчера, 17-го октября, генерал Орановский выехал из моей ставки на станцию Сыпингай на переговоры с японцами относительно эвакуации войск из Манчжурии, т.-е. из передовых линий в тыл. Хотя и составлено было сегодня, 18-го октября, соглашение с японцами, но оно выразилось в том смысле, что японцы в этом году не предполагают уходить за Мукден, а предполагают остаться зимовать между Чайтофу и Телином; но так как у нас зимние помещения подготовлены на линии Каученцзы, то мы, т.-е. вся наша армия, вынуждена будет отойти из настоящего расположения назад за сто пятьдесят верст, и мы в данном случае находимся в худшем положении.

Сегодня приехал из Москвы интендант 2-й армии, который говорит, что при проезде Каульбарса через Москву в его вагон бросали камни, разбивали окна и делали различные неподходящие надписи на вагонах.

Как видно, в России полная анархия и безначалие. Власти бездействуют; их как будто не существует. То же самое и полиции не видно, а где только появляются войска или казаки, то народ в них начинает стрельбу и убивают, особенно казаков.

19 октября.

Сегодня утром никаких сведений из Харбина и из Читы еще не получено, но к вечеру было известно мне, что в Чите учащиеся старших классов, гимназисты, реалисты и гимназистки, тоже принимали участие в беспорядках, при чем гимназисты зашли за учениками учительской семинарии и заставили их бросить занятия, а затем с тою же целью зашли за гимназистками и в ремесленное училище.

Родители просили занятия в учебных заведениях прекратить, пока не прекратятся беспорядки в городе.

---

[1]) Станция железной дороги. *Ред.*

[2]) 18-го октября в Чите в связи с убийством рабочего Кисельникова была демонстрация. 19 октября Кисельникова хоронили при огромном стечении народа. *Ред.*

Сегодня я отправил телеграмму на имя государя императора о беспорядках в Чите через Хабаровск, Благовещенск, Кяхту на Пекин и Шанхай. Телеграфное сообщение с Иркутском и с Россиею прервано вот уже шесть дней и поезда тоже не ходят.

От Захарова никаких сведений не получено, кроме того, что забастовщики упорствуют и что из паровозов выпускают пары и всячески не допускают никого к работам. Им сегодня всем объявлено, что если с завтрашнего дня не приступят к работам, то будут уволены и вместо них будут поставлены солдаты телеграфисты.

В Харбине сегодня все возвратились к работам.

21 октября.

Сегодня переехал из Котядяна на Сунгары в Лошагоу. Дорогою встречал войска. Очень холодно, весь день даже солнышко плохо грело; дул ветерок, за уши хватало морозцем.

Заехал к Куропаткину в Гунджулин; он хворает простудою, из вагона не выходит. Он мне говорил, что вопрос о Думе в комитете министров возбуждался уже три года тому назад. Был составлен проект в комитете министров, но затем в следующем заседании того же комитета о составленном проекте государь привез и свою записку со своим проектом, которую в совете и прочитал и которою все содеянное министрами и ими составленное шло на смарку.

Таким образом, благому начинанию еще в 1902 году не удалось осуществиться по упорству нашего государя.

Это сказано мне Куропаткиным, и насколько оно есть истина, я не утверждаю.

И вот, ныне является запоздавшая Дума и конституция, когда мятеж разгорелся по всей России, когда мятеж достиг даже Дальнего Востока и разразился, как выше сказано, в Чите и в Иркутске, даже проник и к Харбину. Но у нас он не выразился, как потому, что у нас в Харбине войск много, так и потому, что у нас много военных телеграфистов и железнодорожных, почему всякие забастовки нам не страшны, но приходится принимать самые суровые меры.

Из телеграммы графа Кутайсова из Иркутска видно, что в Иркутске полное восстание; там составилось революционное правительство, идет полный мятеж и будто бы предстоит неизбежная резня [1]).

На эту телеграмму я ответил, что еще 17 октября я отправил начальника военных сообщений тыла полковника Захарова, человека спокойного и рассудительного, на станц. Манчжурия, где тоже забастовки с политическим направлением. К нему я придал две телеграфных роты и две железнодорожных роты, с тою целью, чтобы полковник Захаров, если забастовщики, т.-е. телеграфисты, машинисты и вообще железнодорожные, не пожелают работать, мог бы со своими телеграфистами и железнодорожными открыть сообщение по железной дороге до Читы и даже до Иркутска.

---

[1]) В Иркутске, как и по всей линии Сибирской ж. д., в десятых числах октября была всеобщая забастовка. Забастовкой руководил стачечный комитет. Никакого «революционного правительства» не создавалось, если не считать таковым стачечный комитет. 17 октября властями были произведены массовые аресты и устроен погром: черносотенцы под руководством переодетых городовых и пристава Щеглова напали на группу студентов, несколько человек убили и ранили. *Ред.*

Сегодня оттуда никаких сведений пока не имею.

Генерал Куропаткин мне сегодня говорил, что Витте, когда его сделали министром финансов, первый стал расхищать государственную казну. Постоянно на личных докладах у государя Витте выпрашивал на различные предприятия по два и по четыре миллиона, а на создание города Дальнего даже двадцать миллионов.

Витте, в силу нахальства своего характера, умел всегда уговорить государя дать свою подпись на докладе и только после сего граф Витте готовый свой доклад для исполнения сообщал в департамент экономии государственного совета.

Когда государь у Витте приучился таким способом расходовать государственную казну, то впоследствии, по выходе Витте из министерства, государь то же самое записочками указывал, кому и сколько отпускать денег. Когда же составилась однажды компания, взявшая в аренду за неизвестную крупную сумму ловлю пушных зверей близ Камчатки, то по чьим-то проискам эту всю арендную сумму разделил пополам и приказал одну половину прямо выдавать в. кн. Владимиру Александровичу, а другую половину—в. кн. Алексею Александровичу.

Столь же безотчетно выдавались огромные деньги Безобразову на авантюру в Корее и в других случаях.

По возвращении Безобразова из Порт-Артура в Петербург, Витте тотчас же поспешил к Безобразову на квартиру, чтобы как-либо уговорить его не начинать авантюры на Ялу в Корее, что это поведет только к войне.

23 октября.

Забастовки на Забайкальской железной дороге продолжаются, особенно в Чите. Учебные заведения тоже продолжают забастовку. 22 числа на площади в Чите была забастовка (?), но атакою казаков были разогнаны, при чем в толпе были учащиеся и были помяты и ушиблены [1]).

24 октября.

В Харбине с 10 часов дня вновь поднялась стачка и забастовка, главным образом телеграфистов центральной станции. Все забастовщики подошли к банку и потребовали прекращения занятий; после сего толпа в 500 человек подошла к станции железной дороги и на вокзале выбросила красный флаг, но по требованию полиции флаг был толпою снят. Затем забастовщики ходили на пристань и в мастерские Китайской дороги и там тоже потребовали забастовки; оттуда, уже толпою в три тысячи, подошли к полиции и потребовали освобождения арестованных за политические преступления, но так как таковых там не оказалось, то толпа совершенно спокойно ушла на площадь и там пели песни, также и революционные, кричали и ура.

Когда полиция спросила у них, т.-е. у толпы, что они хотят и почему волнуются, то они ответили, что они празднуют манифест 17-го октября, дающий свободу личности, свободу сходок и свободу слова. После чего к вечеру тоже спокойно толпа разошлась по своим домам.

---

[1]) Линевич имеет в виду демонстрацию, устроенную в связи с полученным накануне в Чите манифестом 17-го октября. *Ред.*

25 октября.

Генерал Батьянов говорит, что он при всяком удобном и неудобном случае посылает телеграммы С. Ю. Витте с различного рода поздравлениями. Видимо, пробивается в помощь к Витте. Вероятно, и Батьянов тоже желает проникнуть в первые министры и, таким образом, быть конкурентом Витте при избрании первого министра.

26 октября.

Холщевников телеграфирует, что у него в Чите 25 числа забастовка окончилась и все рабочие железной дороги стали на работу. Также доносит, что 26 числа все учебные заведения начнут свои занятия.

27 октября.

Сегодня приехал Колюбакин и подтверждал, что, действительно, ген. Хрещатицкий, принимая депутации от крестьян, неоднократно высказывал им, что области грозит опасность от японцев, что не следует заботиться снять хлеб, а необходимо думать о том, чтобы взяться за оружие на защиту от японцев, которые не далее как через две недели явятся в область.

Колюбакин говорит, что ему приходилось и самому ездить по деревням и рассылать крестьянских начальников успокаивать население и уговаривать взяться за работу, т.-е. главным образом за посевы.

Колюбакин говорил, что Хрещатицкий ко всему безучастен и даже бессердечный. Андреев говорил в Владивостоке редактору Попову, что средние учебные заведения для народа есть только роскошь. Вообще генерал Андреев тоже выказал себя во всем бестактным и во всем слушался и все исполнял по указанию полк. Нечволодова, который, т.-е. Нечволодов, знал и занимался только американскими женщинами.

28 октября.

Сегодня получил телеграмму от генерала Палицына о том, что вел. кн. Николай Николаевич 27-го октября назначен главнокомандующим войсками гвардии и петербургского военного округа и к нему помощником ген. Зарубаев, наш, из армии. Второе назначение весьма отрадное. Также сообщил Палицын, что граф Витте назначен председателем совета министров. По сему случаю Глазов и Лобко вышли из министров, при чем Глазов причислен к военному министерству.

30 октября.

Заезжал к больному Батьянову; он мне говорил, что Церпицкого два раза выручал из-под суда.

Сегодня, с 12 часов дня, во Владивостоке разночинцами, матросами и сухопутными чинами произведен разгром сначала лавок на базаре, затем разгром магазинов, а затем поджог домов, при чем сгорела матросская слободка, морское собрание, военный суд, общественное собрание и театр и много других зданий.

31 октября.

Во Владивостоке беспорядки окончились, но полковник Будберг телеграфирует, что были случаи нападения артиллеристов на офицерские квартиры, что войска держат себя и держали во время разбоя пассивно, и что вообще обещают, что если запасных не отпустят домой, то они остальную часть сожгут и тоже сожгут и весь порт.

1 ноября.

Прислал телеграмму из Владивостока Смирнов о том, что там предстоит резня.

2 ноября.

Вчера мне Куропаткин и Батьянов говорили, что забастовки в России и на Сибирской и Забайкальской ж. д. и в Харбине сильно отразились и в армии, что особенно было заметно по настроению между запасными, которые, не видя скорого отпуска на родину, начинают роптать, хотя глухо, но все же разговаривают.

Запасные справедливо ропщут на то, что их задерживают. Они призваны были на войну и оторваны от своих семейств исключительно только по случаю войны. Если война ныне окончилась, то справедливость требует всех запасных отпустить на родину, а не держать в армии с тою целью, чтобы их отправить со своими частями, будто бы для того, чтобы на дороге было больше порядка [1]).

11 ноября.

Соболев мне говорил, что он был Куропаткиным приглашен на совещание в 1903 году с участием киевского командующего войсками и генералов Жилинского и Сахарова, при чем уведомил, что он имеет высочайший рескрипт на назначение на случай войны главнокомандующим киевской и одесской и московской армиями, а что Николай Николаевич будет командовать северной армиею против Германии. На этом совещании, по словам Соболева, Куропаткин читал свой проект более двух часов, и все разошлись, истомившись слушанием, и никто ни одного слова не сказал, потому что никто не был спрошен.

И это есть совещание. Это есть самомнение, а не совещание. Конечно, Мукденский и Ляоянский погром были результатом талантливости Куропаткина.

15 ноября.

Сегодня приехал из плена генерал Фок. Он держится того мнения, что Порт-Артур больше и одного дня не мог держаться; ругает Смирнова и говорит, что Смирнов с другими шлялся по гейшам и с ними играл на японском инструменте, что будто бы Смирнов вовсе никогда не посещал форты и траншеи.

---

[1]) За две недели до этой записи в своем дневнике Линевич отдал распоряжение, согласно которому «все нижние чины как запасные, так и подлежащие увольнению в запас армии из войск Приамурского округа, будут уволены только весной будущего года». (См. «Невский Сборник», 1906 г., стр. 198.)

18 ноября.

Приезжал ко мне генерал Гапонов и говорил, что в Харбине Московский и Бутырский полки находятся в напряженном состоянии от множества караулов и обременительной службы в карауле. Выходят ежемесячно $15^1/_2$ раз.

Говорил также, что в Харбине один запасный батальон отказался итти в караул.

Вообще в Харбине от множества запасных только беспорядки; предписал все батальоны, запасные и маршевые, отправить, уволить из Харбина на родину.

Просил Гапонова произвести смотры бригад, которые в Харбине.

19 ноября.

В $12^1/_2$ часов дня приехал ко мне из плена через Владивосток Рождественский. Он сильно удручен всем происшедшим. Говорит, что главнейшею причиною тяжкого поражения флота было то, что люди на броненосцах несли сильные потери, и нервы их не выдерживали сильного огня, и все прятались, так как, действительно, не было никакой возможности высовываться, а кто вылазил, того поражали осколки бомб, летавших во множестве. Также говорит Рождественский, что наш флот нанес совершенно незначительные поражения японскому флоту.

О Небогатове говорит, что он сдался, видя свое безвыходное положение и не желая терять людей, — сдался из человеколюбия.

Рождественский не желал перейти со слабого на ходу миноносца «Буйного» на «Грозный», потому что не мог «Грозный» подойти быстро, и во всяком случае он, т.-е. «Грозный», был бы окружен японскими миноносцами и тоже погиб бы.

20 ноября.

Сегодня Куропаткин с Рождественским надумались посоветовать мне, чтобы я, отправляя на пароходе запасных в Одессу, отправлял бы, т.-е. сажал бы с ними, и одну строевую роту на тот случай, чтобы если запасные взбунтуются, то было кем на пароходе усмирить взбунтовавшихся.

Какое недоверие к солдату и какое жалкое понятие у обоих о службе, о солдате и о бунте! Если запасные 1.200 человек на пароходе взбунтуются, то, несомненно, увлекут за собою и роту.

Ныне забастовали в Приамурском округе все почтово-телеграфные чиновники. На донесение мне об этом генерала Хрещатицкого я приказал уволить со службы всех почтово-телеграфных чиновников, не желающих служить и работать, и заменить их новыми чиновниками, а если таких не найдется, то заменить их нижними чинами.

21 ноября.

Приезжал ко мне Надаров подтвердить, что он больше служить не может—нервы его расстроились, и он чувствует себя в настоящее время бессильным и бесполезным для службы, а потому он не желает получать даром жалованье и просит его уволить от службы.

Все это произошло главным образом потому, что он считает себя совершенно обиженным назначением Унтербергера. Он себя считает первым кандидатом на должность командующего войсками приамурского военного округа и приамурского генерал-губернатора.

22 ноября.

Возвратился ген. Селиванов [1]) из Владивостока, но нового ничего не привез. Я сегодня из Благовещенска получил 13 телеграмм, в коих все союзы меня просят отменить мое решение об увольнении почтово-телеграфных чиновников, забастовавших в Благовещенске. Решение это предоставил привести в исполнение благовещенскому губернатору Путяте, когда он признает это по местным условиям возможным.

23 ноября.

Приезжал сегодня Чичагов и привозил ко мне для награждения порт-артурцев, трех офицеров и четырех нижних чинов; офицеров я наградил Владимирами 4 ст., а нижних чинов — Георгием 4 ст. Все семь ранены, а нижние чины и по два раза.

Чичагов все просится в отпуск; всячески стремится к Витте.

Телеграф и почтовые чиновники все же бездействуют; забастовка продолжается между ними вот уже почти две недели.

24 ноября.

Сегодня произвел смотр 7-му Сибирскому корпусу ген. Ренненкампфа. На смотру было 45 батальонов и 180 орудий. Эта армия предназначалась для наступления на Кавамуру, но заключение мира задержало наступление.

Все батальоны и роты были огромной численности и силы. Нисколько не сомневаюсь, что с столь сильным отрядом генерал Ренненкампф имел бы успех.

Офицерам были розданы ордена и нижним чинам знаки отличия. После парада, который начался в 11 час. дня и окончился около трех часов пополудни, был мною устроен завтрак, на который были приглашены все командиры отдельных частей и все генералы.

После завтрака, который начался после парада, около 4 часов после обеда, Куропаткин зашел ко мне доложить по различным вопросам и все же настаивал на прекращении продажи водки и разгула в Харбине.

Такое его заявление слишком опоздало. Мною уже несколько раз принимались меры к прекращению в Харбине пьянства, разгула и картежной игры, и особенно между офицерами, предписаниями моими и письмами генералу Надарову, и если до сего времени все эти предписания не имели успеха, то только исключительно потому, что Надаров не исполняет моего приказания и не высылает из Харбина всех запасных.

---

[1]) Комендант крепости Владивосток. По его распоряжению, 9-го января во Владивостоке войска стреляли в демонстрантов. Сам Селиванов был тяжело ранен. Впоследствии в качестве иркутского военного генерал-губернатора жестоко расправлялся с революционными организациями. *Ред.*

Куропаткин также мне говорил, что в Петербурге готовится полная революция для введения республики, что в Московском и Гренадерском полках неблагонадежно.

Вообще же сегодня 7-й корпус и все прочие части, причисленные к 7-му корпусу, показались мне сильными и могущественными, сильными духом и воодушевленными. Не сомневаюсь, что эти части могли бы нанести Кавамуре сильное поражение.

Сегодня вновь забастовали все телеграфисты и железнодорожные. При этом они объявили, что забастовка не относится к армии, что они все воинские поезда пропустят из армии в Россию, чтобы не задерживать запасных, и сами телеграфисты будут сидеть у аппаратов для пропуска армии.

25 ноября.

Приезжал генерал Гапонов; говорил, что в Харбине значительно спокойнее и тише.

27 ноября.

Сегодня я просил к телефону генерала Надарова, но он мне объявил, что в Харбине завтра предстоит резня. Не только железнодорожные учредили стачечный комитет, который распоряжается всею линиею, но, кроме сего, образовался еще комитет из мастеровых и вольных людей, и все они требуют отмены смертной казни. Все это мне Надаров сегодня в 7 часов вечера рассказывал в крайне возбужденном состоянии, при чем несколько раз повторил, что он мне докладывал о возбужденном состоянии толпы в Харбине и по всей Забайкальской дороге, и все это оттого, что три недели тому назад я не послушал Надарова, не сменил начальника Забайкальской ж. д. Свенцицкого и не посадил на его место Захарова.

Но я очень хорошо сделал, что в то время не послушал Надарова, потому что я за это время перевез по железной дороге в Россию около ста тысяч, а при других обстоятельствах я этого сделать не мог бы.

Также в Харбине все стачечники возбуждены и за то, что забастовавших на телеграфе низших чиновников Надаров отчислил от должностей и уволил от службы.

Вероятно, это последнее больше всего волнует общество, и они оттого делаются все настойчивее и нахальнее. Я советовал Надарову потребовать от стачечного комитета слово, что они будут вывозить беспрепятственно нашу армию из Харбина в Россию, и если они дадут такое слово, то за эту уступку и им можно уступить, разрешив принять на службу вновь телеграфистов. Надаров однако на таковую комбинацию согласиться не желает и просит к себе в Харбин две сотни казаков и бригаду пехоты.

Я ему помог моим распоряжением получить просимую пехоту и донцов два полка.

Вообще Надаров находится в сильно напряженном состоянии, сменивши телеграфистов.

Однако же, Шкинский по телефону сказал, что в Харбине пока все спокойно. Куропаткин тоже мне по телефону передавал, что стачечный комитет сменил Хорвата и ныне сам распоряжается, но я этого не слышал.

28 ноября.

Сегодня приехал генерал Смирнов из плена; он во всем обвиняет за сдачу крепости Стесселя и еще за то, что Стессель всячески лишал Смирнова права командовать каким-либо участком крепости.

Но Никитин и Ирман[1] оба утверждали, что Смирнов из своей квартиры никуда не выходил и нигде не показывался, тем более на батареях, тогда как Смирнов говорит, что Стессель никуда не показывался, а он, Смирнов, бывал везде, и адмирал Вирен тоже ездил иногда на укрепленную позицию. Смирнов оставил у меня тетрадь своих записок, но он говорит, что у него имеется и дневник.

Приезжал также военный писатель Тагеев, ездивший из Инкоу на бурачке в Порт-Артур, но при возвращении из Порт-Артура на шаланде был взят в плен японцами.

Он говорит, что солдаты, возвратившиеся из Порт-Артура, — народ совершенно ненадежный, и их следует скорее отправить в Россию.

Надаров сегодня вечером прислал телеграмму, в коей он доносит, что горит дом правления Восточно-Китайской дороги; вместе с тем настаивает, чтобы я объявил Харбин крепостью в осадном положении и чтобы ему я предоставил права коменданта крепости, находящейся в осадном положении.

Таковое несуразное требование я не исполнил и ему в его настойчивом требовании отказал, заявив ему, что у него права по должности главного начальника тыла столь обширны, что пока еще ничем не вызывается надобность объявлять Харбин крепостью в осадном положении.

Советовался по сему случаю с Благовещенским и с Корево, а также и с Куропаткиным.

Хотя все это проделывает Надаров по совету Куропаткина, который тоже и мне неоднократно писал, чтобы Харбин объявить крепостью в осадном положении. Теперь же, когда я прижал Куропаткина для ответа к стене, то он мне сказал, что преждевременно Харбин объявлять крепостью в осадном положении, а, между прочим, писал об этом мне и, вероятно, об этом же советовал и Надарову; последний же и настаивает на объявлении Харбина крепостью, находящейся в осадном положении.

29 ноября.

Говорил мне полковник Эйлер, что ночью, в три часа, действительно, горели в Харбине склады Китайской дороги, и что всю ночь ходили по пристани толпами хулиганы. Все это указывает на напряженное состояние в городе.

30 ноября.

Вчера, 29 ноября, в час дня Уссурийская железная дорога устроила полную стачку с прекращением пассажирских и коммерческих товарных поездов. Следовательно, и Уссурийская дорога будет возить воинские поезда.

---

[1] Участники обороны Порт-Артура. *Ред.*

Полковник Креммер меня запрашивал телеграммою, правда ли, что Восточно-Китайскою дорогою управляет стачечный комитет. Он не хочет примириться с мыслью, что стачечный комитет будет распоряжаться помимо него.

3 декабря.

Приехал генерал Савицкий из плена, крайний защитник Стесселя и тоже говорящий, что Стессель на заседании 16 декабря сказал, что если передовые позиции падут, то он сам определит время, когда придется сдаваться, — и сам определил. При чем в заседании добавил, что он к такому решению прибегнул потому, что слишком большое разноречие в заседании относительно сдачи Порт-Артура.

Савицкий тоже добавил, что Смирнова нигде и никогда не было видно, что он всегда прятался и не показывался, и, наконец, что Стессель всегда все свои распоряжения делал через Смирнова.

Вообще генерал Савицкий крайний защитник Стесселя и Фока и противник Смирнова.

Сегодня приезжал ко мне и ген. Флейшер, корпусный командир; привез и сдал мне дело о Церпицком.

Из дела видно, что Церпицкий привез из Ташкента жида подрядчика и также вольноопределяющегося. Первый из них для корпуса поставлял спирт по 35 руб. за ведро, тогда как таковой на базаре продавался по 17 руб. Такого спирта по этой цене было поставлено более 2 тысяч ведер. Когда корпусный интендант заявил, что цена 35 руб. высокая и не в интересах казны, то Церпицкий положил резолюцию принять спирт по 35 руб. за ведро и раздать в корпусе. Таким образом, казна потерпела на одной этой поставке 35 — 50 тысяч рублей убытку.

Что касается вольноопределяющегося... [1])

4 декабря.

После обеда приехал начальник артиллерии Зарлиш; ничего не говорил и ничего из себя не представлял. Его привез ген. Каульбарс; не удивляюсь, что он предпочел такую скромность.

Вечером у меня обедал Артамонов. Все рассказывал о своем мужестве, своих доблестях и о своей бригаде 54-й, которую он называет мужественною. Ничего интересного не говорил Артамонов.

Надаров 2 декабря крайне неразумно вдруг собрал офицеров всего гарнизона и сказал им, что вследствие ропота нижних чинов запасных и невозможности их всех быстро отправить на родину (слышится ропот), при чем наших запасных подстрекают воззвания, прокламации, агитаторы и анархисты, нам необходимо быть особенно внимательным к нижним чинам и особенно к запасным. После сих слов вдруг Надаров перешел к тому, что все железнорожники, забастовщики — наши враги, что их всех следовало бы перерезать, что он, Надаров, первый возьмет нож и начнет резать их всех, не выключая жен и детей. Сказавши это, Надаров сделал председателем безгласного и бездарного пьяницу Глинского, уехал с заседания, а офицеры

[1]) В рукописи не окончено. *Ред.*

в собрании, освободившись от авторитетного председателя Надарова, быстро заявили, что железнодорожники наши братья, что они волнуются и бастуют за правое всех русских дело, что их за это не резать следует, а поддерживать и благодарить. Таким образом, вдруг скромное собрание офицеров в неумелых руках превратилось в политический митинг. Вслед за сим начались прямо-таки политические речи, совершенно непристойные в офицерском собрании.

5 декабря.

В 3 часа дня приехал в Харбин и оттуда с боковой интендантской ветки проехал прямо в корпусный городок на прибивку знамен 26, 27 и 28 Восточно-Сибирских стрелковых полков. После сего заехал к г-же Надаровой с визитом. Надаров попрежнему нервный, видящий во всем страхи и всегда с ножом, при чем при всяком удобном и неудобном случае потрясает в воздухе мечом и говорит, что он первый пойдет с ножом против железнодорожников и забастовщиков. Словом, Надаров сделался неспокоен.

Почти затемно я возвратился домой в вагоны и вслед за сим в четыре часа с половиною после обеда посетил санитарный поезд, в коем сестрой милосердия принцесса Рейсс. В этом санитарном поезде все раненые, генерал Ганненфельд, 28 офицеров и 168 нижних чинов, при чем многие были без ног. Все они возвратились из плена, следовательно, все подобранные японцами на поле сражения.

6 декабря.

В этот день я слушал обедню и молебен в корпусной церкви, после сего я вышел к народу, в коем было две вновь сформированные, 4-я и 7-я дивизии с артиллерией. Я вызвал порт-артурцев вперед. От имени государя императора поблагодарил за их службу и за защиту Порт-Артура, после чего им всем были розданы знаки отличия и торжественно принесены знамена 13, 14, 15, 16, и 25 Восточно-Сибирских стрелковых полков, которые были вручены их старым полкам.

На параде был мороз не менее 15 градусов, хотя парад начался около 12 часов дня после литургии в церкви. После передачи старых знамен полков порт-артурских, отправленных перед сдачею из Порт-Артура в Чифу и оттуда в Петербург, были освящены вновь пожалованные знамена 26, 27 и 28 полков.

Но духовенство забыло принести текст присяги, и мы на морозе должны были ожидать присяги не менее как полчаса.

Поблагодарив всех за службу, я отпустил все войска по казармам, а мы все отправились в барак закусить.

Я всем, около 250, собравшимся офицерам сказал тост за государя императора и потом к порт-артурцам речь в воздаяние их заслуг. Речь вышла складною. После сего был у меня завтрак; после завтрака я посетил санитарный поезд Марии Павловны, в коем были раненые, привезенные из Японии. Один генерал (Ганненфельд), 28 штаб- и обер-офицеров и 168 раненых тяжело нижних чинов, многие из них были без ног, у иных одна нога или одна рука, два было совершенно слепых. Все подобраны на поле сражения японцами.

Всех одарил щедро деньгами и знаками отличия военного ордена, а офицеров орденами и чинами.

Вечером обедал у генерала Надарова и возвратился около 9 часов вечера домой.

В 10 часов вечера я проводил моего сына Сашу в Питер с письмом к государю императору. Саша уехал в экспрессе; это был первый экспресс, отходивший после забастовок из Харбина в Россию.

7 декабря.

Утром осмотрел 1-й Аргунский казачий полк, пять сотен, шестая в Гирине.

Приходили ко мне три человека из партии рабочих Восточно-Китайской дороги; говорили о следующих вопросах:

1) об отправлении ежедневно запасных, 2) чтобы не отправлять пушек, 3) чтобы казаки по городу не ездили, 4) чтобы издавался листок, 5) что со стороны рабочих будут предприняты все меры к тому . . . . . [1])

8 декабря.

В полдень я раздавал георгиевские кресты порт-артурцам, а также и чинам охранной стражи, как защитникам Порт-Артура.

Сегодня Надаров вновь написал мне письмо с просьбою уволить его от службы с увольнением в отпуск впредь до увольнения от службы.

Хотя, впрочем, он очень упирался, но тем не менее я его уговорил предварительно подать в отпуск на шесть месяцев, и он, кажется, охотно на это согласился.

Сегодня я подписал ему билет в отпуск на шесть месяцев с сохранением содержания.

Вместо него я назначил Фока, но временно предполагаю отдать приказ с назначением заместителя генерала Гернгросса.

9 декабря.

Сегодня возвратился из Харбина в Лошагоу. Дорогою заезжал к Куропаткину и у него завтракал. Он советует мне взять в Харбин главным начальником тыла генерала Сахарова, а я предпочел бы Иванова, если он пойдет и если болезненное состояние ему не помешает вступить в новую и сложную должность. Вызывал я генерала Гернгросса в Шуанченпу предупредить его, что и он назначается в Харбин начальником войск в помощь главному начальнику тыла.

12 декабря.

Приезжал ген.-лейтен. Н. И. Иванов. Я его прошу принять должность главного начальника тыла вместо Надарова, и он соглашается.

---

[1]) Далее не окончено. *Ред.*

13 декабря.

Согласился Иванов принять должность главного начальника в тылу, но просит дать ему градоначальника в Харбин. Уедет от меня сегодня и в Харбин переедет в субботу. Приезжал генер. Шкинский по болезни проситься в отпуск. Счастливой ему дороги,—он мне вовсе не нужен.

14 декабря.

Приезжал из Харбина полковник Захаров, который говорит, что вчера, т.-е. 12 или 13 декабря, должна будет вновь состояться всеобщая в России забастовка железнодорожная, но она тоже не распространяется на вывоз наших запасных из Манчжурии, а потому забастовка не распространяется на Восточно-Китайскую, Забайкальскую и Сибирскую дороги до Самары.

15 декабря.

Вчера Фок прекратил издание в Харбине газеты «Манчжурия» за возмущение войск армии против офицеров. Отлично сделал,—«Манчжурия» была вредная газета.

Приехал ген. Соболев и ген. Мищенко в комиссию в Думу (георгиевскую); говорил о неповиновении в Кромском полку и о желании всех нижних чинов запасных итти на станцию железной дороги, где их обещали посадить в вагоны и отвезти в Харбин и далее в Россию.

Говорят солдаты, что если бы был Куропаткин, то всех давно бы отвезли в Россию.

18 декабря.

Приезжал офицер 16-го корпуса от Топорнина доложить, что начальник разъезда 75-го дозволил себе сказать нижним чинам 25-й парковой артиллерийской бригады, что если к нему нижние чины придут, то он посадит их в поезд даже с офицерами и отправит их на родину, в Россию. На этом основании нижние чины слушать никого не хотят, волнуются и все 20-го декабря собираются уходить на станцию. Против этого приняты меры.

19 декабря.

Вечером горели в Харбине мастерские железной дороги.

20 декабря.

Сегодня отправляю письмо генералу Палицыну с изложением положения всех дел в нашей армии. Копия письма у меня сохранилась. Сегодня получил телеграмму от Соболева и Топорнина, что в их корпусах все спокойно, особенно в 6-м Сибирском корпусе.

В мастерских в Харбине был малый пожар, все своевременно потушили.

21 декабря.

Приезжал редактор «Манчжурии», некто Попов; вновь просил дать ему разрешение издавать «Манчжурию», но дал слово не трогать нашей армии и не подрывать авторитета начальствующих лиц.

Батьянов сегодня прислал мне новое письмо, в котором вновь заявляет о подрыве в нашей армии дисциплины, говоря, что даже разложение в армии началось.

Кажется, Батьянов сделался больным человеком—все ему мерещится разложение нашей армии.

Ныне он тужит, что будто бы предполагает издавать недолговечную газету некто прапорщик Тагеев, и говорит, чтобы не дозволить этого Тагееву, так как Тагеев ненадежный человек.

22 декабря.

В полдень приехал ген. Батьянов, но прощаться; он уезжает в эшелоне с оренбургскими казаками, боясь, как бы ему не сделали стачечники дорогою какой-либо скандал. Несколько Батьянов похрамывает, но бодрый и веселый, хотя уезжает по болезни. У меня за завтраком много острил. Не забывал Драгомирова, способствовавшего к отчислению Батьянова от корпуса. Батьянов едет в своем вагоне. Уехал генерал Бильдерлинг в Россию с больным эшелоном Кавказской бригады.

25 декабря.

Получил телеграмму от ген. Селиванова из Владивостока, пришедшую через Шанхай, о назначении Ренненкампфа сломить упорство социалистов, а главное желание их захватить железные дороги и власть, равно и правительственный телеграф, что уже давно в их руках.

26 декабря.

Ту же телеграмму получил из Пекина от Покотилова.

27 декабря.

Приехал в 3 часа в Харбин и после встречи я уехал к себе на квартиру.

Дорогою в Шаучению заходил ко мне в вагон Куропаткин, и с ним я беседовал вообще о положении дел и о назначении генерала Ренненкампфа сломить социал-демократов, стремящихся захватить на Дальнем Востоке власть в свои руки, т.-е. железные дороги и телеграф правительства.

Вечером был с визитом у генерала Н. И. Иванова.

Приехал из Омска офицер, переодетый в штатское, и привез телеграмму государя о назначении Ренненкампфа для обуздания социал-демократов. Не понимаю, почему именно они переодеваются, когда все ездят по железной дороге свободно?

28 декабря.

Утром произвел смотр войскам 17-й пехотной дивизии I бригады. Войска в бараках расположены тесно, и вообще уход за солдатами плохой.

Утром принимал доклады и вечером.

29 декабря.

Сегодня вечером прибыл из плена рядовой Орского пехотного полка и привез сбереженное им в плену свое полковое знамя. Название этого рядового 8-й роты Николай Лебедев.

31 декабря.

Сегодня возвратился в Лошагоу. Дорогою меня навестил генерал Куропаткин, с которым мы говорили о том, какой план дать Ренненкампфу при отправлении его на укрощение социалистов.

В 6-м Сибирском саперном батальоне в 12 часов дня солдаты, под руководством рядового Королева, собрались перед батальоном и оттуда все толпою с пением марсельезы двинулись к офицерским фанзам, то же самое пропели марсельезу, вскричали «да здравствует свобода, да здравствует освободительное начало», и после сего все тихо разошлись по баракам.

В тот же день к батальону была вызвана сотня казаков и батарея; при виде их все зачинщики саперного батальона стали разбегаться, но их переловили всех и арестовали.

1906 год.

1 января.

Сегодня по случаю нового года явился ко мне 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка поручик Шоке и принес из плена кусок знамени своего полка, именно только вензель государя императора Александра III, пожаловавшего знамя. К огорчению, все другие куски знамени были при сдаче в плен остатков полка сожжены офицерами.

2 января.

Сегодня, 2 января, приедет ко мне ген. Ренненкампф получить от меня окончательные инструкции.

В $5^1/_2$ час. пополудни Батьянов уехал из Харбина совершенно благополучно, хотя Куропаткин мне говорил, что даже в Харбине на станции железной дороги выставлен батальон, чтобы выручить Батьянова.

Приезжал генерал Ренненкампф ко мне откланяться; он уезжает в командировку усмирять железнодорожников в Забайкалье и на Сибирской дороге.

Сегодня я передал командиру Орского полка знамя, привезенное рядовым того же полка Лебедевым из плена. Лебедев, содрав полотно знамени с древка 25 декабря, все время хранил знамя у себя.

3 января.

Сегодня утром, повидимому, все спокойно.

Вчера Ренненкампф прислал рапорт, в котором он настаивает на отправлении после первой очереди целыми частями, а не одних запасных, как мы ныне отправляем. Но это даже весьма желательно, но неисполнимо, так как такое медленное отправление запасных на родину вызовет между запасными второй очереди весьма тяжкий взрыв, могущий увлечь всю армию и всех срочно служащих, которые пока ведут себя отлично.

Возвратил 19-му стрелковому полку кусок знамени полка, каковое привез из плена поручик Шоке. Они около 8 часов вечера, 25 февраля, будучи окружены японцами, сдались, но из своего знамени вырезали вензель государя императора Александра III, а затем все остальные части сожгли, а равно и древко. Этот кусок знамени все же принесли, и я таковой кусок сегодня передал командиру 19-го полка.

5 января.

Сегодня приехал ко мне генерал Засулич и отказывается принять должность временного генерал-губернатора в Забайкальской области. Тем не менее, я отдал приказ о его назначении в Читу, в пункт сосредоточения 2-го Сибирского корпуса.

Приезжал ко мне также и генерал Сычевский, которого я предназначаю на должность военного губернатора в Читу вместо ген. Холщевникова и вместо предназначавшегося Лисовского.

На Хингане при 40 градусах мороза случилась задержка: паровозы вовсе не берут, и потому просят задержать отправление запасных до 10-го января.

6 января.

Тихо, сильный мороз; парад отменил. Сегодня получил телеграмму государя императора, в коей государь гневно относится ко мне за то, что допустил стачечников и забастовщиков своевольничать и самоуправничать на Сибирских дорогах и в прилегающих городах.

Я во все центры и Ренненкампфу дал предписание освободить дороги наши сибирские и города от всяких стачечных комитетов.

Кажется, начинается новая борьба у нас, но она будет слабее ноябрьской.

7 января.

Весь день тихо. Дал ответ стачечникам, не прямо им, т. е. не Пиотровскому и Хорвату, а через Хрещатицкого, что арестованный доктор Лапковский есть военный врач, а следовательно, подлежит законам военным и военным властям, и что я не потерплю никакого вмешательства в дела военного ведомства.

Вообще видно, что учредившийся на Уссурийской железной дороге самозванный стачечный комитет желает вырвать дорогу от Креммера в свои руки, а Креммер не дает дорогу и ему власти помогают.

На первый раз арестовали коновода у стачечников—доктора Лапковского. Хорват и Пиотровский просили освободить доктора Лапковского, но я не согласился.

9 января.

Сегодня получил телеграмму от Редигера о том, что я допустил преступное бездействие и чтобы я по болезненному своему состоянию избрал бы себе преемника для замещения меня.

Заявлено сегодня, что отправление поездов из Хингана замедляется до 13 января.

10 января.

Сегодня во Владивостоке в 3 часа дня комендант пулеметами разогнал вооруженную толпу из моряков и забастовщиков. Моряки, около 1.000 человек, были с ружьями и, подойдя к квартире коменданта Селиванова, требовали освобождения из-под ареста доктора Лапковского и Шера. Их пулеметами разогнали.

11 января.

Сегодня во Владивостоке ранили коменданта Селиванова, когда он посетил Иннокентиевскую батарею по просьбе артиллеристов.

Когда он уходил с батареи, ему в затылок пустили несколько пуль и ранили в шею.

Получил это сведение только вечером.

12 января.

Из Владивостока сегодня не дали никаких сведений.

Ренненкампф на ст. Манчжурия все нашел благополучно и в порядке [1]).

13 января.

Ночью приехал ко мне в ставку генерал-адъютант Мищенко и генерал Орановский. Ночевали у нас, в ставке, в отведенном для них купе.

Доносят из Владивостока, что рана у Селиванова не смертельная.

14 января.

Нового ничего из Владивостока не получали. Мищенко сегодня уехал во Владивосток укрощать мятеж моряков и войск. Берет с собою в гарнизон Судженский казачий полк, бригаду пластунов, батарею и 12 батальонов 3-й дивизии.

Орановский тоже уехал в Харбин. Сегодня закрыли мастерские в Харбине. Мастеровые в депо волнуются. На станции Бухеду из депо выпустили два паровоза с двумя вагонами полным ходом на путь без машинистов, но, слава богу, воинский поезд одной минутой раньше проскочил за стрелку, иначе было бы полное крушение.

Приказал произвести следствие.

15 января.

Нового ничего нет. В мастерских депо в Харбине все стали на работу, что для нас отрадно. В общих же мастерских железной дороги рассчитывают всех тех рабочих, которые не желают работать по 9 часов в день, но в общем хотят отделаться от главарей.

17 января.

Получена телеграмма от Артамонова и от Ренненкампфа. Последний телеграфирует, что он арестовал Холщевникова [2]). Получена вечером вторая длинная телеграмма от Артамонова.

---

[1]) Ренненкампф прибыл на ст. Манчжурия 9-го января. Здесь он жестоко расправился с рабочими депо, устроившими демонстрацию по случаю годовщины «кровавого воскресения», арестовал и через несколько дней расстрелял одного из участников демонстрации Коновалова, по подозрению в принадлежности к революционным организациям. На суде виновность Коновалова установлена не была, сам он отказался давать показания. Полевой суд, тем не менее, приговорил его к расстрелу. Коновалов был один из виднейших членов Иркутской организации Росс. Соц.-Дем. Раб. партии. Настоящая фамилия Коновалова была — Попов, Александр Иннокентьевич. Он был Сибирским союзом назначен в октябрьские дни организатором на ст. Манчжурия. Перед этим т. Попов свыше 2-х лет пробыл в иркутской тюрьме по делу иркутского комитета Р.С.-Д.Р.П. *Ред.*

[2]) Холщевников 30 декабря получил отпуск, но не успел выехать из Читы до прибытия отряда Ренненкампфа. Арестованный Холщевников был предан суду по обвинению в бездействии власти и сношениях с революционными организациями во время беспорядков. *Ред.*

20 января.

Сегодня отправили 1-й эшелон 3-й Вост.-Сиб. стр. дивизии во Владивосток вслед за пластунами для укрощения мятежников, т.-е. 32-й полк и Иннокентьевскую батарею.

Приезжал новый командующий войсками московского военного округа ген.-лейт. Гершельман попрощаться перед отъездом к новому месту служения. Очень он счастлив; никто не хочет верить сему назначению,— столь оно неожиданно для всех по молодости его лет [1]).

3 февраля.

Сегодня приезжает в Лошагоу генерал Гродеков по каким-то особым, вероятно, высочайшим поручениям, но мне из Петербурга не сообщенным; Петербург это держит в секрете. Приехал Гродеков в 2 часа дня; я его встретил, и он мне вручил рескрипт государя императора о смещении меня с должности главнокомандующего и о том, что главное командование вручается генералу Гродекову.

Гродеков мне говорил, что ему военный министр сказал, что ген.-лейт. Благовещенский замешан в историю о злоупотреблениях в полку по хозяйственной части и что если Благовещенский приедет в Петербург, то будет немедленно уволен со службы.

Благовещенский очень огорчен и просил моего содействия, чтобы его не увольняли.

7 февраля.

Сегодня, в $6^1/_2$ час. утра, выехал из Лошагоу; приехал в Харбин в 12 часов дня. Для встречи был выставлен почетный караул, и все начальствующие лица прибыли встречать. Гродеков прибыл спустя 5 минут. Был у меня в вагоне Гродеков, а после сего я с ним уехал к нему.

Завтракал у себя в вагоне со свитою. В 5 часов после обеда я экстренным поездом уехал из Харбина.

10 февраля.

В Чите видел Сычевского. Сычевский рассказал об арестовании 6 офицеров за принадлежность к революционной партии и за составление комитетов и митингов. Говорят, арестованных 340 человек, но много главарей и главных зачинщиков убежало [2]).

11 февраля.

В Верхнеудинске явился ко мне генерал Ренненкампф; говорит, что на другой день повесит 7 человек и 2 расстреляет [3]).

Получил телеграмму от ген. Палицына, что мне поезда не дают а предоставят только вагон.

---

[1]) Впоследствии московский ген.-губернатор. *Ред.*

[2]) Из офицеров были арестованы Садковский, Рыбальский, Пирогов, Чунихин. Трое скрылись и были арестованы впоследствии: Дмитревский, Солодовников, Полчков. Они обвинялись в организации союза военнослужащих. Кроме того, был арестован генерал Рылпиевич за выступление в печати с весьма путаного содержания письмом об отношении армии к политике. *Ред.*

[3]) 12 февраля в Верхнеудинске на глазах пятитысячной толпы были казнены: слесарь Гордеев, смотритель склада Гольдсобель, слесарь Шульц, инженер Медведников, машинист Милютинский. Милютинский, сорвавшийся с петли, был добит штыками и ломом палача. Смертный приговор был вынесен также Носову, Микешину, Лимиренко и Пашинскому, но им казнь была заменена каторжными работами. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРИАЛОВ:

№ 1.

Письмо И. Балашева Николаю II от 12 марта 1902 г.[1]

В заключение, позвольте мне, государь, высказать вашему величеству почтительнейший мой совет и усердную просьбу: Приезжайте сами сюда. Вы многое увидите такое, что покажет вам наглядно разницу между «докладом» и «действительностью»; вы, между прочим, увидите, как построена интересующая вас железная дорога, которая уже теперь стоит 100 т. руб. верста, а будет, вероятно, стоить по окончании ее и все 120 т. При этом спросите, сколько подобные дороги обходятся в Америке и Канаде или хотя бы в нашей Финляндии; между тем большинство здешних работ исполнено крайне «легко», тогда как рабочие руки (китайцы), как известно, чрезвычайно дешевы. Теперь принято все валить на «боксеров», — даже, как рассказывают, уничтожение того, что никогда не существовало!

Ваше величество, у вас имеется под рукою человек, драгоценный по своей энергии, глубокому знанию дела, а главное, по своей неподкупности и прямоте: это — генерал фон-Вендрих[2], которому покойный государь поручил в 1891 году трудное и неблагодарное дело, с которым он справился блестяще. Его после этого удалили, — конечно, те, кому он был «неудобен», но поверьте мне, государь, что для вас такие-то именно и нужны[3]). Он скажет вам и докажет, что где хорошо по этой постройке и что и почему нехорошо и какого требует исправления. Притом здесь вопрос не в одной только технической части, но еще в общем оборудовании дороги, в виду эксплоатации громадной транзитной артерии для международного пользования. Здесь требуется дешевизна, быстрота и аккуратность доставки, иначе товары, естественно, будут продолжать итти морским путем, тем более, что последний делает непрестанные успехи по всем трем этим условиям.

---

[1] Представляя свой обзор о положении дел на Квантунском полуострове, Балашев сопроводил его приводимым собственноручным письмом. *Ред.*

[2] Ф. Вендрих, военный инженер. В 1891 году ему была поручена перекидка хлеба в голодающие губернии. *Ред.*

[3] У нас есть инспекторы, напр.: по кавалерии и по др. частям; отчего вам не иметь при себе такового же и по столь важной и специальной отрасли, как железные дороги? *Прим. Балашева.*

Но это — дело особое; возвращаюсь к предмету этой записки: главное теперь — приезжайте сюда, чтобы самим убедиться в необходимости не медлить более присоединением Манчжурии к вашим владениям и, убедившись в этом, чтобы вы сами же и провозгласили это здесь, на месте.

Такой шаг упростит дело чрезвычайно и обеспечит сразу его успех, потому что покажет всем, что вы не намерены уступить в этом случае. Никто не станет противиться вам, так как никому нет расчета ссориться, — я уже не говорю: воевать, — с Россиею из-за Манчжурии; всякий знает, что она фактически давно уж ваша и останется вашею навсегда, если вы сами от нее не откажетесь. Это будет стоить, как выше сказано, разве только некоторого усиления здесь (и то лишь временного) сухопутных и морских сил, и в видах чисто предупредительных, при чем лишние расходы окупятся немедленно же, вследствие умиротворения всего края и скорейшего перехода его во владение России.

Все вышесказанное будет гораздо виднее вашему величеству здесь, на месте, чем в Петербурге, и, смею утверждать, будет видно именно в том свете, в котором я его представляю, — не по собственному, конечно, измышлению, а согласно действительности, которую засвидетельствуют вам все, могущие иметь здесь, в глазах ваших, достаточный авторитет, как знакомые с делом по опыту.

Но пусть, государь, в таком случае, «дипломатия», — наша, как и иностранная, — ничего об этом не знает до поры до времени; пусть она будет поставлена лицом к лицу с уже «совершившимся фактом», — иначе все она испортит. Посмотрите, как подобный прием облегчает другим государствам Европы и Америки их политические предприятия. Станем же и мы подражать им, и успех получится такой же и для нас.

Кончаю выражением глубокой уверенности, что более удобного времени не было, да вряд ли и будет, для разрешения разом всех вопросов, интересующих нас на Дальнем Востоке. Нам очень пора покончить с ними теперь же, дабы мы могли обратить должное внимание на действия Англии в Персии и Германии — в Малой Азии, принимающие для нас все более и более опасные размеры и характер. Между тем, заботы наши в здешних краях препятствуют нам приняться за разрешение главной нашей задачи, завещанной самой историей, — на Черном море и в проливах, и нельзя не видеть, что благоприятное ее разрешение становится с каждым годом труднее. Но так как последнее составляет для России самый главный вопрос тысячелетней ее политики, — сперва инстинктивной, а потом сознательной, — от которого она не может ни в каком случае окончательно отказаться, то спрашивается: какой нам расчет откладывать такую неминуемую работу, с тем, чтобы впоследствии ее было труднее, а быть может, и совершенно невозможно исполнить.

Наши противники понимают это отлично, и нет сомнения, что все настоящее движение на «Дальнем Востоке», начиная от япон-

ской войны, затем занятия Киаочао и кончая последнею китайскою смутою, было рассчитано и направлено главным образом на отвлечение нас от этого рокового вопроса на «Ближнем Востоке».

Не будь Россия занята теперь на этой окраине, руки были бы у нее развязаны и, благодаря войне англичан с бурами, ей удалось бы, вероятно, уже в настоящее время удалить их от границ Персии и Памиров, да, пожалуй, еще вытеснить и из Египта. Мы видим каждый день, как с ними легко справляются не только Германия и Америка, но и самые их колонии; одни мы, несмотря на союз с Франциею (которой, кстати сказать, Англия тоже не мало досаждала в последнее время), ничего не делаем, чтобы отбить ей когти, которыми она так часто и так больно нас язвила и впредь будет язвить, пока мы не решимся, наконец, обезопасить себя от нее раз навсегда. Мы имеем еще сейчас к этому полную возможность, если теперь же повернем круто дело в Китае и утвердимся в нем крепко, пока она еще занята в Южной Африке (потом будет поздно), и так как развязка там близится к концу, ваше величество, изволите сами рассудить, что нам надо торопиться [1]).

Вашего императорского величества верноподданный

Иван Балашев.

12-е марта 1902 г.
Порт-Артур.

№ 2.

Письмо А. Безобразова гр. Ламсдорфу от 7-го мая 1903 г.

Милостивый государь

граф Владимир Николаевич.

Государю императору благоугодно было назначить особое совещание для обсуждения исполнительной стороны некоторых мероприятий, намеченных высочайшей волею, по делам Дальнего Востока.

Имею честь об этом довести до сведения вашего сиятельства и сообщить, что вы призываетесь его императорским величеством в особое совещание, имеющее быть сегодня, 7-го мая, в 6 часов вечера, в Царском Селе в присутствии его императорского величества.

Прошу ваше сиятельство принять уверение и т. д.

Статс-секретарь *Безобразов.*

7-го мая 1903 года,
гор. С.П.Бург.

---

[1]) Конец письма Балашева, с его рассуждениями об англо-бурской войне нами опускается. *Ред.*

№ 3.

Письмо А. Безобразова гр. Ламсдорфу от 8-го мая 1903 г.

Милостивый государь

граф Владимир Николаевич.

Для облегчения и упрощения возложенного на меня государем императором в особом совещании от 7-го сего мая поручения вы были столь любезны, что приобщились к общему желанию всех присутствовавших на совещании лиц и хотели в возможно скором времени мне прислать письменное свое мнение. Об этом я имел счастье письменно доложить его императорскому величеству и жду обещанной вашей записки. От трех членов совещания письменное их мнение уже мною получено.

Прошу ваше сиятельство принять уверение и т. д.

Безобразов.

8-го мая 1903 г.
г. С.П.Бург.

№ 4.

Письмо А. Безобразова гр. Ламсдорфу от 8-го мая 1903 г.

Милостивый государь

граф Владимир Николаевич.

На основании вашего письма от 8-го мая позвольте принять к сведению и руководству нижеследующее:

1-е, что мнение ваше относительно нашего положения на Дальнем Востоке не расходится с принципиальной постановкой этого вопроса, имеющейся в записке, представленной свиты е. в. ген.-майором Вогаком, и что вы имеете только по этому предмету представить его величеству записку, «основанную на документальных данных и касающуюся последовательного развития политических событий».

2-е, что вы изволите быть согласны со всеми пунктами дополнения журнального постановления 26-го марта 1903 года, читанного мною в совещании, кроме редакции пункта № 2.

Эту редакцию, согласно выраженного вами желания, при сем препровождаю.

Примите, милостивый государь, уверение и т. д.

Безобразов.

8-го мая 1903 г.
С.П.Бург.

Приложение к письму
от 8-го мая 1903 г.

Выписка из проекта дополнения журнального постановления 26-го марта, представленного в особое совещание 8-го мая[1]) 1903 года.

Общее положение.

Новые фактические данные, разъясняющие общую обстановку на Д. Востоке и окончательно устанавливающие важное политическое и стратегическое значение района реки Ялу, приводят к необходимости соответственно дополнить журнальное постановление от 26-го марта 1903 года.

Пункт 2-й.

Отказаться от принятия министерствами иностранных дел и финансов мер к получению от центрального китайского правительства концессии на разработку лесных богатств на правом берегу реки Ялу, как по малой вероятности, при теперешних обстоятельствах, получения этой концессии путем переговоров с Пекином, так и вследствие выяснившейся возможности приобресть таковую соответственными мероприятиями на месте, что однако не снимает с министерства иностранных дел обязанности оказывать полное посильное содействие этому делу и по возможности предупреждать получение этой концессии кем-либо, кроме имеющих право первенства на нее[2]).

С подлинным верно:

Статс-секретарь *Безобразов.*

№ 5.

Письмо А. Безобразова Николаю II от 11-го мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Согласно полученному приказанию, Абаза и я—мы два раза были у гр. Ламсдорфа и в течение 7 часов времени вели переговоры. Вся фактически-повествовательная сторона вопроса получила полное изложение и нравственная идейная сторона не менее полное освещение.

Граф Ламсдорф никаких данных по существу нам противопоставить не мог; аргументацию же свою держал исключительно в сфере: a) точного исполнения приказаний вашего императорского величества, b) своей некомпетентности в вопросах военных и экономических и c) своих опасений осложнений от недостаточно полного и точного исполнения трактатов.

Против слов «политика уступок» он протестует, но против маскированных уступок, кажется, ничего не имеет, называя это не пора-

---

[1]) Совещание состоялось 7-го мая. *Ред.*

[2]) На поле против последних строк 2-го пункта рукою Ламсдорфа сделана следующая приписка: «On ne peut pas laisser ces lignes sans réponse» (Нельзя оставить эти строки без ответа).

жением, а успехом—своего рода шагами назад, чтобы затем лучше дать скачок вперед.

Вообще форме дается все преимущество пред существом, и это, кажется, потому, что она прикрывает пустоту знания и убеждений.

В своем разговоре я позволил себе очень настойчиво проводить ясность постановок и суждения о вопросах по их существу; в аргументационной полноте я останавливался на границе, где мне пришлось бы гр. Ламсдорфа обвинять в бездействии и непонимании дела. Я это сделал не потому, что желал бы сохранить с ним какие-либо личные отношения, но потому, что это мне не было приказано.

Граф Ламсдорф несколько раз пробовал ставить дело на личную почву и обижаться против вторжения в дела его ведомства, при чем ограничивал даже предмет ведения особых совещаний, в высочайшем присутствии разбирающих и устанавливающих принципиальные положения; прием этот, понятно, успеха не имел, и мне пришлось при этом разъяснить графу смысл и значение этого порядка, для всестороннего освещения вопросов государственной важности, именно в таких случаях, когда требуется особенная правильность и цельность в постановках.

Граф Ламсдорф неоднократно во время наших переговоров давал понять и даже ясно говорил, что он имеет в виду поставить вопрос «о доверии», при чем всякий раз я «это не понимал», так как абсолютно доверять можно только господу богу, а для убежденных католиков — еще папе.

Вообще, насколько мог понять, мне кажется, что гр. Ламсдорф остался очень недоволен нашим посещением, так как не имел успеха в своих стараниях доказать:

a) что он вообще безответствен в существе дипломатических неудач, как только точный исполнитель приказаний; b) что он не обязан знать и понимать существо дела, а только служит редакционным целям; c) что он многое упустил на Дальнем Востоке, что мог бы удержать, если интересовался бы реальной жизнью и заставил бы этим своих подчиненных работать; d) что он теперь неправ, что боится ясных постановок и злоупотребляет словами для затемнения дела.

Я лично вынес очень тяжелое настроение из этих разговоров, как совершенно ясное сознание необорудованности у нас целого ведомства для жизни и тех возрастающих трудностей, которые она представляет.

Со всеми остальными членами совещания затруднений пока нет никаких для ясной, простой и деловой постановки вопроса, обсуждавшегося в совещании. К изготовлению журнала приступил и надеюсь его представить на благовоззрение вашего императорского величества в скором будущем.

Статс-секретарь *Александр Безобразов.*

11-го мая 1903 г.
г. С.П.Бург.

№ 6.

Письмо А. Безобразова Николаю II от 23-го мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Согласно полученному приказанию, я имел с министром финансов разговор касательно денежных средств, которые потребуются для приведения численности наших войск на Дальнем Востоке в соотношение с потребностями общей и частной охраны имперской границы. По военному существу этого вопроса, министр финансов принял к сведению сделанное ему сообщение, как разъяснение причины установившегося взгляда о необходимости на Дальнем Востоке постоянно держать известное более значительное количество войск как для местной нашей обеспеченности от разных случайностей, так и для усиления нашего положения на Западе, путем неотвлечения оттуда находящихся там сил.

Относительно финансовой стороны этого дела министр финансов высказал крайнюю нежелательность выходить из пределов ассигнованных на новые военные потребности добавочных средств (210 милл., разверстанных на 5 лет).

При этом министр финансов упомянул, что, по всем вероятиям, из намеченных к осуществлению на нашей западной границе военных обзаведений найдутся таковые, которые уступят в своей целесообразности тем мероприятиям, которые имеются так серьезно в виду на Дальнем Востоке и должны удовлетворить широкой постановке задачи государственных интересов.

Министр финансов здесь, как пример, назвал новую проектируемую стратегическую дорогу, идущую вдоль реки Нарева и Бобра, на которую ассигновано около 22 милл. рублей.

Военное значение этой дороги очень спорное в среде специалистов, а наглядная сторона дела много говорит против нее.

Во всяком случае, едва ли может быть сомнение, что мы вообще и во всех отношениях будем сильнее, если, вместо Нарево-Бобровской железной дороги, будем располагать большой живою силой на Западе и тем больше еще, если эту живую силу перенесли бы на Дальний Восток, где у нас теперь находится Ахиллесова пята нашей государственной защиты.

Статс-секретарь *Безобразов.*

23-го мая 1903 г.
г. С.П.Бург.

№ 7.

Записка А. Безобразова Николаю II от 23-го мая 1903 г.

В записке своей от 16-го мая сего года, представленной на высочайшее благовоззрение, генерал-адъютант Сахаров [1]) счел необходимым

---

[1]) Начальник главного штаба Сахаров заменял Куропаткина на посту военного министра во время поездки последнего в Порт-Артур. *Ред.*

сначала резюмировать записку свиты е. в. ген. майора Вогака. Хотя он не входил в обсуждение этих выводов, но их подчеркнул именно в том, что министра иностранных дел более всего смущало.

Поэтому теперь очень отрадно видеть, что граф Ламсдорф уже не находит для себя удобным отрицать факты прошлого и в своей записке на высочайшее имя от 21-го мая обходит этот пункт осторожным молчанием.

В военном своем отделе записка генерал-адъютанта Сахарова проводит параллель между сосредоточением наших сил вперед и назад, при их настоящей численности. При сосредоточении назад получаются как будто бы некоторые преимущества, хотя в обоих случаях нам приходится плохо.

Очевидно, что сосредоточение назад безопаснее, так как этим мы отходим от преждевременного столкновения с противником, но зато противник в течение 4-х месяцев может свободно хозяйничать на юге, все у нас разрушить и подготовиться нас с успехом встретить, когда мы соберемся с силами.

Если противник поступит правильно и за нами пойдет только народным восстанием, опирающимся на партизанские его отряды, то думаю, что пройдет добрых 6 месяцев, пока мы доберемся до юга и будем иметь большие затруднения в коммуникационных линиях (железная дорога, понятно, будет основательно разрушена).

При этих условиях, для успеха, 300 тыс. войск для нас будет, кажется, мало, так как наступающему для верного успеха нужно всегда располагать преимуществом сил. Японо-китайская же армия теперь имеет более 400 т. челов., а тогда тем паче будет иметь эти силы, при коротких операционных и коммуникационных линиях.

О падении П.-Артура сомнения быть не может; наш престиж и международное положение сильно пострадают, и если против нас тогда сформируется чисто дипломатическая коалиция, то и тогда мы вынуждены будем уступить.

При достаточности же у нас войска на Д. Востоке все эти условия совершенно меняются: мы сосредоточиваемся вперед, отбрасываем первый эшелон неприятельского десанта и вообще командуем положением в материальном и нравственном отношениях.

Говоря о военной части записки генерал-адъютанта Сахарова, нельзя пройти молчанием то обстоятельство, что он говорит о временной оккупации Хунчуна и совершенно умалчивает о Фун-хуан-чен. Значение последнего пункта несравненно выше первого как в мирное, так и в военное время; этот пробел возможно только объяснить перед решением вопроса—бросить весь юг и искать неверное спасение на севере. — Может быть также, что генерал Сахаров не желал слишком определенно высказаться против мнения военного министра, который очень авторитетно высказался о вопросе до своей поездки на Д. Восток и как будто бы все дело бесповоротно предрешил.

Экономические и политические соображения записки генерала Сахарова имеют мало реальной почвы, но это совершенно понятно,

так как эта сторона дела ему не может быть знакома, в чем он, впрочем, совершенно откровенно и признается.

Во всяком случае, записка генерал-адъютанта Сахарова есть серьезный вклад в разъяснение жгучего для нас вопроса и может быть резюмирована крайней для нас необходимостью быть в военном отношении лучше оборудованными.

Статс-секретарь *Безобразов.*

23-го мая 1903 года.
г. С.П.Бург.

№ 8.

Письмо А. Безобразова Николаю II от 29-го мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Имею счастье при сем вернуть данную мне для ознакомления записку графа Ламсдорфа.

Изложенную в этой записке программу я позволю себе назвать великолепной во всех отношениях, и если она послужит основой для наших дальнейших отношений к Китаю, то, по-моему, ничего лучшего желать невозможно, кроме успеха в выполнении.

Когда ваше императорское величество изволили вчера читать эту записку, то я от переутомления не вполне мог ее оценить; сегодня утром я был занят переговором с гр. Ламсдорфом и только сейчас ее прочел, восчувствовал и тороплюсь доложить о своем крайнем разумении.

Мне кажется, что, на основании этой записки, ваше императорское величество можете милостивее отнестись к неудачной записке графа Ламсдорфа, где он торопится уходить. Я даже думаю, что он решился подать первую только потому, что была вторая. Прием этот, понятно, одобрить невозможно, но что во второй записке есть пробуждение,—это несомненно пока начерчено на бумаге.

У меня, ваше императорское величество, кроме этого, на сердце, что я, кажется от той же причины недомогания, вчера очень неудачно представил вопрос об Абазе [1]). Он меня за это ужасно бранил, что я будто бы ему дал положение какого-то искателя, тогда как он готов, по приказанию, на все и не думает о мелочах.

Благоволите, государь, когда это будет благовременно, милостивым словом успокоить Абазу.

Перед отъездом своим, который, надеюсь, состоится 1-го июня, представлю через Абазу на благовоззрение некоторые еще недоконченные детали по текущим надобностям дела.

---

[1]) Правая рука Безобразова, управляющий делами Особого Комитета Дальнего Востока, автор помещаемых ниже писем. *Ред.*

Сегодня у ген.-адъютанта Гессе [1]) будет собрание некоторых наличных членов товарищества, которым сделаю сообщение, чтобы воля вашего императорского величества и положение дела им были ясны.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

29-го мая 1903 г.
г. С.П.Бург.

№ 9.

Письмо А. Безобразова Николаю II от 29-го мая 1903 г.

Ваше императорское величество.

Согласно полученному приказанию, имею счастье донести, что сегодня, в 9 часов утра, был у графа Ламсдорфа и сообщил ему телеграмму Гюнсбурга и проект ответа. Ламсдорф начал с того, что хотел закинуться, принявши ответный проект за навязываемую ему редакцию; я его успокоил, сказавши, что здесь только выражается потребность и соображения к наилучшему ее удовлетворению. Тогда установилось соглашение, что он сегодня представит на благовоззрение то, что уже по этому поводу сделал, и то, что имеется им в виду еще сделать.

Хотя граф Ламсдорф и хорохорился, но имел угнетенный вид. К делу литья масла на волнения чувств Ламсдорфа я приступил следующим образом: извинившись, что, может быть, вступаю по личной инициативе в область очень деликатных вопросов, я просил поверить в искренность доброжелательных своих стремлений и поэтому не отказать во взаимности. Затем сообщил свое наблюдение, что ваше императорское величество мне показались вчера очень гневными и непривычно суровыми, при этом я подметил недовольство по его адресу. Ничего не зная из случившегося и имея все-таки данные знать, что по существу ничего такого нет, что могло бы породить подобные явления, я все невольно приписываю какому-то недоразумению, которое после разъяснения само собой падет. Графу я тогда предложил свои слабые услуги, как услуги доброжелательного для него лица, с очень ограниченными средствами, но с доброй волею, исходящей из искреннего желания не усложнить, а упростить обстоятельства.

Граф Ламсдорф тогда начал мне говорить о своей profession de foi, которая сводится к тому, что он правдив, прямолинеен и глубоко предан своему монарху, беспрекословно исполнителен, но просит лишь об одном: чтобы воля была бы ему непосредственно высказана и ему было бы позволено в том же порядке высказать свое мнение; что он заметил, что за последнее время он утратил доверие, и тогда он считал своим долгом, зная доброту вашего императорского величества, облегчить государю освободиться от неугодного слуги; что он не имеет

---

[1]) Дворцовый комендант. *Ред.*

сознания, что не делал бы все посильно и что, может быть, если бы он много знал ранее, то поступил бы лучше, но он не знал, а злой воли у него не было.

Из всего слышанного мною я мог понять, что гр. Ламсдорф напуган тем, что сделал, но себе ложно представляет положение: он думает, что предрешено его совершенно (его ведомство) отстранить от дел Д. Востока, тогда как предначертано только собрать на месте сведения и распоряжения в одном центральном пункте, сам же этот пункт находится под руководительством государя, которого сознательный секретарь по политическим делам есть министр иностранных дел. Этих разъяснений я графу Ламсдорфу дать не мог, так как этим бы обнаружил знакомство с его запиской.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

29-го мая 1903 г.
г. С.П.Бург.

№ 10.

Письмо А. Безобразова Николаю II от 2-го июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

Завтра, 3-го июня, надеюсь, с божьей помощью, выехать и 16-го числа прибыть в Артур. Военный министр должен там быть 17-го, так что я успею предварительно переговорить с адм. Алексеевым. Вчера кончил передачу журнала совещания участвовавшим членам и уговоры с ними.

С гр. Ламсдорфом пришел к нижеследующему исполнительному конкрету: ему желательно получить перечень тех минимальных требований, которые вызываются намеченной целью, а именно — сохранением и обережением нашего нормального политического и экономического положения на Дальнем Востоке. Эти требования должны составить существо тех гарантий, которые предъявятся Китаю и для аргументационной поддержки которых министерство иностранных дел располагает необходимыми средствами. С министром финансов я договорился, в присутствии Вонлярлярского, касательно вновь образовавшегося товарищества и согласования совместного образа действий по фушунским копям, судоходству по Ляохе и вопросам текущих сношений. О том, что со мной едет жандарм, министр финансов уже знал и отнесся к этому довольно нервно; но я счел полезным его успокоить, сказавши, что специалиста по полицейской части я везу с собой для надобностей адмирала Алексеева, который, во вновь намеченном своем положении, нуждается в сведущем в этом отношении человеке.

При прощании я просил министра финансов за Моисея Гюнсбурга от себя, чтобы он его представил бы в коммерции советники, на что получил согласие; мне кажется, что рассчитаться таким образом с Гюнсбургом—момент, для пользы дела, выбран удачный.

С министром внутренних дел я имел свидание в присутствии Абазы; разговор касался обстоятельств будущих особых совещаний

по делам Дальнего Востока и организационных условий этого нового установления. То, что подлежало разъяснению, согласно высочайшей резолюции на журнальном постановлении 7-го мая, было нами обсужено, и статс-секретарь Плеве, по всем вероятиям, об этом и доложит вашему императорскому величеству в свой очередной доклад. В конечном выводе мы пришли к тому заключению, что чем раньше удастся придать более законченную форму вновь намеченным порядкам, тем это более желательно для дел местных и настроения в центре. Статс-секретарь Плеве указал, что общественное самосознание нуждается в понятной и привычной форме для дел, независимо от правильного их направления по существу. По этой части я имею привести письменное мнение адмирала Алексеева касательно той административной задачи, которую ему наметила высочайшая воля.

Таким образом, в общем и по всем отделам все обстоит пока благополучно, и молю бога, чтобы он мне помог и на месте выполнить посильно волю моего государя.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

2-го июня 1903 года.
г. С.П.Бург.

№ 11.

Письмо контр-адм. Абазы Николаю II от 14-го июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

Не знаю, правильно ли я поступил, так как не имел на то прямого разрешения, но я не нашел возможным умолчать перед генерал-адмиралом [1]) о мысли вашего величества отдать Корею японцам. Если я поступил неправильно, то каюсь и прошу меня простить. Я это сделал потому, что великий князь Алексей Александрович был до сих пор в курсе всего, а этот новый вопрос мог встретить в генерал-адмирале несочувствие.

Действительно, его высочество сразу указал, что, при водворении японцев в Корее, Квантун и Порт-Артур и весь наш тамошний флот будут заперты, а японцы, имея базы для своего флота как в Японии, так и в Корее, слишком легко отрежут наши владивостокские силы от выхода в море.

Я ответил, что это совершенно справедливо при недружественной к нам Японии, но что, водворившись в Корее, Япония не может иначе поступить, как стараться быть с нами в дружбе и согласии, потому что с севера, с запада и с юга японская Корея будет окружена нами, а при этих условиях она поймет, что находится совершенно в наших руках.

Генерал-адмирал тогда высказал, что если мы можем, действительно, с трех сторон окружить Корею, т.-е. владеть не одним Квантуном, а и Манчжурией, то тогда отдача Кореи японцам вполне

---

[1]) Вел. кн. Алексей Александрович. *Ред.*

возможна и целесообразна, но при условии, чтобы японцы не возводили против нас укреплений на корейском берегу.

Имею счастье при сем представить записку — программу наших отношений к Японии.

Очень боюсь, что я неправильно понял мысль вашего императорского величества. Записку я могу переделать на множество ладов, если получу на то указания. Мотивов решения вашего императорского величества я не выставил. Мне казалось, что мотивы здесь будут излишни, а нужна только суть будущего направления.

Ваше императорское величество изволите усмотреть, что я отметил сбоку карандашом один параграф. Возможно, что благоугодно будет не подчеркивать намерение исполнить договор 26-го марта, а, напротив, подарив Корею японцам, объявить в дальнейшем будущем, что мы остаемся в Манчжурии, на что уже намекали и Алексеев, и гр. Ламсдорф. В этом случае отмеченное место нужно будет выпустить при переписывании.

Отдав Корею и не оговорив предварительно наше водворение в Манчжурии, мы можем очутиться в затруднении и не «окружить» Корею. Поэтому я в конце поместил параграф об «экономическом водворении», который оставляет нам свободу действия.

Я прибавил также параграф о наших концессиях и об укреплениях.

Последнее вследствие слов генерал-адмирала, но иначе, чем его высочество говорил.

Вашего императорского величества верноподданный
свиты вашего величества контр-адмирал *Алексей Абаза.*

14-го июня 1903 г.

Приложение к письму Абазы от 14-го июня 1903 г.

Основы наших будущих отношений к Японии.

Проект.

Россия отдает справедливость военным и морским успехам Японии.

Россия готова признать за Японией значительную будущность, если отношения Японии к нам будут правильны.

Россия видит с сожалением, что нынешняя политика Японии, ее союз с Англией, постоянное бряцание оружием, протесты против законных действий России, тенденциозность прессы естественно ведут к противоположным результатам.

Россия принесла большие жертвы деньгами и людьми на Дальнем Востоке. Это было сделано не для одной своей пользы, а для пользы всех народов.

Естественно однако, что Россия заботится обеспечить возврат процентов на затраченный капитал.

Россия имела бесспорное право объявить Китаю войну в 1900 году, вследствие нападения китайцев на Благовещенск, но не только не сделала этого, а даже, по собственной инициативе, заключила договор 26-го марта 1902 года. Эти поступки России достаточны, чтобы определить ее миролюбие.

Россия готова довести до конца исполнение договора 26-го марта, если этому не воспрепятствуют обстоятельства и образ действий других держав.

Страстное и ничем не оправдываемое отношение Японии к нынешним действиям России может только замедлить исполнение договора 26-го марта.

Это же страстное и беспричинное отношение Японии к действиям России препятствует последней с желаемым сочувствием отнестись к жизненным интересам Японии, которые Россия никогда не намеревалась игнорировать.

При искренно доказанном желании Японии поддержать хорошие отношения с нами, Россия будет готова признать безусловное водворение Японии в Корее.

Границы японской Кореи могли бы быть определены по водоразделу бассейна Тумень-Улы к северу и по водоразделу бассейна Ялу к западу.

Северный и западный склоны этих водоразделов входят в пределы русских концессий, на которых русские люди уже начали проявлять деятельность, а следовательно, эти области должны остаться в русских руках.

При таком широком признании Россией стремлений Японии должно воцариться полное согласие, так что укрепление японцами берегов Кореи должно быть произведено лишь в таких пунктах, где укрепления эти будут служить против общих врагов России и Японии, а следовательно, по соглашению этих двух держав между собою.

Экономическое водворение России в Манчжурии, рядом с водворением Японии в Корее, создаст общность торгово-промышленных интересов и облегчит обеим державам установление добрых соседских отношений, к обоюдной выгоде.

Тон наших переговоров с Японией должен быть всегда любезный, но спокойный и твердый, без тени заискивания.

Можно начать говорить с Японией о Корее, как только посланные бригады дойдут до Забайкалья.

№ 12.

Письмо контр-адм. Абазы Николаю II от 16-го июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

По вопросу о порто-франко во Владивостоке министр финансов говорил следующее:

Это вполне в зависимости от решения манчжурского вопроса. Неопределенность положения России в Манчжурии и отсутствие ясной программы действий вселяют недоверие к России. Желательно твердо и ясно сказать, чего Россия в Манчжурии хочет. Беспошлинный ввоз иностранного товара в Приамурье и Манчжурию может убить сбыт русского товара и лишить груза русские пароходы, которых

бывает однако не более 20 в год. В общем лучше допускать иностранные капиталы, чем иностранные товары.

Если учредить порто-франко в Приамурье до Сретенска, то только на определенный срок. В Манчжурии же лучше порта закрыть.

Вопрос о порто-франко следует рассматривать не только как подачку американцам, но как серьезный общий вопрос.

Теперешнее экономическое положение Приамурья невыносимое. С одной стороны, таможни в портах, а с другой — беспошлинный ввоз по всей сухопутной границе согласно договоров с Китаем. Границу на пять тысяч верст охранить трудно. Подвоз товара, конечно, должен усилиться по Ляохе и Сунгари к нам.

Сам министр финансов колеблется: следует ли, вопреки трактатов и трудности исполнения, закрыть сухопутную границу, или же, оставляя ее открытой, открыть также и наши порты.

Над этим долго работала комиссия и только что кончила занятия. Следовательно, весь материал налицо, и казалось бы возможным, если государю угодно, назначить особое совещание из «саповников», поручив этому совещанию обсудить вопрос о порто-франко и представить свое заключение не далее как в десятидневный срок. На совещании, вероятно, будет разногласие, и тогда государь решит.

В 10 дней можно все это сделать, а нужно делать скоро, чтобы дать ответ Америке.

Министра иностранных дел я еще не видел; его не было дома. Увижу его вечером, но в виду спешности вопроса осмеливаюсь доложить пока только разговор с министром финансов. Согласно приказанию вашего величества, представляю памятную записку об ответах Америки и Японии.

Расшифровка двух телеграмм Безобразова оказалась невозможной. Я потребовал повторения. Разобрана только первая половина одной из телеграмм. Ее я имею счастье при сем представить.

Осмеливаюсь просить разрешения на отправку прилагаемой телеграммы лично от меня к Безобразову.

Так как общее направление дела поручено ему, то мне показалось, что он должен быть в курсе того, что здесь происходит.

По вопросу о порто-франко он может дать свое мнение, которое будет и своевременно, и ценно.

Вашего императорского величества верноподданный
свиты вашего величества контр-адмирал *Алексей Абаза.*

16-го июня 1903 г.

№ 13.

Письмо контр-адм. Абазы Николаю II от 16-го июня 1903 г.

Ваше императорское величество.

Я сейчас вернулся от графа Ламсдорфа, которого на этот раз застал.

Граф Ламсдорф ставит вопрос о порто-франко в связь с вопросом о Манчжурии. Он уже три года того мнения, что Манчжурию сле-

дует взять, и теперь находит нужным притти к твердому и ясному решению. Если решиться взять Манчжурию, то, объявляя Японии об этом решении, будет своевременно подарить им Корею, но не следует ждать, пока Япония «попросит» Корею «после» взятия нами Манчжурии. Япония «просить» не станет, а будет резко требовать, и тогда получится с нашей стороны не подарок, а уступка.

Все это граф Ламсдорф говорил с собственного почина. Я же не поднимал вопроса ни о Корее, ни о Японии.

В частности о порто-франко во Владивостоке граф Ламсдорф думает, что это едва ли удовлетворит американцев, а нас может связать.

Последняя телеграмма Кассини, которую он тут же прочел, успокоительного свойства, так что может быть и нет надобности сейчас предлагать Америке эту комбинацию.

Во всяком случае, вопрос о порто-франко может быть лучше обсужден там на месте Алексеевым при участии посланников, в особенности Лессара, присутствие которого в Порт-Артуре в эти дни желательно.

Вашего императорского величества верноподданный
свиты вашего величества контр-адмирал *Алексей Абаза.*

16-го июня 1903 г.

№ 14.

Докладные записки А. Безобразова Николаю II.

I.

Япония занимает в настоящее время к Корее положение, которое со стороны кажется сильнее, нежели оно на самом деле есть.

Признаки, по которым можно вообще судить об этом положении, суть нижеследующие:

1) численность проживающих в Корее японцев;

2) разные их там торгово-промышленные предприятия;

3) военные мероприятия;

4) степень возрастания японского влияния и уступки, делаемые ему остальными государствами;

5) единодушие общественного мнения, проявляемое в Японии по корейским делам.

Все эти признаки, внушительные на расстоянии, вблизи значительно умаляются.

По 1-му пункту. Численность японцев, проживающих в Корее, в точности неизвестна, но она не превышает 30.000 чел. В качественном отношении это в большинстве случаев подонки общества, которые не только не могут приобрести расположения коренного населения, но вызвали против себя общую ненависть. Чувство это высказывается при каждом удобном случае. Если же к этому прибавить то презрение, с каким японцы постоянно относятся к корейцам, и ту традиционную жестокость, с какою они действуют во всяком покоряемом ими крае, то станет ясным, что даже привыкший к угнетению

корейский народ должен стремиться поголовно восстать против своих притеснителей.

Конечная цель у японцев ясна: они рассчитывают упрощенным, кратчайшим способом сперва разорить страну, затем воспользоваться народным восстанием, чтобы ее обезлюдить, а потом заселить своими выходцами, т.-е. сперва ограбить народ, а затем его убить. Насколько применение такой политической этики времен Тамерлана может удасться, судить пока трудно, но следует сомневаться, чтобы легко удалось стереть с лица земли целый народ, как бы он ни был обессилен слабостью своего правительства.

По 2-му пункту. В Корее имеется много субсидируемых японским правительством частных предприятий, не дающих никакой коммерческой выгоды, а существующих исключительно для виду, как обстановка для японских правительственных агентов и как фикция для отвода глаз иностранцам.

Предприятия, доставляющие японскому правительству существенные выгоды, ниже перечисляются.

а) Сбыт денежных знаков (банкнотов и никкелевой монеты), не имеющих никакого фактического обеспечения и потому вполне заслуживающих названия фальшивой монеты.

б) Покупка на эти деньги корейских товаров для вывоза их в Японию посредством японского же каботажа.

в) Насильственное навязывание корейскому правительству своих комиссионных услуг по невыгодным для него покупкам.

г) Скупка земель на те же, фабрикуемые японцами, денежные знаки.

д) Наконец, приобретение разных концессий.

В общем Япония сильно зарабатывает в Корее (фальшивой монетой и основанной на такой монете торговлей), если только можно назвать заработком этот способ ограбления целой страны на глазах у всего мира.

По 3-му пункту. Военные приготовления японцев в Корее имеют целью не только занять страну, но сделать из нее обеспеченный плацдарм для действий на континенте против России. Японцы, в своем национальном самомнении, нисколько не останавливаются перед мыслью вытеснить нас современем из Манчжурии и стать во главе желтокожей расы. Поэтому нельзя надеяться, чтобы они успокоились, удовлетворясь занятием части или всей Кореи.

Если бы японцам удалось занять северную Корею и укрепиться в бассейнах Ялу и Тумень, то их военное положение на полуострове было бы очень сильное. Под охраной такого надежного заслона они всегда могли бы отстоять свои позиции и удобно перейти в наступление против нас.

Наоборот, если эти стратегические позиции будут заняты нами, то все выгоды положения перейдут на нашу сторону.

Насколько отчетливо сознается в Японии вообще огромное значение, какое имеет для ее завоевательных целей на континенте обладание северной Кореей и бассейнами Ялу и Тумень, — сказать трудно, но кажется, что в военных сферах это понимают там лучше, нежели у нас.

Военное значение северной части Кореи имеет свое историческое прошлое, и только благодаря этой географической своей охране Корейское государство могло в разное время успешно бороться с иноземным вторжением. Непроходимость северной части страны охранялась в Корее законом и блюлась корейцами. С этой непроходимостью пытались бороться китайцы, построившие свою побережную Мандаринскую дорогу, с целью поддержания в крае своего господства. Этою же дорогой пользовались японцы для действий против Китая, и теперь еще эта дорога считается главным путем для их наступления на север со стороны их ближайшей базы Пеньян-Гензан. Следует иметь в виду, что путь этот находится под фланговым действием Ялу-цзянских позиций, и потому в будущем, если эти позиции будут нами сохранены, подобное наступление будет едва ли удобно и даже возможно.

По 4-му и 5-му пунктам. Рост японского влиянии в Корее на счет влияния русского и других государств есть естественное последствие энергичного действия, которому не было противопоставлено никакое существенное противодействие. Поэтому России следует в Корее, не выступая единолично вперед далее сохранения за собою доминирующего положения в северной ее части, озаботиться образованием согласованных между собою частных коммерческих интересов других национальностей и выдвинуть их вперед, навстречу японским домогательствам.

В настоящее время есть случай, который, вероятно, больше не повторится. Именно, корейское правительство ищет заключить заем под обеспечение всех своих рудных богатств. Если через генерала Вогака поручить устроить этот заем американцу Гюнту, имеющему крупные золотопромышленные дела в Корее, при чем условиться, чтобы американская эскадра пришла одновременно и совместно с нашей для поддержания прав этой концессии, то этим путем создалась бы та отрезвляющая для японцев обстановка, без которой они долго еще будут опьянены перспективой своих империалистических затей.

Следует принять во внимание, что, начиная при таких условиях деловую связь с Америкой, мы пойдем навстречу американским капиталам, которые ищут только удобного для себя помещения.

Если делу с Гюнтом мы сумеем придать вид хорошей для американцев приманки, то американский капитал войдет в наши дела со скромными требованиями, как вообще искательная часть является в дом именитого хозяина. Если же это привлечение сделать при менее внушительной обстановке, то запрос и вообще требовательность пропорционально возрастут.

Теперь есть случай импонировать, и этот случай очень желательно отнюдь не упустить.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

21-го июня 1903 г.
С.-Петербург.

II.

С начала прошлого столетия Англия одна пользовалась преимуществами всемирной торговли и через нее обогатилась.

Из континентальных государств выступила затем на путь активной колониальной политики Германия, и скоро кончается второе десятилетие почина, сделанного в этом направлении ее великим имперским канцлером. Прозорливость Бисмарка усмотрела в колониальных предприятиях единственный выход для Германии из трудного экономического положения, созданного тем усиленным вооружением, к которому Германия вынуждена была прибегнуть для целей своего внутреннего объединения и подъема своего международного значения. В настоящее время из числа всех великих держав, если не считать Америки, главным конкурентом Англии в деле колониальной политики является Германия.

Трудность задачи германской внешней политики заключается в настоящее время именно в том, что Германия должна проявлять одновременно одинаковую мощь как на суше, так и на море. Быть военной амфибией не по силам в настоящее время ни одному государству, даже при полном развитии его внутренних сил, вследствие тех огромных расходов, каких требует техника современного вооружения.

Политическая комбинация тройственного союза, вследствие противопоставления ей двойственного союза, не могла помочь Германии выйти из этого трудного положения, и поэтому господство на море и первенство в колониальных предприятиях сохранились пока за Англией.

Континентальная Европа для развития своей культурной жизни, очевидно, нуждается в крупном участии во всемирной торговле, и потому будущее экономическое благополучие возможно только при условии общего политического соглашения европейских континентальных государств между собою, в тех видах, чтобы, уменьшив расходы по сухопутным вооружениям, обратить их на вооружения морские.

Из всех континентальных государств Россия одна не имеет надобности в таком перераспределении своих вооруженных сил. Поэтому если бы двойственному союзу удалось войти в соглашение с тройственным об уменьшении количества войск вдоль сухопутных границ, то Россия, не заботясь об усилении флота, могла бы выполнить свое обязательство, переведя соответствующее количество войск с нашей западной границы на Дальний Восток.

Такое континентальное политическое соглашение представило бы следующие выгоды России и Германии.

Россия могла бы:

1) создать на Дальнем Востоке колониальную армию, не увеличивая имперских расходов на вооружения;

2) иметь все экономические выгоды от большей обеспеченности там наших интересов;

3) действовать на Востоке по соглашению с западными нашими соседями;

4) самостоятельно создать благодаря этому выгодные и серьезные соглашения с восточными народами.

Германия могла бы:

1) свести до минимума риск всех европейских политических недоразумений;

2) усилиться на море военным флотом, что дало бы ей возможность обеспечить свой торговой флот и сообщения с колониями;

3) избавиться от тревожной перспективы постоянного возрастания военного бюджета, что очень важно для соображения внутренней политики, в особенности в виду социалистического движения;

4) обеспечить своей обрабатывающей промышленности сбыт товаров в настоящем и развитие его в будущем.

Россия и Германия, как главари двух союзов, имея почву для соглашения живых своих интересов, найдут в этой политической комбинации и все данные для привлечения к ней и своих союзников. Таким образом, задача, намеченная Гаагской конференцией, может осуществиться вполне реальным образом для целей культурного развития народов.

Насколько возможно представить себе успешный ход дипломатических в этом направлении переговоров, он может начаться только взаимным личным соглашением двух монархов, при чем, в виду того, что здесь затрагиваются жгучие интересы Англии, сохранение полной тайны, в особенности в первом периоде переговоров, относительно конечной цели соглашения есть conditio sine qua non успеха.

Статс-секретарь *Безобразов.*

20 июля 1903 г.
С.-Петербург.

III.

В истории всех наших имперских окраин замечается одна общая характерная черта: время их преуспевания всегда совпадало с деятельностью на месте сановников, которых верховная власть «признавала за благо» облекать «исключительными полномочиями». Таким образом, достигнутые результаты являлись каждый раз последствием оправдывавшегося личного доверия монарха.

Порядок этот, правильный и по существу, как исходящий из основного положения нашего государственного строя, должен быть признан целесообразным и в настоящее время, так как:

1) он дает возможность назревшую в государственной жизни потребность удовлетворять быстро и в желательной полноте;

2) менее всего вызывает перемен в установившейся практике государственного управления и не нарушает хода текущих дел;

3) как основанный на личном доверии государя и на его непосредственном руководительстве делом, может во всякое время быть легко прекращен, видоизменен и вообще приспособлен к обстоятельствам, т. е. обладает большою гибкостью;

4) наконец, этот порядок дает вообще наибольшее сближение центра с окраиной, притом путем не бюрократическим, а непосредственным перенесением на место объединенной власти ведомств.

Трудности, с которыми мы встречаемся теперь на Дальнем Востоке, во многом напоминают бывшие у нас и на других окраинах и благополучно пережитые нами, благодаря назначению наместников.

Аналогию эту можно свести к нижеследующим пунктам:

1) Отдаленность края от центра государственного правления служит естественной преградой для правильного и согласованного между собой управления, исходящего одновременно из разных ведомств. От этого получается децентрализация в центре, а на месте — разъединение власти при фактической безответственности как правящих, так и исполнительных органов.

2) В военно-политическом отношении Дальний Восток находится еще в том периоде, когда требуется интенсивная борьба для утверждения там нашей государственности. Борьба эта имеет конечной целью создание на Дальнем Востоке нашей гегемонии, без которой нам не совладать ни с желтокожей расой, ни с враждебным для нас влиянием наших европейских соперников.

Для этого нам следует объединить наши военно-политические силы в одних ответственных руках, чтобы иметь возможность выработать план действий и энергично привести его в исполнение.

Особенность нашего положения на Дальнем Востоке, а именно: а) что главный наш противник есть морская держава (Япония); б) что два наших опорных пункта суть приморские крепости; в) что наши владения имеют значительную береговую полосу со слабой охраной; г) что военные операции наши на Дальнем Востоке будут иметь характер совместного действия флота с армией, при чем умелое пользование флотом требует специальной подготовки, — все это заставляет желать, чтобы личность наместника стояла в служебном отношении близко к нашему флоту.

3) Можно высказать то общее положение, что наши окраины до сих пор жили на счет центра. Желательно, чтобы в этом отношении Дальний Восток составил исключение, что возможно только при ясной постановке там нашей экономической задачи.

Формулировать эту задачу можно нижеследующим образом: а) изыскать средства, чтобы край не только вернул государству произведенные им на его нужды затраты, но б) чтобы и в будущем он давал государственному казначейству постоянный доход; в) открыть русской частной предприимчивости поле деятельности.

Всех этих результатов возможно достигнуть только при умелом привлечении к делу иностранных капиталов. Привлечение иностранцев к кооперативному с нами на Дальнем Востоке труду, с условием, чтобы они в выгодах своих и в занимаемом положении не выходили из второстепенной роли, возможно только при правильной организации нашего положения на Дальнем Востоке и умелой постановке финансовых вопросов.

Для этих целей предполагается открыть деятельность: в центре — особого комитета, а при наместнике — отдельного совета.

Статс-секретарь А. *Безобразов.*

23-го июля 1903 г.
С.-Петербург.

Выводы из всего положения.

По имеющимся сведениям, возможность нашего соглашения с Японией встречает в настоящее время следующие затруднения:

1) Англо-японский союз и участие англичан во всех японских дипломатических переговорах.

Естественно, что при этой обстановке англичанам очень удобно мешать всякому соглашению Японии с Россией, а антагонизм этих двух держав составляет основу английской политики на Дальнем Востоке.

2) Япония в настоящее время считает, что она фактически владеет южной Кореей и что северную часть этого полуострова ей также удастся современем самостоятельно захватить.

При этом понятии у японцев трудно их убедить, что та уступка, которую мы имеем в виду им предложить в Корее, будет ценным для них приобретением и что из-за него они должны сойтись с нами на Дальнем Востоке.

Поэтому единственным выходом из настоящего положения считаю: во 1-х: наше военно-политическое усиление на берегах Тихого океана, во 2-х: изолировку Японии от содействия остальных держав, кроме Англии, которая одна, как показало прошлое, фактически помогать Японии не будет, в 3-х: когда все эти мероприятия и комбинации удадутся и японцы поймут свое положение, созданное обманной политикой Англии, тогда можно будет рассчитывать на перемену понятий в Японии и на возможность с нею сговориться, но уже на более скромных для нее основаниях, нежели настоящие, нами предполагаемые уступки.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

25-го июля 1903 г.
С.-Петербург.

№ 15.

Письмо А. Безобразова Николаю II от 30-го июля 1903 г.

Ваше императорское величество.

В объемистой записке своей от 24-го июля генерал-адъютант Куропаткин сплошь повторяется, с прибавлением еще некоторых добавочных неточностей. Все эти аргументы, кроме неточностей, были мною на совещаниях опровергнуты, и мне кажется, что военный министр мог бы сознательно не утруждать ими высочайшего внимания.

Позволяю себе вкратце всеподданнейше доложить суть дела:

1-е. Выработанные в 1901 году «основания для действий против Японии», по численности наших сил на Дальнем Востоке и по дислокации их (2 корпуса в Приамурье и Порт-Артур с очень слабым гарнизоном и не укрепленным тылом), ставили нас в отчаянное положение. Это было учтено нашими противниками и составляло главную причину их воинственного пыла, с остатками которого еще теперь приходится считаться. Адм. Алексеев и все

местные признавали себя обреченными на «бесславный Севастополь»; это было местной характеристикой положения и в связи с этим сложилось и настроение. Что эти основания сохранились теперь в силе (как говорится в записке), — это положительная неправда, так как Порт-Артур, по высочайшему повелению, усилился на 1 стр. бригаду с кавалерией и артиллерией, и это против упрямого желания военного министра, который теперь, кажется, не может серьезно спорить с бывшей беспомощностью этой важнейшей нашей крепости, с падением которой в первый период кампании создавалась такая военно-политическая общая для нас обстановка, которая могла бы нас заставить сделать невероятные уступки.

2-е. Перечень, сделанный в записке, успеха нашего вооружения на Дальнем Востоке никакого значения практического не имеет, так как противники ушли дальше вперед; это между строк в записке и признается, так как «мы должны держаться оборонительного образа действия». Странно, что такой знаток Азии, как генерал Куропаткин, упускает здесь из виду, что это есть лучший там способ, чтобы на нас неприятель бы наседал, — что он, впрочем, и делает, пока демонстрациями, а затем пойдет и дальше. Другими словами, если мы хотим довести дело на Дальнем Востоке до войны, то нам следует только продолжать образ действия, рекомендуемый ген. Куропаткиным. Что же касается рассуждений «об горючем материале, всюду скопленном», то это верно, как не менее верно, что поджог этого материала будет сделан на Дальнем Востоке, как самом удачном для этого месте, а затем пожар и будет перекидываться в разные стороны.

3-е. Что же касается разбора моих военных записок, то это сплошь производится тенденциозным образом. Записки эти имели целью:

a) Обратить внимание военного министра на вопрос, в который он не вдумывался, так как я наверное знал, что, увлекаясь доктриной западной, он Дальний Восток почти игнорировал.

b) Обратить внимание на стратегическое значение Ялу и прилегающей местности, так как занятие этих позиций японцами не только обеспечивает их положение в Корее, но ставит наши манчжурские условия в крайне тяжелое положение. После же занятия японцами бассейнов рек Тумень и Ялу поздно будет об этом говорить, а выбивать их оттуда, это — новая Кавказская война.

c) Указать на то, что, нейтрализировать эту местность невозможно и что, действуя в этом направлении, мы устроим для себя только новый самообман.

d) Представить соображения, как, на законном основании, вполне правильно мы можем разными способами укрепиться на Тумень-Ялу.

Все это военный министр понять не хочет, но и оспорить по существу не может и в записке вынужден все-таки признать значение той местности, о которой он своевременно не подумал (дело это ведется уже 6 лет).

4-е. Затем идет уже явная неправда:

a) У адм. Алексеева 600 бессрочных для леса я не просил; адм. Алексеев это генералу Куропаткину говорить не мог, так как

в совещании я объяснил это чисто телеграфное недоразумение. У меня именно шифра не было, и я должен был писать иносказательно; я просил 600 человек команды охотников для Фун-Хуан-Чен, взамен находящегося там казачьего полка. Просьба эта была вполне основательная, и адм. Алексеев только посылкой туда 150 охотников мог остановить провокаторство японцев на Ялу.

b) Инцидент с телеграммой Балашова капитану Бодиско в записке доложен неправильно: Балашов ответил Бодиско, когда тот сообщил, что 20 вооруженных японцев хотят гнать 90 русских и что ему делать, — что он удивляется вопросу: «виновных в нарушении порядка переловить и представить по начальству». — Японцы, понятно, тогда ушли, а Куропаткин хотел воспользоваться этим, чтобы раздуть дело, но в совещании не мог другого сказать Балашову, как то, что он был прав.

Равно мне он не мог доказать, что в пограничной местности всегда подобные случаи ненормальны; об этом полная ясность была установлена и поэтому приведение этого факта (за неимением лучших) я позволяю себе назвать неудачной виньеткой для прикрасы.

Чтобы не утруждать милостивое внимание вашего императорского величества разбором остальных таких же подробностей записки, обращаюсь к выводу. Что же предлагает Куропаткин? Фактически бросить всю Ю. Манчжурию и занять позицию на севере, в таежных местах. Не говоря здесь о потерянных затратах наших, об избытке вообще у нас таежных местностей, мы фактически на этих позициях удержаться не можем при войне, которая непременно будет при подобном образе действии.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

30 июля 1903 г.
С.-Петербург.

№ 16.

Письмо А. Безобразова Николаю II от 2 августа 1903 г.

Ваше императорское величество.

Имею счастье всеподданнейше представить копию с телеграммы ответной, посланной адмир. Алексееву Вогаком.

Относительно проекта вчерашней редакции сделан вариант, чтобы не очень подчеркивать тон «строгости», который неудобен Вогаку по отношению к Алексееву.

Кроме того, имею счастье доложить:

1-е. Что я был сегодня у министра внутренних дел «для личной справки» относительно порядка и времени получения указа Алексеевым [1]). Так как никаких еще официальных мероприятий здесь

---

[1]) О назначении его наместником Дальнего Востока. *Ред.*

не принято, то статс-секретарь Плеве об этом имеет в виду испросить высочайших указаний.

2-е. Я был у министра финансов, чтобы узнать о вчерашнем совещании, бывшем у графа Ламсдорфа, и вообще, чтобы ориентироваться во враждебном лагере.

В этом отношении военный министр счел нужным сказать, «что я согласен с редакциею в протоколе вопроса об Ялу». На основании будто бы этих слов совещание и постановило свой журнал и высказалось против этого дела. Если военный министр так поступил, то он снова по-своему обработал правду, так как о деле на Ялу есть в журнале совещаний подробное, фактами подтвержденное мое мнение о правильности и необходимости этого предприятия. Мои слова опровергнуты не были; протоколы же совещания я подписал по особой просьбе Алексеева, чтобы покончить с заседаниями, не имеющими никакого практического значения. Но при этом я сообщил Алексееву, что свое мнение буду иметь счастье отдельно телеграфировать государю, что и сделал. Поэтому приемлю смелость доложить, что если вашему императорскому величеству благоугодно будет, то могу к журналу настоящего совещания приложить мое отдельное мнение. Граф Ламсдорф может мне этот журнал и не прислать, хотя это будет и неправильно, так как, по высочайшей воле, мне им же сообщенной, я призывался к обсуждению. Кроме того, министр финансов мне сообщил, что военный министр дислокацию войск по линии жел. дороги сообщил в заседании, как «дело конченное уже» по особому высочайшему повелению.

Так как это сопряжено с большим расходом по отчуждению земель, не вызывается необходимостью, а, наоборот, непременно создаст затруднения с китайским правительством, поэтому и имелось в виду сбор всех наших головных сил поместить на Квантуне. Расходы по осуществлению этой дислокации военный министр начинает немедленно, и есть основание опасаться, что это будет повторением непроизводительно израсходованных 3 милл. на казармы в Приамурье и Уссурийском крае.

Насколько вообще мог понять министра финансов, он не знает еще как построиться! Я надеюсь для текущих надобностей его использовать, строго придерживаясь указания, данного мне вашим императорским величеством, а именно: считать его очень кратковременным деятелем [1]). — Дай бог! При нем всякое дело в загоне.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

2 августа 1903 г.
С.-Петербург.

---

[1]) Вслед за этим письмом, действительно последовало увольнение Витте с поста министра финансов. *Ред.*

№ 17.

Письмо А. Безобразова Николаю II от 4 августа 1903 г.

Ваше императорское величество.

При сем имею счастье представить на благовоззрение телеграмму Балашова; она запоздала по неисправности телеграфной линии от повреждения.

Балашова я в Порт-Артуре не считал себя в праве познакомить с протоколами совещания, так как дело, по крайнему моему разумению, деловой положительности не имело, а было естественным результатом прошлых порядков. Балашов мог только огорчиться, что и случилось теперь, когда адм. Алексеев счел нужным ему их показать.

Прием Алексеева я вполне понимаю, — он чувствует фальшивую постановку всего вопроса, ее еще не вполне уяснил себе и, кроме того, боится высказаться после подписания этих квази-документов.

Алексеев не верил, что будет наместником и, следовательно, ответственным за общий успех; поэтому он представителям министерств, военного и иностранных дел, давал ход в облюбованном им направлении.

Я один справиться с коалициею не мог, но подписал только для приличия и по просьбе настойчивой Алексеева [1]), притом заявил, «что отдельное свое мнение телеграфирую государю отдельно». С мнением Балашова о Лессаре я согласен: это человек глубоко беспринципный, и свой личный успех, спокойствие и благополучие ставит выше успеха дела. Притом он сам творец договора 26-го марта и не может сам на себя поднять пяту. Притом еще он не верил в твердость нового направления и это откровенно высказал Плансону и бар. Гюнсбургу. Из этого, ваше императорское величество, видно отчасти, как образовалась та нездоровая деловая атмосфера, которая создала эти отрицательные для нас протоколы.

В Петербурге хотят их ратифицировать и этим путем в политической программе связать Алексеева.

Все это, понятно, труды главаря тройственного министерского союза!

Соображения Балашова касательно оккупации Манчжурии и протектората над Кореею есть название положения правильного неправильным именем.

Если мы, на вполне законном основании, будем действительно в военном отношении сильны на Квантуне, то все остальное само собой и без слов сделается. В противоположном же случае никакие слова и бумаги не помогут.

Когда, после устройства военной силы, обосновывается под ее охраной наша частная предприимчивость с участием иностранцев, то этим все естественно будет сказано и сделано.

Но здесь также, по глубокому моему убеждению, никакая частная предприимчивость серьезно работать не может при настоящем режиме

---

[1]) Речь идет о протоколах заседаний, бывших в Порт-Артуре. *Ред.*

в делах министра финансов. Это общий камень преткновения. Я, по болезни, свои переговоры с министром финансов временно прервал; но обстоятельства дела в скором будущем потребуют их продолжения, чтобы связать все казенные торгово-промышленные предприятия воедино. Объединение здесь необходимо, как в виду устранения очень вредной конкуренции, так и для создания таких твердых деловых постановок, при которых возможно правильное привлечение иностранцев.

Здесь у меня есть общий связный план, который я отчасти сообщил министру финансов и, кажется, его им очень заинтересовал. Но с уверенностью могу сказать, что чем план будет лучше, тем вернее постараются его украсть, и боюсь, что исполнить затем не сумеют. Хотя министр финансов это очень скрывает, но из всех разговоров с ним для меня совершенно ясно, что он в дышле со мной искренно никогда не пойдет.

Статс-секретарь *А. Безобразов.*

4 августа 1903 г.
С.-Петербург.

№ 18.

Проект русского соглашения в ответ на японские предложения.

В виду того, что Япония связана договором с Англиею, Россия вынуждена строго придерживаться существующих трактатов и конвенций. Весьма желательное для России, окончательное дружеское соглашение с Японией возможно не иначе, как если последняя восстановит свою свободу действий, так как только тогда это соглашение может быть основано на удовлетворении коренных потребностей обеих держав.

Японские предложения.	Русский ответ.
1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской империй и поддерживать в этих странах принцип равноправности всех наций в торгово-промышленном отношении.	1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской Империй.
2. Обоюдное признание преобладающих интересов Японии в Корее и русских специальных, железнодорожно-строительских в Манчжурии, и права Японии принимать в Корее, а России в Манчжурии, необходимые меры для поддержания выше определенных своих интересов, подчиняясь однако оговоренному в пункте 1-м настоящего соглашения.	2. Обоюдное признание существующих аналогичных интересов Японии в Корее и России в Манчжурии.

3. Обоюдное ручательство со стороны России и Японии не препятствовать развитию таких промышленных и торговых предприятий, соответственно: японских в Корее и русских в Манчжурии, которые не противоречат постановлению 1-го пункта настоящего соглашения.

Дополнительное обязательство со стороны России не противодействовать возможному продолжению Корейской железной дороги в Южную Манчжурию и соединению ее с дорогами Восточно-Китайскою и Шанхайгуан-Нючуанской.

4. Взаимное обязательство на случай признанной необходимости отправления войск Японией в Корею или Россиею в Манчжурию для защиты прав, оговоренных в пункте 2-м настоящего соглашения, или для усмирения восстания или беспорядков, могущих вызвать международные осложнения; численность посылаемых войск не должна ни в коем случае превышать действительную потребность, и войска эти должны быть немедленно выведены обратно, как только задача, на них возложенная, будет выполнена.

5. Признание со стороны России исключительного права Японии давать указания и содействовать проведению реформ и установлению хорошего правления в Корее, включая и необходимую военную помощь.

6. Настоящее соглашение имеет заменить все предыдущие, состоявшиеся между Японией и Россиею относительно Кореи.

30 июля 1903 г.

3. Обоюдное ручательство со стороны России и Японии не препятствовать развитию таких промышленных и торговых предприятий, которые не противоречат постановлению 1-го пункта настоящего соглашения.

4. Признание со стороны России права Японии давать указания и советы к проведению реформ и установлению хорошего управления в Корее.

5. Настоящее соглашение есть подтверждение всех предыдущих, состоявшихся между Японией и Россиею.

16 августа 1903 г.

№ 19.

Письмо А. Безобразова Николаю II от 14-го октября 1903 г.

Ваше императорское величество.

Приемлю смелость всеподданнейше доложить, что если потребуется к открытию заседания комитета представление согласованной экономической программы для дел Дальнего Востока, то с предвари-

тельной совместной с управляющим министерства финансов разработкой вопросов необходимо поспешить.

Я не смел бы беспокоить ваше императорское величество этим напоминанием, если не имел бы верных данных, что тайный советник Плеске не может самостоятельно отрешиться от прежних деловых постановок благодаря влиянию прежних деятелей, а без этого невозможно будет вывести дело из заколдованного круга — казенного хозяйства, с его огромным дефицитом в конечном результате.

Если же финансовые постановки по делам Дальнего Востока будут неудачны, то никакие успехи в других направлениях это вознаградить не могут.

Сегодня получил всемилостивейшее повеление быть членом особого комитета Дальнего Востока. Это дает полную закономерную возможность для повеления: «совместно с управляющим министерством финансов разработать и внести нам в комитет доклад по финансовым, промышленным и торговым вопросам и проекты для будущих желательных улучшений».

Во время этих совместных разработок я могу иметь полную возможность без излишних спорных столкновений доказать бюрократам, что только фискальные организации им посильны и для государственного бюджета целесообразны.

Но для правильного насаждения фискальных порядков требуется создание благоприятных условий для процветания солидных субъектов и объектов обложения, требуются, другими словами, хорошие тягловые единицы, коренящиеся на почве правильных политико-экономических условий и постановок. Самой же казне быть самоисточником своих доходов невозможно, так как казенные дела и предприятия бесхозяйственны, а без реального хозяина, заинтересованного непосредственно в результатах, никакое дело промышленное и торговое итти не может.

Фиктивные в этом отношении организации имеют свойство быть тем хуже для дела, чем они лучше, по своей форме, скрывают эту деловую пустоту и создают обман глаз. Для экономического общего благополучия Дальнего Востока требуется: а) сперва создание и обеспечение за собой известных ценностей и вообще прав на определенное состояние; б) затем помещение этих ценностей для создания полезностей в благонадежные частные руки и соблюдения благоприятных условий для эксплоатации правильных дел; эти ценности должны считаться государственным достоянием; орудия же действия, для обращения ценностей в полезности, должны функционировать в качестве арендаторов этого добра, верных фискальных плательщиков, но пользующихся действительной защитой своей личности и собственности.

При этих условиях только могут удовлетвориться элементы всякой собственности, а именно: право владеть, пользоваться и распоряжаться своим добром.

При этом создается порядок индивидуализации труда и капитала вместо принципа государственного социализма, который сознательно или бессознательно во всем проводился С. Ю. Витте.

Если вашему императорскому величеству благоугодно будет Плеске и мне приказать поработать вместе, то приемлю смелость доложить, что мне представляется для могущих случиться между нами спорных вопросов авторитетное мнение третьего лица (пока дело не поступит на высочайшее благовоззрение, до вноса в комитет) крайне желательным. Если статс-секретарь Плеве был бы назначен заместителем вашего императорского величества в комитете, то этим его арбитраж в текущих обстоятельствах естественно бы установился.

Кажется, что взаимные нас трех друг с другом теперь отношения этому также благоприятствуют.

Статс-секретарь *А. Безобразов*.

14 октября 1903 г.
С.-Петербург.

№ 20.

РЕЧЬ,

сказанная командующим 1-ю Манчжурскою армиею генерал-адъютантом Куропаткиным в собрании 25-го мая 1905 года.

В собрание приглашены были: начальник штаба армии генерал-лейтенант Эверт, генерал-квартирмейстер генерал-майор Орановский, командиры корпусов: 1-го армейского — генерал-от-кавалерии фон-дер-Лауниц, 1-го Сибирского — генерал-лейтенант Гернгрос, 2-го Сибирского — генерал-лейтенант Засулич, 3-го Сибирского — генерал-лейтенант Иванов и 4-го Сибирского — генерал-лейтенант Зарубаев, начальники штабов тех же корпусов: полковник Драгомиров, генерал-майор Бринкен, генерал-майор Папенгут, генерал-майор Мартынов, подполковник Зигель, некоторые чины, состоящие при командующем армиею, и офицеры генерального штаба квартирмейстерской части штаба армии. Делопроизводителями были назначены — генерального штаба полковник Сиверс и подполковник Пневский.

Командующий армией прежде всего указал цель, с которой им собраны представители 1-й Манчжурской армии, — выяснить положение обеих воюющих сторон на море и на суше, дабы в правильной оценке сил и средств России и Японии почерпнуть бодрость духа, без которой и большие материальные силы не дадут нам победы, — а не быть увлеченными общим потоком малодушия, недоверия к своим силам и преувеличенного мнения о силах и средствах противника.

Вести из России сообщают, что течение против продолжения войны и за заключение мира на каких бы то ни было условиях все крепнет, особенно после поражения нашей эскадры адмирала Рождественского. На государя, и без того удрученного неудачами нашей армии, нашего флота, давят извне, давят министры, сановники, представители земства и других учреждений и сословий, стремясь к скорейшему заключению мира, частью из малодушия, еще более по малой осведомленности в действительном положении нашей армии. В то же

время приезжающие из армии генералы и офицеры, часто вынужденные по тем или другим причинам покинуть ряды армии, являясь государю, тоже подчас докладывают его величеству о представляющейся их воображению слабости нашей армии, отсутствии надежд на успех в борьбе с Японией.

Тяжело при этих условиях государю решиться на продолжение борьбы до победного ее исхода.

Между тем, мир, заключенный ныне, ляжет позором не только на армию, но и на всю Россию, да он не даст России и спокойствия. Мы вынуждены будем содержать в нашей русской Азии громадные вооруженные силы, дабы отстоять ее от неизбежных с потерею нашего обаяния посягательств на нее. После позорного мира Япония станет фактически хозяином всей Азии, хозяином 450 милл. населения, и «желтая опасность» явится в полной своей силе. Наконец, не следует забывать, что среди населения России 50 миллионов не связаны с нами прочно, — все они, пользуясь слабостью России, станут требовать для себя отдельной жизни, и мы можем потерять не только наши азиатские владения, но и окраины Европейской России. Зашатаются и могут упасть самые важные устои русской жизни и государственности, созданные веками, созданные особенно кровавою работою в течение 200 лет нашей армии.

В эту трудную минуту нужно, чтобы государь наш в своей решимости продолжать войну встретил могучую поддержку из армии. До сих пор взоры всех русских людей, все их надежды обращались к 1-й Манчжурской армии, которая являлась как бы воплощением могучего, стойкого русского духа. Если и мы, представители этой армии, заговорим упавшим голосом, то откуда же будет поддержка государю? Между тем, и среди нас есть легкомысленные люди, которые считают, что Россия напрягла уже все свои силы и средства, что следующий бой будет для нас только поражением.

Только спокойное обсуждение нашего положения, правдивое сравнение наших сил и сил противника может дать нам твердую уверенность, что победа наша не так уже далека от нас, — а затем от нас прилив бодрости перейдет и в другие армии, и через тыл в Россию.

Прежде всего, надо выяснить, какое значение для нашего положения имеет поражение нашей эскадры в Корейском проливе. Конечно, известие об этом поражении произвело тяжелое впечатление, оно тяжело для нашего самолюбия, но можно ли признавать за ним решающее значение в борьбе с Японией России с ее 140-миллионным населением? Можно ли приписывать решающее значение в деле защиты чести и достоинства могучей России уничтожению нескольких железных ящиков с горсточкой русских людей? Не флот создал Россию в ее настоящих границах, создала ее исключительно сухопутная армия, а из нее пока участвовала в войне только незначительная часть.

Поражение нашего флота окажет лишь то влияние, что если России и суждено когда-нибудь господствовать в водах Тихого океана, то от этой мечты нам придется отказаться на более или менее продолжительное время. Но ведь нельзя не признать, что эта широкая задача была трудно выполнима: нельзя в каких-нибудь 5 — 10 лет из глубоко сухопутной нации, без естественной природной школы моряков,

сделаться вдруг первоклассной морской державой и добиваться господства на Тихом океане.

Неуспеху нашего флота нельзя и удивляться. Ведь японцы все природные моряки, все население Японии живет на море, флот их действовал в родных водах, имел подавляющее превосходство в минной флотилии; при этих условиях наша победа над японским флотом могла быть только результатом какого-нибудь особого счастливого случая.

Япония, сделавшись теперь великой державой, благодаря своему могучему флоту, страшна только морским державам — Англии, Америке, Франции, Германии, для которых столкновение с Японией в более или менее близком будущем вероятно, если не неизбежно. Для нас же, не имеющих никаких особо жизненных интересов в водах Дальнего Востока, Япония — победительница на море — не страшна.

Ведь фактически Япония и с самого начала войны вполне владела морем, и поражение нашего флота никакого существенного изменения в условиях нашей борьбы с нею не внесло. Конечно, победа нашего флота значительно облегчила бы нашу задачу, но поражение его отнюдь не сделало победу невозможною.

Увеличилась опасность Владивостоку, но у нас там и вблизи уже собрано 60 батальонов полного боевого состава, во главе крепости стоит энергичный комендант. При таких условиях отвлечение значительной части неприятельских сил для операций против Владивостока в общей экономии наших сил на всем театре войны для нас, быть может, и выгодно, так как наши 60 батальонов, прикованные к Владивостоку, до сих пор оставались в бездействии.

К невыгодным для нас последствиям победы японцев на море нужно отнести то, что силы, собранные японцами на Формозе и Пекадорских островах, могут быть перевезены в состав действующих против нас армий, но силы эти слишком незначительны, чтобы иметь мало-мальски серьезное значение на исход сухопутных операций.

Обращаясь к сравнению сил наших и японских, начнем с сравнения сил материальных.

К оценке сил нашего противника мы от одной крайности перешли ныне к другой. До войны и в начале ее мы преступно уменьшали силы Японии, доверяя донесениям недобросовестных, близоруких или ленивых наших агентов и дипломатов; почти все они доносили, что японские войска к серьезной борьбе большими массами не подготовлены. Презрительная кличка «макаки» твердо установилась за японцами. Флот наш в Тихом океане еще перед самой войной считался непобедимым японцами, и это положение было поставлено краеугольным камнем нашего плана войны. Действительность очень скоро разрушила наши иллюзии. Но затем мы перешли к чрезмерному преувеличению сил нашего противника.

Так, например, в сводке сведений о противнике, составленной в штабе главнокомандующего, от 18 мая сего года за № 67, силы японцев определяются в 342 батальона, численностью 385 тысяч штыков.

Из той же сводки мы видим, что собственно доподлинно известных нам в составе японских армий батальонов только 252; затем предполагаются уже находящимися на театре войны 54 батальона, могущими

появиться против нас еще 3 дивизии — 36 батал., всего 342 батальона, в том числе и 34 батальона в Корее.

Таким образом, из предполагаемых сводкою сил противника только 252 бат. нам доподлинно известны, остальные же силы только гадательны и скорее произвольно преувеличены. По показаниям взятых нами пленных, по захваченным нами в разных местах ротным спискам, число штыков в роте в среднем определялось не свыше 200 — 220; проскользнуло раз, но уже не подтвержалось более сведение о составе одной роты в 250 штыков, но встречались роты и в 180 штыков. Если принять состав батальона в 900 штыков, которые все идут в бой, так и этот расчет может считаться скорей преувеличенным. Этот расчет и принят в указанной выше сводке. Но, увеличив число батальонов в сводке, в общий итог японских сил включается еще 25% надбавка.

Преувеличивая силы противника, мы в то же время относились слишком небрежно к расходованию нижних чинов из строя для надобностей хозяйственных и тыловых. Достаточно сказать, что у нас недавно еще в 1-й армии на 190 тысяч ртов было только 106 тысяч штыков, т.-е. на довольствии состояло почти вдвое больше нижних чинов, чем было штыков в строю.

Конечно, некоторый расход нижних чинов на хозяйственные надобности неизбежен, но он или часть его неизбежен и в японской армии. Тем не менее, у нас расход нижних чинов на тыловые учреждения чрезмерно велик; в среднем в 4-х батальонном полку на хозяйственные нужды самих полков уходит из строя 515 человек. Выкидывая это число, а также и командированных из полков для надобностей армейских тыловых учреждений (в среднем 200 — 300 человек на полк), наличный состав наших армий в настоящее время выражается следующими цифрами:

в 1-й армии	188 бат.	134 тыс.	штыков.
во 2-й армии [1]	176 »	123 »	»
в 3-й армии	128 »	90 »	»
Итого	492 бат.	347 тыс.	штыков,

а с прибытием в ближайшем будущем в состав 1-й армии 53-й пех. дивизии, общая сила наших армий составит 508 бат. или около 360 тыс. штыков.

В этот подсчет не вошли войска, находящиеся на охране железной дороги, и 60 батальонов в Приамурском округе. Наконец, в России уже мобилизованы 9-й и 19-й армейские корпуса и готовы к отправлению 150 тысяч укомплектований. Уже осенью мы будем располагать силами около 640 тысяч штыков.

В настоящее же время мы располагаем уже 492-мя батальонами.

Какими же силами действительными, а не мнимыми, располагают японцы против наших армий на манчжурском театре войны согласно данным указанной выше сводки сведений о противнике?

[1] Считая, как и в 1-й армии, по 700 штыков в батальоне.

а) против 1-й армии стоят армии:

Кавамуры	36 бат.	32 тыс. штыков [1]).
Куроки	64 »	58 » »
Нодзу	38 »	34 » »
Всего	138 бат.	124 тыс. штыков.

Против этих сил мы в армии имеем — 134 тыс.

б) против 2-й армии стоят армии:

Оку	70 бат.	63 тыс. штыков
Ноги	64 »	58 » »
Всего	134 бат.	121 тыс. штыков.

Против этих сил мы имеем во 2-й армии 123 тыс.

Из приведенных цифр видно, что наши 1-я и 2-я армии в общем даже несколько превосходят стоящие против них 5 японских армий, да, сверх того, мы имеем еще в резерве всю 3-ю армию силою в 90 тыс. штыков.

Всего же мы имеем уже 347 тысяч штыков против 245 тысяч штыков у японцев, а если считать японские батальоны силою даже в 1000 штыков, — то против 272 тысяч штыков.

В то же время у японцев из 272 батальонов действующих только 156, а резервных 116, — тогда как из наших 492 батальонов резервных только 132.

Приведенные расчеты свидетельствуют, что наши материальные силы дают нам полный шанс к победе.

Но чтобы эта численность была не бумажной, надо, чтобы все начальники, начиная с ротных командиров, считали вопросом своей военной чести выводить в бой всех своих нижних чинов, борясь за каждого нижнего чина, которого желают от них взять в тыл. Надо также всячески избегать непроизводительного расходования уже выведенных в бой штыков. Так, вынос раненых отнимает у нас массу людей; были случаи, свидетельствующие, что некоторые начальники поощряют даже вынос раненых, предоставляя нижних чинов к награждению знаком отличия военного ордена за вынос под огнем раненых, тогда как за вынос раненых людьми, для сего не назначенными, надо строжайше карать, как уход с поля сражения. Большой и обыкновенно непроизводительный расход у нас вызывает назначение прикрытий к батареям по роте на каждую батарею, тогда как у японцев артиллерия сама себя защищает. Теперь и мы примем меры к сокращению этого наряда; то же относится и до прикрытия к обозам. Наконец, знамена, которые раньше служили всегда могучим рычагом наших побед, в настоящую минуту во многих частях держатся чуть не при обозах, отвлекая для прикрытия их целые знаменные роты, в бою не участвующие.

В результате такого небережливого расходования штыков уже на поле сражения мы оказывались значительно слабее, чем могли бы быть. Против этого надо бороться всеми силами.

[1]) Считая по 900 штыков в батальоне.

Обращаясь к сравнению моральных сил воюющих сторон, нельзя, конечно, не признать, что постоянные победы японцев на суше и на море должны были поднять дух их. Но на-ряду с этим много фактов свидетельствует нам, что войска японские в общем теперь стали хуже, чем были в начале войны. Таких бешеных атак, какие велись японцами при взятии Цзинчжоуской позиции, под Тюренченом, Лиояном, после того мы уже не видели; наши отдельные роты не раз сдерживали напор значительно превосходных сил и притом на сильно растянутых позициях. Раньше мы никак не могли взять не только пленных, но даже и трупы своих убитых японцы уносили; теперь мы захватываем значительное уже число пленных, а недавно, во время последнего набега генерала Мищенко, целая рота, засевшая в фанзах со своими офицерами, выкинув белый флаг, сдалась в плен нашим казакам. При опросе пленных они показывают, что воевать им надоело. Из опроса же пленных и захваченных писем, адресованных японским солдатам, мы узнаем, что и на родине у них настали тяжкие времена, — жизнь непомерно вздорожала, а число рабочих рук совсем уже недостаточно. Источники укомплектования японских армий исчерпаны: правительству пришлось изменить закон о воинской повинности, увеличив срок пребывания в запасе; в войска уже пошли новобранцы не только настоящего, но и будущего 1906 года. Признанные ранее неспособными к военной службе теперь уже взяты в войска. Японские врачи в газетных статьях указывают на общее истощение больных, прибывающих с театра войны, на крайне тяжелое течение ран. Наконец, длинные перерывы в военных действиях свидетельствуют, что Японии война дается очень не легко.

Неудача наша под Мукденом должна быть приписана нашему неискусству и малой энергии. Из поступивших ныне описаний действий разных отрядов усматривается, что очень большое число батальонов вовсе не принимало или приняло самое незначительное участие в боях. Так, в 1-м Сибирском корпусе 3-й и 4-й Восточно-Сибирские стрелковые полки в бою вовсе не участвовали; 3 полка 17 армейского корпуса под начальством генерал-майора де-Вита почти не приняли участия в бою, одна бригада 31-й пех. дивизии моталась только с одного места на другое без боя; одним словом, собранные к 20-му февраля на нашем правом фланге для удара в охват японцев 50 батальонов в сущности бездействовали.

Но и самое отступление от Мукдена могло бы быть исполнено в полном порядке, если бы мы соблюли азбучное для сего правило, — очистили бы пространство в тылу от обозов; между тем, несмотря на отданное еще 20-го февраля и затем подтвержденное еще приказание, не все части отправили свои обозы заблаговременно в тыл.

Прорыв у Киузаня на р. Хуньхе самых незначительных сил противника имел тяжелые последствия потому, что войска наши вместо того, чтобы атаковать эти части, стали пятиться назад и в стороны, очищая путь противнику; в результате ничтожные силы противника произвели громадное моральное впечатление на обозы и привели их в замешательство.

Все эти тяжелые уроки, уверен, пойдут нам на пользу; уверен, что долгий опыт вполне подготовил нас к избежанию сделанных ранее

промахов, научил нас правильному употреблению сил без напрасного их расходования.

Войска наши, несомненно, совершенствуются, части 1-го армейского корпуса, которые в боях на Шахе показали себя недостаточно стойкими, в последних боях дрались уже молодцами. 10-й корпус, действовавший неудачно в первых по прибытиии его на театр войны делах, теперь тоже принадлежит к числу надежных. Бузулукский полк, бежавший под Ляояном, теперь с основанием называет себя «славным» Бузулукским полком. В этом совершенствовании наших войск даже после неудач — наша сила, в нем кроется и залог нашего будущего успеха, который, быть может, уже и близок.

В последнее время на укомплектование наших войск прибыли несколько десятков тысяч срочно-служащих нижних чинов, все они пошли на войну по собственной охоте, все они молоды, бодры, уверены в успехе.

Если у нас есть утомление войной, так ведь и у японцев в этом отношении не без греха.

Приведенное выше сравнение наших и японских сил приводит к заключению, что ныне на оборонительный бой мы должны уже смотреть не как на операцию, ведущую к отступлению, а как на подготовку к переходу в наступление. Теперь уже я буду считать себя счастливым, когда получу известие, что японцы, наконец, перешли в наступление. Это будет особенно для нас своевременно, не только потому, что сулит нам победу, если мы, пользуясь нашим большим опытом, исполним свой долг до конца, но и потому, что новые бои отложат заключение позорного для нас мира.

Все мы, все наши войска относятся с глубоким доверием к нашему главнокомандующему. Поможем же ему всеми своими силами и способностями выполнить тяжелую, но почетную возложенную на него задачу — защитить интересы России, разбить японцев.

Надеюсь, что моя сегодняшняя вполне откровенная беседа вселит в вас глубокое внутреннее убеждение, что продолжение войны для России неизбежно, необходимо, и шансы на победу и, быть может, даже более близкую, чем это кажется, у нас есть самые серьезные. Призываю вас, представителей самой сильной до сих пор по духу 1-й армии, к поддержанию этой уверенности и бодрости во всех ваших подчиненных; пользуйтесь всяким случаем, чтобы эту уверенность передать и чинам других армий, пишите о том же и своим родным и знакомым в России.

Все цифровые данные, сообщенные мною сегодня, составляют военную тайну.

Подлинную подписал: генерал-адъютант *Куропаткин.*

Верно: генерального штаба полковник *Сиверс.*

№ 21.

Письмо Н. П. Линевича военному министру А. Ф. Редигеру от 23-го августа 1905 г.

Милостивый государь,

Александр Федорович!

Дозволяю себе мысли мои и нужды армии изложить по пунктам:

1) Очень отрадно было прочитать ваше письмо от 20-го июля; такие письма только поддерживают бодрость духа. Мы не были приучены получать столь сердечные послания. Нам однажды написали из главного штаба, что из армии только дергают главный штаб. Вполне понимаю, что в военное время к военному министерству армия предъявляет много требований, требующих иногда безмерного напряжения, но военное министерство должно знать, что армия постоянно находится не только в напряженном, но часто и в тяжко тревожном состоянии. При таком положении, естественно, иногда в армии являются экстренные требования, которые могут вызвать в главном штабе срочную работу или изменения в его планах, но это не должно беспокоить главный штаб, — наоборот, он эту работу обязан выполнять срочно и без отказа: даже промедления главного штаба могут повести к весьма тяжким последствиям. Я, впрочем, этим письмом никого не желаю обвинять, — все ныне идет хорошо, и наши требования главный штаб выполняет даже предупредительно.

2) Вы и представить себе не можете, сколь трудно ныне воевать с настоящим противником. Он не только предприимчив и отважен, но он и многочисленный, и сидит в укреплениях. Чуть только наши передовые части выдвинутся вперед, японцы тотчас же убираются в свои укрепленные позиции.

3) В настоящее время для обороны мы возводим не одни только мелкие окопы, как бывало в старину, а строим настоящие форты, при чем, по моему указанию, из форта в обе стороны выводятся длинные усы в виде глубоких траншей с блиндажами. В усах вмещается 600 — 800 стрелков. Этот форт опоясан колючею проволокою, волчьими ямами, фугасами и глубоким рвом. Проволочные заграждения в 50 — 75 шагах перед фронтом. Таким же проволочным заграждением форт прикрыт с горжи. В форте и в усах имеется множество ручных гранат. Все подступы к форту обстреливаются с особых траншей, построенных иногда в два и три яруса. Между фортами имеются соединительные траншеи с блиндажами. Артиллерия где-либо сзади за горою, — ее и не найти.

Такой силы позиции у нас и такой же силы позиции и у японцев. Лезть на них с фронта не представляется никакой возможности.

По фронту позиция у японцев, как вы можете видеть на прилагаемом плане, на западе упирается в Молихе и в нейтральную границу, а на востоке, в городок Наншанченцзы, и все эти 120 — 140 верст почти сплошь покрыты у японцев опорными пунктами и траншеями.

За этой первой линией, в одной или двух верстах вторая линия, за нею третья линия и т. д. в глубину. То же самое и у нас.

Как видите, в настоящее время противника можно взять только численностью и глубокими обходами, что японцы во все прошедшее время и практиковали, при чем всегда с успехом.

4) Ныне же японцы хорошо чувствуют, что и наша армия по численности не уступает японской, и потому японцы ныне сделались очень осторожными и, кажется, о наступлении больше не помышляют.

Вероятно, они предполагают, что наша армия готовится наступать, а, наступая, вынуждена будет сделать отход и по сему случаю неизбежно растянется; японцы же, вероятно, в этом случае предполагают нашей растянутостью воспользоваться и пожелают прорвать нашу армию своими двумя или тремя армиями.

Несмотря, однако же, на таковое предположение, очень желательно именно нам перейти в наступление; но для того, чтобы наша армия могла сделать свободно дальний обход, тоже необходимо, чтобы наша армия имела бы для обхода совершенно свободные войска, так как ослабить свой фронт не только рискованно, но даже опасно.

5) По прилагаемому плану вы можете себе сделать наглядное представление о расположении японской и русской армий, прошу вас и генерала Палицына, если не затруднит, высказать каждому свое мнение, каким способом, с какой стороны и какою частью войск предполагали бы вы атаковать японцев на настоящей их позиции, считая, что все подготовительные средства для атаки уже закончены. Присовокупляю, что местность от Чантафу на запад почти ровная, а на восток сильно гористая, что река Даляохе почти везде непроходима в брод. Число штыков мы имеем 375 тысяч, столько же и у японцев.

Однако же, если по этому пункту пожелаете дать мне ответ, то прошу высказаться не общими мыслями, а категорически.

При сем посылаю вам два плана-схемы, — один для вас, а другой для генерала Палицына; на плане зеленою и коричневыми красками обозначены линии аванпостов наших и японских. 19-й корпус предполагаю теперь же поставить в Итунчжоу и Иичензца, чтобы закрыть промежуток. Также посылаю и план северной Кореи.

6) Я уже доносил государю императору и сообщал прежнему военному министру, что если японцы заставят нас продолжать войну, то и вторая кампания будет так же продолжительна, как и первая, и мы ее окончим не ранее зимы 1906 года. К этому необходимо и готовиться.

Кроме того, прошу вас и генерала Палицына также иметь в виду, что к предстоящей осени к настоящей численности своих войск японцы добавят еще 150 тысяч. Это японцы, несомненно, хотя к концу осени, но выполнят; следовательно, и нам необходимо вновь подумать об увеличении и наших войск.

Если наше военное министерство желает окончить войну согласно с достоинством нашего могущественного государства и армии, то оно должно способствовать главнокомандующему составить такой силы армию, чтобы возможно было предпринять решительный обхват,

могущий дать полную победу. Не скупитесь на войска. Лишних несколько корпусов на театре войны никогда не будут лишними для главнокомандующего. Численность армии на войне ныне есть почти всегда бесповоротно решающий элемент.

Вспомните 1870 год, когда немцы сразу ввели в пределы Франции почти миллионную армию, то через полгода уже окончили войну. В 1877 году, когда осенью мы перевели за Дунай армию в 700 тысяч, то мы тоже через четыре месяца окончили войну. В настоящую же войну мы все продолжаем пакетиками посылать войска на театр войны и притом ради какой-то экономии долго переговариваемся из-за нескольких тысяч, тогда как на войну следует, не жалея, отправить лишних несколько сот тысяч штыков. Чем больше будет войск, тем скорее возможно будет окончить войну, тем война будет стоить дешевле.

В течение полутора года войны по численности армии всегда мы были слабее японцев и потому всегда теряли победу, следовательно, в потере победы мы сами всегда были виновны; казалось бы, впредь это допускать не следует. Тоже следует помнить, что если мы в настоящее время по численности армии сравнялись с японцами, то к концу осени они, наверно, усилятся еще на 150 тысяч и вновь будут сильнее нас, если мы к тому времени тоже не усилимся.

7) Принимая во внимание бесконечную заносчивость японцев, я полагаю, что конференция в Портсмуте не придет к желательным результатам и делегаты разъедутся, следовательно, продолжение войны сделается неизбежным.

8) По числу строевых единиц, как, например, по числу рот или батальонов, мы значительно сильнее японцев; так, например, мы в настоящую минуту имеем в армиях 532 батальона, тогда как у японцев не свыше 400 батальонов. К сожалению, наши единицы слишком слабы против японских; так, например, у нас в роте по штату полагается 235 человек, т.-е. рядовых 200, унтер-офицеров 20 и безоружных 15, тогда как на самом деле у нас в роте налицо и выходит в строй не свыше рядовых 165 и унтер-офицеров 15, всего 180 человек; все остальные 55 на роту находятся в постоянных командировках, именно, на этапах, хлебопекарнях, на охране колонных путей и мостов, прислугою в госпиталях, слабыми в роте и т. д. Как характерный случай, я укажу на новый расход людей, именно на прогон за тысячу верст и охрану порционного скота, для чего требуется несколько тысяч человек. Мы съедаем в день 1.600 голов порционного скота. Все перечисленные расходы людей составляют не только десятки, но даже сотни тысяч людей. Без перечисленных служб в тылу ни одна армия обойтись не может: мы же, не имея в тылу никаких резервов и тыльных войск, вынуждены покрывать эти расходы прямо из строя, и потому наши роты на позициях, вместо того, чтобы быть в составе 235 — 250 человек, едва лишь бывают в составе 180 человек, что уменьшает численность нашей армии почти на 25%, и вместо того, чтобы наша армия ныне была в составе 500 тыс. штыков, мы имеем армию не свыше 375 тысяч человек. Японцы же не только имеют налицо всегда полную роту в 250 человек, но даже они имеют все роты на 25% более, чем по штату положено, — вот главнейшие причины, почему японцы были всегда сильнее нас.

В виду изложенного убедительнейше прошу все наши войска довести до такого штата, чтобы наши роты постоянно имели налицо 235 человек и маленький в роте запас, хотя 15 — 20 человек. Для пополнения же рот, как я прошу, до полного штата и с запасом в 20 человек необходимо к нам в армию прислать, кроме 30 тыс., каковые уже выступили к нам на укомплектование, еще не менее 100 тыс. человек.

Только при таком составе мы будем сильнее японцев, быть может, на 160 тыс. человек.

Считаю обязанностью вас поставить в известность, что если мы потеряли Сахалин, то только потому, что мы не имели свободной дивизии послать на Сахалин.

Мы столь же слабы в Николаевске на Амуре, в Декастри и столь же слабы в Корее, и все это потому, что мы не имеем такое число свободных войск, чтобы быть везде достаточно сильными, тогда как все это было возможно.

В виду всего изложенного убедительнейше прошу после отправления 21-го корпуса немедленно отправить к нам на укомплектование не только обещанные 30 тыс., но и еще 100 тыс. человек.

Повторяю вам, не жалейте войск, если желательно нанести полное поражение японцам.

9) Если японцы нас заставят продолжать войну, то я дозволяю себе вам рекомендовать еще следующее: необходимо, чтобы во внутренних округах постоянно находился у вас налицо свободный резерв для действующей армии не менее 700 тыс. человек, для чего теперь же необходимо собрать ополчение или запасных до 200 тыс. человек, кроме сего, в этом же году необходимо собрать новобранцев не менее 500 тыс. человек. Означенной величины резерв обязательно должен быть у вас всегда налицо для действующей армии.

10) Насколько при отправлении войск из России мало внимательны были к нуждам армии, может служить доказательством следующее: 4-й армейский корпус прибыл на театр войны, имея в каждом полку некомплект почти по 500 человек. По моему мнению, даже преступно отправлять корпуса на войну с подобным некомплектом.

Прошу вас, не откажите обратить на это ваше внимание и не позволяйте отправлять корпуса на Дальний Восток в некомплекте; наоборот, необходимо, чтобы войска при выходе на театр войны всегда имели сверхкомплект до 500 человек в каждом полку, в виду того, что войска в пути следования всегда теряют больными, слабыми и отставшими не менее 10%. Все японские войска имеют всегда сверхкомплект почти 25%, а у нас, как видите, части приходят на войну иногда в огромном некомплекте.

11) К огорчению, я должен вам также сказать, что вот уже полтора года тянется война, но мы все же и ныне столь бедны пулеметами, что даже обидно. Почему же японцы где-то могли заказать и получить для себя пулеметы? Это орудие в настоящую войну сделалось грозным, и им японцы с успехом пользуются; куда идет японская рота, туда она тащит за собою и пулемет. По сему вопросу его высочество генерал-инспектор артиллерии телеграммой № 46 сообщил,

что пулеметы заказаны и будут готовы лишь в мае будущего года. Очень тяжело ожидать пулеметы до мая.

12) Мы ныне получили всего лишь две батареи гаубиц, т.-е. 12 орудий, тогда как, по сведениям, полученным нами из главного штаба, от того же Круппа повезли в Японию 120 гаубиц. Это тоже, повидимому, прекраснейшее орудие и с огромным будущим, но у нас пока налицо лишь 12 гаубиц и ожидается еще всего 12 гаубиц.

13) Так как вы мне сообщили, что офицеров в России осталось очень мало, то я вместе с сим вхожу с ходатайством о производстве из фельдфебелей и унтер-офицеров в зауряд-прапорщики еще по одному на роту, т.-е. будет по два на роту. Поддержите это ходадайство. Ныне в армии некомплект 2.500 офицеров.

14) Патронов и снарядов в армии тоже очень мало. Об этом я просил генерал-инспектора, но его высочество ответил, что у нас на заводах, по случаю забастовок, патроны еще не изготовлены, но что нами заказаны патроны за границею, но тоже еще не привезены.

Для сравнения вам сообщаю, что под Мукденом патронов было выпущено 85 миллионов и снарядов 350 тысяч. Но тогда армия была вдвое меньше настоящей; ныне же, при двойной численности армии, если начнется сражение, то патронов и снарядов израсходовано будет вдвое больше, чем было израсходовано под Мукденом.

Ныне же в запасах армии далеко не имеется желаемого числа патронов и снарядов, именно, патронов имеется только 130 миллионов и снарядов всего лишь 401 тыс. Следует вам иметь в виду, что наша армия ныне даст сражение почти в полумиллионном составе, даже, может быть, и в большем составе.

15) В заключение еще раз повторяю: если желательно нанести японцам полное поражение, то необходимо, чтобы у главнокомандующего была армия, по численности своей значительно превышающая армию противника. Следует иметь в виду, что противник отважен и предприимчив и что мы уже уступили ему несколько позиций. Все это должно быть причислено к итогу.

Смуты и беспорядки в России не должны задерживать отправление войск из внутренних округов; все свободное должно быть отправлено на Дальний Восток, иначе мы проиграем и там и здесь. Вы не забывайте, что я ныне ни одной дивизии не могу отправить в Корею, если японцы утвердились в Корее и на Сахалине, то только лишь благодаря нашей полнейшей слабости по численности войск. Все мы как будто боимся, как бы не заслать лишних войск на Дальний Восток.

Нельзя рассчитывать на то, что присылкой 4-х корпусов мы уже закончим отправку войск на Дальний Восток; возможно, что придется отправить еще новые корпуса и укомплектования.

У японцев на материке и на театре войны всегда было 13 дивизий и, считая с резервною бригадою, было по 20 батальонов в каждой дивизии; в настоящее же время у них на театре войны более чем 20 таких дивизий и тоже по 20 батальонов в каждой и по 1.000 человек в батальоне. Кроме того, у них на островах имеются еще в достаточном числе свободные войска, из которых они свободно могут отде-

лять на Сахалин и в Корею и там теснить нас; мы же в означенных пунктах по недостатку войск отпора японцам дать не можем.

В виду сего вблизи театра войны в моем распоряжении крайне необходимо иметь всегда наготове резерв для пополнения убыли в армии и в тылу и притом значительной, хотя бы 100 тыс., независимо от полного укомплектования, т.-е. по 250 человек в каждой роте.

Вам должно быть известно, какие огромные требования всегда предъявляет также и тыл на свои многочисленные и разнообразные учреждения, и все это тоже требуется постоянно пополнять, иначе остановится работа действующей армии.

Война во все времена требовала и множество денег, и множество людей; где это делалось широко, там и войны всегда оканчивались быстро и с полным успехом. Когда же во всем встречались стеснения, то и войны велись с колеблющимся успехом, а во многих случаях и с полным поражением.

Только прокладка второй пары рельс нас выручит из тяжелого положения, в которое мы сами себя тянем.

16). Что касается нашего злосчастного тыла—Харбина, то для прекращения в нем беспорядков и безобразий мною приняты самые суровые меры до увольнения в дисциплинарном порядке от службы включительно. Но это мало помогает: там, в Харбине, под разными предлогами собираются все отбросы из числа 10 тыс. офицеров нашей армии. Порочные люди везде имеются и везде предаются разгулу. Во все войны тыловые города служили центром безобразия, таким оказался и Харбин. В Харбине находится главный начальник тыла генерал Надаров, человек твердого характера, суровый, требовательный, но жизнь берет свое, с чем необходимо считаться.

17) Что касается политического направления нашей армии, то лучшего и желать нельзя. Брожение мыслей никогда и ни в чем еще в армии не проявлялось, но несомненно, что с присланным укомплектованием, т.-е. с запасными и с молодыми солдатами и с прибывшими корпусами, в армию проникли не только разговоры о происходящих беспорядках в России и во флоте, но не сомневаюсь, что с ними прибыли и агитаторы. Тогда же привезены во множестве и разного рода прокламации, особенно это как будто замечалось у прибывших из гренадерского корпуса.

Благодарение богу, ничто не могло повлиять на присягу солдата, и смею вас уверить, что армия возвратится в отечество чистая духом и мыслями. Меры предосторожности в армии приняты.

18) Настоящее письмо до некоторой степени вам может служить программою наших нужд в армии.

Примите уверение в совершенном уважении

Н. Линевич.

23 августа 1905 г.
№ 1393.
Ст. Годзяндин.

№ 22.

Письмо Н. П. Линевича Николаю II от 6-го декабря 1905 г.

Ваше императорское величество

всемилостивейший государь!

В виду прекращения телеграфного сообщения между Харбином, Читою, Иркутском, Омском и Европейской Россией, я не имел никакой возможности доносить вашему императорскому величеству о положении дел в армии и в областях Дальнего Востока. Ныне же, не ожидая открытия телеграфного сообщения, я представляю вашему императорскому величеству настоящее донесение с курьером.

Настроение в войсках владивостокского горнизона и среди матросов сибирских экипажей в настоящее время не внушает опасения. Этому в значительной мере способствовала эвакуация некоторой части запасных из гарнизона морем.

Бывшие во Владивостоке 30-го октября беспорядки возникли, как выяснило производящееся следствие, главным образом на почве неудовольствия запасных нижних чинов, рассчитывавших с окончанием войны на немедленное увольнение со службы. Этим неудовольствием запасных и матросов воспользовались для своих преступных целей прибывшие во Владивосток под видом рабочих агитаторы и натолкнули недовольных на погромы, грабежи и поджоги.

Следствие продолжается особой комиссиею в составе представителей от всех ведомств и от города.

В армиях в настоящее время, хотя поддерживается спокойствие, но спокойствие это относительное. Крайне медленное отправление запасных нижних чинов на родину, делая их нетерпеливыми и нервными, порождает среди них брожение, доходящее иногда до открытого требования скорейшего их увольнения в запас.

Тем не менее, при помощи моих ближайших сотрудников, командующих армиями и командиров корпусов, удается до сего времени сдержать брожение в армиях и настолько, что со стороны запасных открытого неповиновения пока еще нигде не проявлялось, хотя не скрою, что брожение с каждым днем все более и более усиливается.

По имеющимся у меня сведениям, служащие на железных дорогах — Самарской, Сибирской, Забайкальской, Восточно-Китайской и Уссурийской забастовали по всем отраслям. К ним примкнули все служащие правительственного почтово-телеграфного ведомства. Забастовщики получают указания из Самарского центрального комитета. С 15-го ноября задерживаются все телеграммы, идущие из России, и я с того времени не получил ни одной телеграммы. На каждой из названных дорог образовался стачечный комитет, который и руководит своею дорогою.

В настоящее время Харбин вовсе не имеет телеграфного сообщения с Россией, а также и с Читою, но с Владивостоком и с Хабаровском сообщение имеется при посредстве войскового телеграфа.

Вместе с тем докладываю, что забастовка не распространяется на отправление войск с театра войны на родину, на подвоз продовольствия для армии и теплой одежды тоже для армии. При таких условиях мы имеем возможность отправлять войска на запад в среднем 4—5 поездов в сутки, именно: два эшелона 4-го Сибирского корпуса в Западную Сибирь, для охраны Сибирской железной дороги, один эшелон 1-й Сибирской дивизии в Забайкалье, для охраны Забайкальской железной дороги, и только один или два эшелона сквозных в Россию с запасными нижними чинами.

Столь малое число поездов, отправляемых в сутки, увеличивает неудовольствие среди нижних чинов.

Это обстоятельство заставило меня настаивать на отправлении ежедневно большего числа поездов. На это мне сообщили, что до заключения мира на Сибирской, Забайкальской и Восточно-Китайской железных дорогах находились паровозы и подвижной состав, командированные с Российских железных дорог, и что в настоящее время, в виду возвращения таковых обратно в Россию, увеличить число поездов в сутки не представляется возможным.

В виду крайней необходимости ускорить эвакуацию запасных ходатайствую перед вашим императорским величеством о повелении вновь безотлагательно командировать паровозы и подвижной состав на Сибирскую, Забайкальскую и Восточно-Китайскую железные дороги. Также ходатайствую и о скорейшем доставлении в Харбин теплушек, о которых я просил генерала Палицына. Только этими мерами можно надеяться достигнуть ускорения эвакуации запасных и полного успокоения армии.

Как только прибудут на сибирские железные дороги паровозы и в Харбин 2.800 теплушек, тотчас же начнется массовое отправление запасных в Россию.

В настоящее время на правильность движения по сибирским железным дорогам, в виду частых забастовок и недостатка паровозов, рассчитывать совершенно невозможно, а посему для ускорения эвакуации запасных полагал бы необходимым теперь же зафрахтовать такое число пароходов, которым можно было бы вывезти из армии 200 тысяч человек.

Кажущийся на первый взгляд громадный расход на эту операцию окупится тем, что не придется несколько месяцев держать в рядах войск действующей армии на довольствии лишних двести тысяч запасных нижних чинов, чем будут соблюдены и интересы казны. Кроме сего, скорая эвакуация запасных из армии принесет той же армии неоценимые выгоды в нравственном отношении. Я уже не говорю о том, что эти двести тысяч рабочих рук, в большинстве хлебопашцев, при условии эвакуации морем, вернутся на родину к весенним полевым работам.

Повергая вышеизложенное на благовоззрение вашего императорского величества, приемлю долгом доложить, что предлагаемые мною меры в настоящее время необходимы для спокойствия армии, иначе медленная эвакуация запасных может вызвать крайне нежелательные последствия.

Я неоднократно просил военного и морского министров о том, чтобы пленных не привозили во Владивосток, а прямо отправляли

в Одессу. Но несмотря на мои неоднократные настойчивые просьбы, все же продолжают подвозить пленных во Владивосток. Просьба моя основывается на том, что перевозка пленных по железным дорогам в значительной мере задерживает эвакуацию запасных из действующей армии и тем самым еще более порождает неудовольствие среди нижних чинов запаса.

Испрашиваю по сему повеления вашего императорского величества.

Город Харбин в настоящее время представляет из себя гнездо всякого рода революционеров и агитаторов, которые, пользуясь тем, что запасные нижние чины в Харбине находятся в возбужденном состоянии, в виду их неувольнения в запас, стараются породить среди них смуту и неудовольствие против начальников, убеждая запасных, что их не отправляют на родину благодаря нежеланию начальства.

Почти ежедневно рабочими в Харбине устраиваются митинги, на которые приглашаются и нижние чины.

Несмотря на строгое воспрещение военнослужащим участвовать на каких-либо сходках, под угрозой предания ослушников суду по законам военного времени, все же замечалось, что нижние чины своевольно стараются их посещать. Последние главным образом принадлежали к составу железнодорожных батальонов, в виду близкого их соотношения к железнодорожным машинистам и мастеровым, с которыми они ежедневно работают в мастерских.

К сожалению, в Чите нижние чины и казаки приняли активное участие в действиях толпы, вместе с которою ходили к забайкальскому губернатору и демонстративно требовали от него освобождения из тюрьмы одного из арестованных за разбрасывание прокламаций и еще другого политического преступника, психически больного. Губернатор для поддержания спокойствия в городе вынужден был выполнить требование толпы.

Разного рода прокламации раздаются нижним чинам в большом количестве и даже выбрасываются с поездов, уберечь от них нижних чинов нет никакой возможности.

Рядом решительных мер мне удается до сего времени поддержать дисциплину и удержать армию в строгом повиновении и, если есть брожение и неудовольствие, то все это происходит из-за медленного увольнения запасных на родину. В виду сего я позволяю себе всеподданнейше просить повеления вашего императорского величества спешно зафрахтовать пароходы для отправления нижних чинов на родину, и не на сто тысяч человек, как я доносил в моей телеграмме № 2100, а на двести тысяч человек.

Хотя в Харбине я имею надежного и распорядительного главного начальника тыла в лице генерала Надарова, который до сего времени удерживает Харбин в должном порядке и повиновении, тем не менее я предполагаю к 10-му декабря перевести в этот город самую надежную 1-ю Восточно-Сибирскую стрелковую дивизию и командира 1-го Сибирского корпуса генерала Гернгросса, который будет достойным помощником генералу Надарову.

К огорчению, командующие 2-й и 3-й армиями генералы Бильдерлинг и Батьянов стали за последнее время жаловаться на свое нездоровье и просятся уехать в отпуск в Россию. Как ни грустно мне с ними

расставаться в настоящее тяжелое время, тем не менее я вынужден буду их отпустить и вместо них назначить следующих по старшинству до расформирования штаба армий, каковое предполагаю назначить не позже 1-го января будущего года.

Кроме всего изложенного, я позволю себе всеподданнейше просить ваше императорское величество даровать милость восточно-сибирским войскам, именно: в награду за их отличную боевую службу нижним чинам, принимавшим участие в военных действиях, уменьшить срок действительной службы на один год. Все строевые нижние чины срока службы 1902 года, внутренних округов, находящиеся ныне на Дальнем Востоке, на основании существующего закона будут в этом же году уволены в запас армии, тогда как восточно-сибирские войска будут служить еще один год. В виду сего я ходатайствую, чтобы восточно-сибирские войска в виде награды за их боевую службу на этот раз были бы уволены в запас наравне со своими сверстниками.

По сему вопросу я буду ожидать указания вашего императорского величества.

Независимо сего считаю долгом просить ваше императорское величество повелеть по следующим двум существенным вопросам:

1. Ходатайствую разрешить продлить выдачу чинам армии полевых порционов после 1-го января 1906 года до дня отправления каждой части с театра войны. В переживаемое тревожное время, а также вследствие увеличившейся, под влиянием забастовок, дороговизны жизни, означенное разрешение продолжить выдачу усиленного довольствия было бы не только актом величайшей милости вашего императорского величества к чинам армии, но и вполне отвечало бы настоящей обстановке, оставшейся столь же тяжелою, как и в прошедшее военное время.

2. Ходатайствую о выдаче офицерам запаса, прапорщикам запаса, классным чиновникам и врачам при возвращении в Европейскую Россию путевого довольствия согласно основного положения ст. 122 кн. VI св. военн. пост. 1869 г., изд. 1891 г.

По указанному закону прапорщики запаса, офицеры запаса, классные чиновники и врачи, призванные на действительную службу, имели право на получение прогонных денег в оба пути, как при следовании в армию, так и при отъезде, и рассчитывали таковые получить. Между тем, по окончании войны по военному ведомству последовало совершенно неожиданно распоряжение о прекращении выдачи прогонных денег лицам указанных категорий при возвращении из армии и назначено взамен их выдавать предложения и несоответствующие действительному расходу в пути суточные деньги.

Такое несвоевременно изданное мероприятие являлось несправедливым и вызывало естественное неудовольствие и брожение среди запасных офицеров, прапорщиков и врачей, особенно тех из них, кои рассчитывали на прогонные деньги, как на единственное подспорье до приискания места, и лишились его почти перед самым отправлением в Россию.

Опасаюсь, что несправедливая отмена существовавшего до войны закона прибавит значительный элемент недовольных.

Несколько дней тому назад, именно 30-го ноября, я отправил к вашему императорскому величеству через японский полевой телеграф и через

Шанхай телеграмму № 2100. В виду того, что телеграмма моя может не дойти до вашего императорского величества я настоящее письмо, которое лишь служит дополнением посланной телеграммы, посылаю с офицером-курьером.

О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Главнокомандующий генерал-адъютант *Линевич*.

Ст. Лешагоу.
6 декабря 1905 г.
№ 211.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Бачинский, М. Л., ген.-м., командир 2 бриг. 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.
Безобразов, Александр Михаилович, д. с. с., ст.-секр., член Особого Комитета Дальнего Востока.
Белецкий, капитан.
Бибиков, полковн. генер. штаба.
Бильдерлинг, Александр Александрович, бар., ген.-от-кавал., командир 17-го арм. корпуса, временно команд. III Манчжурской армии.
Бирилев, Алексей Алексеевич, в.-адм., впосл. морской министр, начальн. морских сил во Владивостоке.
Благовещенский, А. А., ген.-лейт., дежурн. генерал манджурских армий.
Бобринская, гр., жена адъютанта А. Н. Куропаткина.
Богданович, полк.
Богословский, инженер пут. с., уведомивший Куропаткина об образовании союза инженеров на Сибирск. и Забайк. жел. дорогах.
Бодиско, капит., служивший в предприятии на Ялу.
Боткин, доктор в Манчжурской армии.
Бринкен, фон-ден, бар., Александр Фридрихович, нач. штаба 1-го Сибирск. арм. корпуса.
Бриннер, владивостокский купец.
Будберг, полк.,
Ван-Гоф, полк., доктор, американский агент.
Ванновский, Петр Семенович, ген.-ад., военн. министр при Александре III и в начале царствования Николая II.
Василевский, Николай Александрович, ген.-м., начальник Вост.-Сиб. запас. баталионов в Харбине.
Вахрушев, подполк. ген. штаба.
Вендрих Ф., генер., военный инженер.
Виноградов, капитан.
Виноградский, Илларион Александрович, кап. 2-го ранга, старш. офиц. крейсера «Громобой».
Вирен, вице-адмирал.
Витте, Сергей Юльевич, д. т. с., ст.-секр., министр фин., потом председатель комитета министров.
Владимир Александрович, вел. кн., брат Александра III, член госуд. совета.
Вогак, Константин Ипполитович, свиты ген.-майор, военн. агент в Китае.
Вонлярлярский, Александр Михайлович, д. с. с., пом. ст.-секр. госуд. сов.
Вонлярлярский, Владимир Михайлович, отст. полк. кавалергард. полка.
Воронец, Димитрий Николаевич, ген.-лейт., комендант крепости во Владивостоке.
Вреден, Роман Романович, докт. мед., хирург в Манчжурской армии.
Галковский, подполк., комендант опорного пункта № 16 в корпусе ген. Капталинского на Гаутулинской позиции.
Ганненфельд, А. П., командир бригады 78-ой пех. дивизии.

Гапонов, Леонид Васильевич, ген.-лейт., нач. 3-й Гренадерской дивизии.

Гернгрос, Александр Алексеевич, ген.-лейт., команд. 1-го Сибирского арм. корпуса.

Гершельман, Сергей Константинович, ген.-лейт., впосл. командующий войсками Московского военн. округа.

Гессе, Петр Павлович, ген.-адъют., ген.-лейт., дворцовый комендант.

Глазов, Владимир Гаврилович, ген.-лейт., мин-р народ. просв. в 1904 г.

Голицын, Григорий Сергеевич, кн., ген.-адъют., ген.-от-инф.

Горский, полк., командир. 10-го Вост.-Сибирск. стрелк. полка.

Гриппенберг, Оскар Казимирович, ген.-адъют., ген.-от-инф., командующий II Манчжурской армией.

Гродеков, Николай Иванович, ген.-от-инф., член гос. совета. С 1898 по 1902 г. был Приамурским ген.-губерн., командующ. войсками Приамурского воен. округа; заместил Линевича после отозвания его из действ. армии.

Громов, крупный коммерсант на Дальнем Востоке.

Губер, К. П., ген.-м., главн. полевой интендант манчжурских армий.

Гюнсбург, М., бар., коммерсант.

Дабовский, подполк. военн. судебн. ведомства.

Данилов, Владимир Николаевич, ген.-лейт., начальник 6 Восточно-Сибирской стрелк. дивизии.

Данильчук, полк., ком.-пр. 146 пех. Царицынского полка.

Драгомиров, Михаил Иванович, ген.-адъют., ген.-от-инф., член гос. совета, киевский, подольский и волынский ген.-губ. и командующий войсками Киевского военн. окр.

Духовской, Сергей Михайлович, ген.-от-инф., приамурский ген.-губернатор.

Ефимов, подполковник.

Жилинский, Яков Григорьевич, ген.-лейт., сост. в распоряжении военн. министра, занимал должность начальника полевого штаба наместника на Дальнем Востоке с 29 января 1904 г. по 5 января 1905 г.

Жуков, Павел Александрович, ген.-м., бывш. комендант г. Николаевска, сост. в распоряжении командующего войсками Приамурского военн. округа.

Зарубаев, Николай Платонович, генер.-лейт., командир 4 Сибирского арм. корпуса, затем ген.-адъют., помощник главнокомандующего войсками гвардии и С.-Петерб. военн. округа.

Засулич, Михаил Иванович, генер.-лейт., командир 2 Сибирского арм. корпуса.

Захаров, Петр Матвеевич, полк., начальник военн. сообщ. тыла Манчжурских армий.

Иванов, Николай Иудович, ген.-лейт., командир 3 Сибирского арм. корпуса, в 1905 г. команд. 1 арм. корпуса.

Иванов, Николай Мартынович, ген.-лейт., начальн. 15 пехотной дивизии.

Иессен, Карл Петрович, контр-адмирал.

Ирман, Владимир Александрович, ген.-м., команд. 4 Восточно-Сибирск. стр. арт. бригады.

Истомин, Н. М., ген.-м., начальник управл. военн. сообщ. при главнокомандующем.

Ито, марк., государств. деятель Японии.

Кавамура, японск. генерал, команд. армией против нашего лев. фланга.

Казбек, Георгий Николаевич, ген.-лейт., комендант крепости во Владивостоке после ген. Воронца.

Кассини, А. П., русский посол в Америке.

Каульбарс, Александр Васильевич, бар., ген.-от-кавал., команд. III Манчжурской армией, затем II Манчжурской армией, а после войны команд. войсками Одесского военного округа.

Кауфман-фон, Алексей Михайлович, полк., командир 51 драгунск. Черниговского полка.

Кауфман, жена полк., завед. питательным пунктом Кр. Креста в Манчжурской армии.

Кауфман, Петр Михайлович, сенатор, мин-р народн. просвещения.

Каханов, Иван Васильевич, ген.-лейт., инспектор артилл. II Манчжурской армии.

Кашталинский, Николай Александрович, ген.-лейт., команд. 3 Вост.-Сибирск. стр. дивизией.

Квецинский, полковн. генер. штаба.

Кломан, капитан американского генеральн. штаба.

Козлов, А. А., ген.-адъют., московск. ген.-губернатор.

Коковцев, Владимир Николаевич, д. т. с., ст.-секр., член гос. совета, впосл. министр финансов.

Колобов, подполк. Заамурской жел.-дор. бригады.

Коломенский, кап. ген.-штаба в I армии.

Колюбакин, Алексей Михайлович, ген.-м., наказной атаман Уссурийского каз. войска, военн. губернатор Приамурской области.

Комаров, Константин Виссарионович, ген.-от-инф., член Военн. Совета.

Комура, японский министр иностр. дел.

Кондратович, Киприан Антонович, ген.-лейт., начальн. 9 Восточно-Сибирск. стр. дивизии.

Коновницына, Мария Акинфиевна, гр.

Корейво, Витольд Симфорианович, ген.-м., прокурор С.-Петербург. Военно-Окружн. суда.

Королев, рядовой 6 Сиб. саперн. батальона, руководил революционным движением в своей части в 1905 г.

Корф, бар., подполковник.

Косаговский, В. А., ген.-м., находился в распоряжении главнокомандующего.

Коханов, Н. В., ген.-м., командир 43 арт. бригады.

Коцура, гр., председ. совета министров в Японии перед войной.

Кошин, капитан.

Креммер, полк., начальник Уссурийской жел. дор.

Курино, японский посланник в Петербурге.

Куроки, японский генерал, командующий армией против нашего левого фланга.

Куропаткин, Алексей Николаевич, ген.-от-инф., в 1904 г. с должности военного министра был назначен командующим Манчжурской армией, затем главнокоманд. Манчжурской армией, затем главнокоманд. всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии; 3 марта 1905 г. смещен с этой должности и назначен командующим I Манчжурской армией.

Кутайсов, Павел Ипполитович, гр., ген.-от-инф., иркутский ген.-губернатор.

Кучеров, подполковник.

Ламсдорф, гр., Владимир Николаевич, министр иностранных дел.

Лапковский, военный врач, принимал участие в революционном движении на Дальнем Востоке в 1905 г.

Лебедев, Николай, рядовой Орского пехотного полка.

Левестам, Михаил Юльевич, ген.-лейт., ком-щий 2 Сиб. пех. дивизией.

Леопольд-Фридрих, принц прусский, был в действ. Манчжурской армии.

Лессар, русский посланник в Китае.

Линевич, Александр Николаевич, пор., офиц. гв. конн. арт., сын главноком. Н. П. Линевича.

Линевич, Николай Петрович, ген.-от-инф., ген.-адъют., род. 24 декабря 1838 г., воспитывался в Черниговской гимназии, 14 февраля 1855 г. вступил унтер-офиц. в запасный бат. Севского пех. полка; в 1856 г. произведен в прапорщики. Участвовал в кампаниях 1859, 1860—1864, 1877—1878 (ранен), 1888, 1900—1901 гг. В 1904 г. командующий войсками Приамурского военного округа. В начале войны с Японией принял должность командующего I Манчжурской армией; 3 марта 1905 г. назначен главнокоманд. сухопутн. и морск. вооруж. силами, действов. против Японии. Уволен от последней должности 3 февраля 1906 г. Находился в течение 8 месяцев под следствием за непринятие им мер против стачечников и революционеров в действ. армии и в Сибири. Умер 10 апреля 1908 г. в С.-Петербурге.

Лихунчан, китайск. госуд. деятель, с которым Витте заключил в 1896 г. договор.

Лисовский, Н. Я., ген.-м., начальник штаба 2 Сиб. арм. корпуса.

Лобко, Павел Львович, ген.-от-инф., государственный контролер.

Любавин, Гавриил Павлович, ген.-м., команд. Забайкальской казачьей дивизией.

Ляпунов, Михаил Николаевич, ген.-лейт., военный губернатор остр. Сахалина.

Мадритов, полк. генер. штаба, числившийся в штабе адмирала Е. И. Алексеева.

Май-Маевский, Владимир Зиновьевич, полк., нач. штаба 8 Вост.-Сиб. стр. дивизии.

Макаров, Степан Осипович, адмирал, команд. флотом Тихого океана.

Максимович, Константин Клавдиевич., ген.-адъют., варшавский ген.-губ., перед этим наказной атаман Донского казачьего войска.

Мария Федоровна, вдова императора Александра III.

Мартсон, Федор Владимирович, ген.-лейт., начальник полевого штаба III Манчжурской армии.

Маслов, Игнатий Петрович, ген.-от-инф., командир 4 арм. корпуса.
Маслов, Михаил Николаевич, ген.-м., нач. Сиб. отдельн. пех. бригады.
Мейендорф, Феофил Егорович, бар., ген.-адъют., генер.-от-кавал., команд. I арм. корпусом.
Мищенко, Павел Иванович, ген.-адъют., ген.-лейт., начальн. Уральско-Забайкальской сводной казачьей дивизии, сост. в распоряжении главнокомандующего.
Морозов, Степан Степанович, ген.-майор., комендант главной квартиры II Манчжурской армии.
Морозов, Ф. А., ген.-м., командующий I Сиб. пех. дивизией.
Муравьев, гр., Михаил Николаевич, министр иностранных дел.
Муравьев, Николай Валерианович, бывш. министр юстиции.
Мылов, Сергей Николаевич, ген.-от-инф., командир 8 арм. корпуса, член Военного Совета.
Надаров, Иван Павлович, ген.-лейт., главн. нач. тыла манчжурской армии.
Небогатов, Николай Иванович, контр-адмирал, команд. русской эскадрой.
Нечволодов, А. Д., полк.
Никитин, В. Н., ген.-лейт., начальн. арт. 3 Сиб. арм. корпуса.
Николай Николаевич, вел. кн., ген.-адъют., ген.-от-кав., главноком. войсками гв. и Спб. военн. округа, сын Николая Николаеича Старшего, брата Александра II.
Николенко, Николай Михайлович, ген.-м., инспектор инженеров II Манчжурской армии.
Одишелидзе, полк.
Оку, японский генерал, командующий армией фронта.
Орановский, Владимир Алоизиевич, ген.-м., ген.-квартирм. штаба главноком. Манчжурской армии.
Орановский, Николай Алоизиевич, полк.
Орлов, Николай Александрович, ген.-лейт., нач. 3 пех. дивизии.
Павлов, диплом. агент в Корее.
Палий, капитан.
Палицын, Федор Федорович, ген.-лейт., нач. генер. штаба.
Панчулидзев, Евгений Алексеевич, ген.-м., состоял в распоряжении команд. II Манчжурской армией.
Перекрестов, Андрей Александрович, ген.-м., нач. шт. 9 арм. корпуса.
Пиотровский, Бронислав Игнатьевич, ген.-м., сост. в распоряжении команд. II Манчжурской армией.
Плансон, член русск. посольства в Китае.
Плеве, Вячеслав Константинович, ст.-секр., д. т. с., сенатор, мин. вн. дел, ст.-секр. велик. княжества Финляндского, шеф жандармов.
Плеве, Павел Адамович, ген.-лейт., командир 13 арм. корпуса.
Плеске, Эдуард Дмитриевич, тайн. сов., управляющий минист. финансов.
Пневский, подполк. генер. штаба.
Подвальнюк, Николай Иванович, ген.-м., команд. 61 пех. дивизии.
Покотилов, Дмитрий Дмитриевич, д. с. с., чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пекине.

Полторацкий, подполк. в III Манчжурской армии.
Попов, редактор газеты «Манчжурия» в Харбине.
Путилов, Павел Николаевич, ген.-м., ком. I бригады 10 Вост.-Сиб. стрелк. дивизии.
Путята, Д. В., ген.-м., благовещенский губернатор.
Редигер, Александр Федорович, ген.-от-инф., военный министр, член госуд. совета.
Рейсс, принцесса Германская, сестра милосердия в санитарном поезде в Манчжурии.
Ренненкампф, Павел Карлович, ген.-лейт., в 1905 г. состоял в распоряжении главнокомандующего, затем командовал 7 Сиб. арм. корпусом и в 1906 г. командир 3 Сиб. арм. корпуса.
Рождественский, Зиновий Петрович, ген.-адъют., вице-адм., командующий эскадрой.
Розен, Р. Р., барон, посол в Японии.
Рооп, Христофор Христофорович, ген.-от-кавалерии.
Рузский, Николай Владимирович, ген.-лейт., нач. полевого штаба II Манчжурской армии.
Русанов, Сергей Иванович, ген.-лейт., начальн. 14 пех. дивизии, затем 12 пех. дивизии.
Савицкий, В. М., ген.-м., командир 14 Вост.-Сиб. стр. полка.
Самсонов, Александр Васильевич, ген.-лейт., нач. Сибирской казачьей дивизии.
Сахаров, Виктор Викторович, ген.-адъют., ген.-лейт., в 1904 г. военный министр, председ. военн. совета, член Особого Комитета Дальнего Востока.
Сахаров, Владимир Викторович, ген.-лейт., нач. штаба главноком. в 1904 г., затем командир 7 арм. корпуса.
Свенцицкий, инженер, начальник Забайкальской жел. дороги.
Свечин, Михаил Андреевич, капит., из главн. квартиры Манчж. армии.
Селиванов, Андрей Николаевич, ген.-лейт., командир 2 сводного стр. корпуса; в 1906 г. Иркутский ген.-губернатор и команд. войсками.
Сергей Михайлович, вел. кн., ген.-м., ген.-инспектор артиллерии.
Сиверс, Николай Николаевич, полк. ген. штаба.
Сипягин, Дмитрий Сергеевич, мин. внутр. дел.
Скрыдлов, Николай Илларионович, вице-адм., главный командир Черноморского флота и портов.
Скугаревский, Аркадий Платонович, ген.-лейт., командир 8 арм. корпуса.
Смирнов, Владимир Васильевич, ген.-лейт., командир 2 Сиб. арм. корпуса.
Смирнов, Константин Николаевич, ген.-лейт., комендант крепости Порт-Артур.
Соболев, Леонид Николаевич, ген.-от-инф., командир 6 Сиб. арм. корпуса, затем по ген. штабу, сост. в распоряжении военного министра.
Соллогуб, Василий Устинович, ген.-лейт., сост. в распоряжении главнокомандующего, а затем военного министра.
Стессель, Анатолий Михайлович, ген.-адъют., и. д. коменданта крепости Порт-Артур, затем командир 3 Сиб. арм. корпуса.

Столица, Михаил Степанович, ген.-м., нач. шт. I арм. корпуса, затем командующий 37 пех. дивизией.

Сычевский, Аркадий Валерианович, ген.-м., военн. губернатор Забайкальской обл., вр. команд. войсками.

Тагеев, военный писатель, был в плену у японцев.

Тевяшев, Николай Николаевич, ген.-от-кав., Туркестанский ген.-губернатор и командующий войсками Туркестанского военн. округа.

Тевяшева, жена Ник. Ник. Тевяшева.

Терау чи, японский военный министр.

Терещенко, доктор в действующей Манчжурской армии.

Тихомиров, подполк. 5 Иркутского полка.

Толмачев, Владимир Александрович, ген.-лейтен. по Оренбургскому казачьему войску.

Топорнин, Димитрий Андреевич, ген.-лейт., командир 16-го арм. корпуса.

Трепов, Федор Федорович, ген.-л., нач санит. части Манчжурской армии.

Трубецкой, полковник Сибирского полка.

Туманов, Георгий Александрович, кн., ген.-м., нач., штаба 10-го арм. корпуса.

Унтербергер, Павел Федорович, ген.-лейт., командующий войсками Приамурского военн. окр., приамурский ген.-губернатор.

Флейшер, Николай Николаевич, ген.-лейт., командир 1 сводн. стр. корпуса.

Флуг, Василий Егорович, ген.-м., ген.-квартирм. 2-й Манчж. армии, затем военн. губернатор Приморской области.

Фок, Александр Викторович, ген.-лейт., нач. 4-й Вост.-Сибир. стр. дивизии.

Фредерикс, Владимир Борисович, бар., ген.-адъют., ген.-от-кавал., министр императорского двора, член гос. совета.

Фридрих-Леопольд, принц прусский.

Харкевич, Владимир Иванович, ген.-лейт., нач. полевого штаба 1-й Манчжурской армии, затем нач. штаба главнокомандующего Линевича.

Холодовский, Николай Иванович, ген.-м., нач. осадной артиллерии манчжурских армий.

Холщевников, Иван Васильевич, ген.-лейт., военн. губернатор Забайкальской обл. и командующий войсками.

Хорват, Дмитрий Леонтьевич, ген.-м., начальник Восточно-Китайской жел. дороги.

Хрещатицкий, Ростислав Александрович, ген.-от-кав., командующий войсками Приамурского военного округа.

Церпицкий, Константин Викентьевич, ген.-лейт., командир 10-го арм. корпуса.

Чичагов, Николай Михайлович, ген.-лейт., начальник Заамурского окр. отдельного корпуса пограничной стражи.

Чурин, Алексей Евграфович, ген.-м., командующий 5-й стр. дивизией.

Шер, участник революционного движения на Дальнем Востоке.

Шереметева, Екатерина Павловна, гр., рожд. гр. Строгонова.

Шилейко, Адольф Данатович, ген.-м., командир 1-й бригады 3-й Сиб. пех. дивизии.

Шипов, Димитрий Николаевич, уполномоченный Красного Креста в Манчжурской армии.

Шкинский, Я. Ф., ген.-м., нач. военн. сооб. при главнокомандующем.

Шоке, поручик 19 Вост.-Сиб. стр. полка.

Штакельберг, Георгий Карлович, ген.-лейт., командир 1-го Сиб. арм. корпуса.

Щербина, генер. консул в Албании.

Эверт, Алексей Ермолаевич, ген.-лейт., нач. полевого штаба 1-й Манчжурской армии, затем в 1906 г. начальн. главного штаба.

Эйлер, Александр Николаевич, подполк., начальник радиотелеграфа на Дальнем Востоке.

Эйхгольц, Александр Рудольфович., ген. для особых поручений при ком-щем III Манчж. армией, затем при ком-щем II армией.

Элиот, Фридрих Иванович, ген.-м., командир 1-й бригады 41-й пех. дивизии.

Ямагата, маршал, государственный деятель Японии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА Р. С. Ф. С. Р.

ЦЕНТРАРХИВОМ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. **Русско-германские отношения.** (Сборник секретных документов). С предисловием М. Н. Покровского.
2. Достоевский. **Исповедь Ставрогина** (неизданн. главы из романа «**Бесы**») и **Житие великого грешника** (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
3. **Письма русских писателей.** Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
4. Дневник **А. Г. Достоевской.**
5. **Сборник материалов и статей по архивному делу.**
6. **Красный архив,** т.т. 1, 2, 3, 4, 5 и 6. Под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.
7. **Лейтенант Шмидт.** (Письма и воспоминания). Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.
8. **И. С. Тургенев.** (Новые материалы).
9. **Крестьянские движения 1902 г.** Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. **Архивное дело.** Вып. I, II.
11. **Письма Скрябина.** Под редакцией Л. Сабанеева.
12. **Чехов.** Неизданная пьеса.
13. **Дневник П. А. Кропоткина.** С предисловием А. А. Борового.
14. **Политические процессы 60-х годов.** Вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.
15. **Переписка Вильгельма II с Николаем II.** С предисловием М. Н. Покровского.
16. **Переписка Николая и Александры Романовых.** Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.
17. **Бакунин.** (Материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.
18. **Аграрный вопрос в совете министров в 1904 г.** Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета, В. М. Фриче.
19. **Письма Победоносцева к Александру III.** С предисловием М. Н. Покровского.
20. **Южно-Русские Рабочие союзы.** С предисловием В. И. Невского.
21. **Восстание декабристов.** (Следственное дело). Т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.
22. **Русско-Японская война.** По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.

ИЗДАНІЯ ЦЕНТРАРХИВА Р. С. Ф. С. Р.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

1. **Переписка Николая и Александры Романовых,** т. IV.
2. **Восстание декабристов,** т. II. С предисловием М. Н. Покровского.
3. **Дневник В. Н. Ламсдорфа.** Под редакцией Ф. А. Ротштейна.
4. **Воспоминания Льва Тихомирова.** Под редакцией В. М. Фриче.
5. **Допрос Колчака.** Под редакцией К. А. Попова.
6. **Французская революция 1848 года.** По донесениям Я. Толстого.
7. **Пугачевщина,** т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
8. **Царская дипломатия в мировой войне.** Под редакцией М. Н. Покровского.
9. **I Съезд Советов.**
10. **Протоколы Петроградского И. К. Совета Р. и С. Д. за 1917 г.**
11. **Аграрное движение в 1917 г.**
12. **Рабочее движение в 1917 г.**
13. **Движение железнодорожников в 1917 г.**
14. **Партизанское движение в Сибири.**
15. **Последние дни колчаковщины.**
16. **Материалы II Съезда Советов.**
17. **Материалы по истории разложения старой армии во время войны и революции.**
18. **Буржуазия перед революцией.**
19. **Морозовская стачка.**
20. **Алфавит декабристов.**
21. **Письма Ф. М. Достоевского к жене.**

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. **Дело 1-го марта 1887 г.**
2. **Политические процессы 60-х годов.** Вып. II.
3. **Политические процессы 70 и 80 г.г.** Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.
4. **Крестьянские движения до 60 г.г.** XIX стол.
5. **Материалы к роману «Идиот».** Под редакцией П. Н. Сакулина.
6. **Материалы к роману «Преступление и наказание».** Под редакцией И. И. Гливенко.
7. **Материалы к роману «Бесы».** Под редакцией Н. Л. Бродского.
8. **Материалы к роману «Подросток».** Под редакцией Ф. Ф. Переверзева.

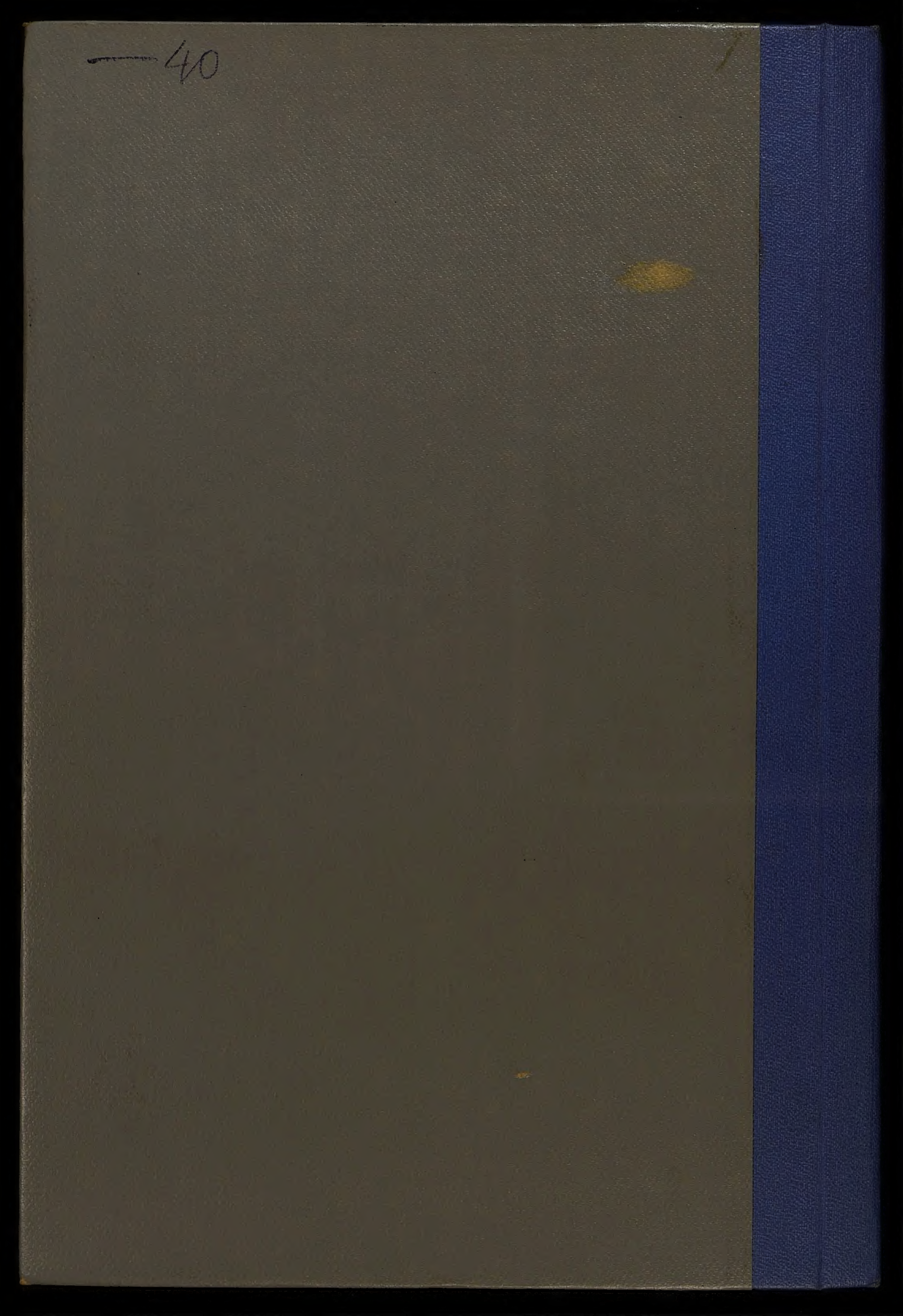
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ 14-го ДЕКАБРЯ 1825 г.

1. **Следственное дело,** т. III и IV.
2. **Популярный очерк по истории декабристов.**
3. **Хрестоматия.**
4. **«Русская правда» П. И. Пестеля.**
5. **День 14 декабря.**
6. **Общество соединенных славян.**
7. **Солдаты и матросы.**
8. **Восстание Черниговского полка.**
9. **П. И. Пестель.**
10. **Библиография.**
11. **Описи архивных дел.**

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

1. **Стачечное движение 90-х годов.**
2. **Южные стачки 1902—1904 г.г.**
3. **Стачечное движение 1905 г.**
4. **Рабочее движение в годы реакции.**
5. **Ленские события.**
6. **Рабочее движение в годы войны.**
7. **Материалы по истории рабочего законодательства.**

—40

40